

ЭЛ ГРОМОВ

ПЛОЗЫ!

СТАНЬ ТЕМ, КЕМ ТЫ НЕ БЫЛ

Дан попал (в своем теле) из современной Москвы в условное средневековье — в мир, в котором есть магия и... касты. ГГ оказывается в низшей из них, разумеется — в касте червей, которых как людей никто не воспринимает. Дан начинает свой путь в новом мире рабом в шахтах, в которых приходится жить, вообще не видя солнечного света и справляя нужду в подземную реку. Единственная причина для радости в этой ужасной ситуации для мужчины — тот факт, что на его шее нет рабского клейма. Осталось только придумать, как повернуть этот факт в свою пользу.

Глава 1. Выгребная яма жизни

— Данил, зырь, что надыбали! — донесся крик до балкона, где я стоял и курил, запивая никотин дешевым, гадким пивом.

Я поморщился от досады. Ненавижу, когда мое имя так бессовестно коверкают.

Я поплелся на кухню. Там было пополнение. Мы тусили в квартире одного из моих друганов — Геры. Помимо нас двоих, тут еще были Макс и Леха, теперь еще и Толян приперся. Вон стоит, косяк с травой мне протягивает.

— Отвали, — буркнул я.

Знают ведь, что наркоту я — никогда. Нажраться, как свинья — это пожалуйста. Но только не наркота, потому что это уже вообще край, после которого только падение на самое дно. А со дна подняться сложно. Я уж и так на одном из нижних ярусов жизни обитаю, не хотелось бы совсем в яму скатиться.

— Ну че ты! — прицепился тут же Толян. — Ща телки прикатят, надо градус веселья поднимать.

Под общий гогот изрядно накурившихся и напившихся товарищей я ушел обратно на балкон, не забыв захватить из холодильника новую банку пива. Присел, прислонившись к стене и глядя в ночную черноту города, распластанного внизу.

Про таких, как я, говорят — страдающая интеллигенция. Это типа мним мы себя такими. На деле же — зажавшиеся и с жиру бесящиеся придурки, которые сами не знают, чего хотят. Вот я, например. Я не знаю, чего мне от жизни надо. Говно она, жизнь эта. Тоска одна, скука, вгрызающаяся в душу и по маленьким кусочкам ее отламывающая и в самое дерьмо этой самой жизни выкидывающая.

Наверное, я как сартровский герой. У меня тоже тошнота от жизни.

Зовут меня, как вы поняли уже, Даниил. Ненавижу иных вариантов — придушить просто готов за всяких там «Данил», «Данька», «Данила». Даниил — точка. Лет мне целых двадцать — устал уже от вереницы бесконечных серых будней. Родни у меня нет — померли все. Батя-алкаш бросил нас еще в дремучей древности, когда я в штаны ссал. Мамка моя тянула меня одна. Два года назад умерла от рака. Мать я, конечно, любил, но, наверное, так и не смог ее отблагодарить за все, что она мне дала. Изо всех своих малых сил ведь старалась, чтоб я не голодал.

От матери однушка осталась в жопе Москвы — район Зябликово. При таком хозяине, как я, она быстро говном обросла. Да пофиг. В том-то и проблема — мне на все пофиг. Я не знал, куда меня тянет. Но двигался я неизменно вниз.

Прокручивая в затянутой пьяным туманом голове тяжко-мрачные мысли, я не заметил, как просидел на балконе полчаса. Из задумчивой полудремы меня вывела какая-то фифа — в наполовину сползшем платье и под тремя слоями штукатурки.

— Зябко тут у тебя, не согреешь меня, пупсик? — пьяно спросила она и чуть не свалилась на меня всем телом.

На мгновение я вблизи рассмотрел ее раскрашенную харю и понял, что девахе не больше двадцати. И уже шмара такая.

Я ненавидел шлюх, хотя сам был далеко не праведник. Но женщина, падшая до такого состояния — это мерзотно.

С отвращением отстранив от себя молодую алкашку, выбрался из балкона, затем и из

квартиры и бегом пересек все лестничные пролеты. Стало тошно и дальше находиться в этой дыре.

Куда идти? Домой? Вот дерьмооо — как же не хочется туда возвращаться. А чего хочется? Лечь и помереть? Возможно. Все лучше, чем эдаким гадким червем по жизни ползать.

Я не спеша направился в сторону метро. Пивка бы еще. Вконец нажраться, чтоб мысли дебилные отключить в голове. Ну-ка, что там у нас по бабкам... В кармане насчитал помятые сотки и полтинник. На дешевые сигареты еще хватит.

Добравшись до ночного ларька с пивом, сигаретами и всякой прочей лабудой, хотел уже просунуть руку с деньгами в окошко и попросить пиво и сигареты, как глаз зацепился за пацана мелкого, сидящего на скамейке чуть поодаль от ларька.

— Даже не думай, — шепнул себе и тут же пошел в сторону пацана. — Чего тут сидишь? — спросил у него.

Лет ему было девять или десять, не мастер я у мелочи такой возраст определять. Осень стоит холодная, противная, мокрая. У пацана легкая курточка на теле, шапки и вовсе нет — вон нос покраснел уже.

— От бати сбежал. Напился, драться лезет.

— А мать где?

— Померла давно.

Внутри меня что-то всколыхнулось. Горько стало.

— Некуда пойти перекантоваться?

— Батя прибьет, если утром дома не буду.

Я подавил в себе тяжелый вздох и желание грязно выругаться. Сам бы прибил, только не мальчика, а ублюдочного папашу его.

— Ты когда в последний раз ел?

— Да недавно, — ответил мальчишка и хмуро уставился на свои ботинки.

«Так, ясно все...».

— На, держи. — Протянул я ему ладонь со смятыми соткой и полтинником.

— Не надо.

Я молча запихал деньги ему в нагрудной карман и поскорее пошел прочь, пока упрямый пацан не вздумал с гордым видом возвращать мне эти несчастные сто пятьдесят рублей.

Пока ехал до своей станции в метро, непрерывно думал о том, что мы не заслуживаем такого мира — мира, в котором десятилетнему ребенку приходится сидеть ночью на улице, мерзнуть, голодать и думать о том, что батя прибьет, если такая дурь взбрдет ему в голову. Ну его, нахрен такой мир!

Дома я завалился спать. Последней мыслью было — сейчас закрою глаза, а когда снова открою их, меня ждет очередной бессмысленный, тупой и дерьмовый день, а за ним еще и еще, и еще...

На следующий вечер туса была у меня. Весь день держался, не звал никого, не выходил никуда. Вечером поддался искушению. Денег не было, на подработки я уже неделю не выходил. Жрать хотелось, холодильник пустой, сигареты закончились.

На просторах сети как-то познакомился я с придурковатыми типами-стримерами. Точнее, стримерами они себя называют, а по мне так — просто алкаши, вытворяющие дичь

на потеху публике ради несчастных задонатенных пары сотен рублей. Собственно, я сам позволял им устраивать у себя дома цирк ради тех же несчастных подачек в виде банки пива и пачки сигарет, которые они всегда с собой притаскивали. Ну, жратвы еще немного.

Вот и сейчас компашка эта, состоящая из двух мужиков и бабы, сидела у меня на кухне и устраивала всякий трэш в онлайн. Главное, после них хлоркой квартиру протереть. Шучу. Ничего я протирать не буду. Ненавижу дерьмо всякое, но добровольно живу в нем — в этом весь я.

Когда горе-стримеры — облеваннные, испитые, истраханнные (во всех смыслах этого слова) — завалились спать прямо на полу кухни, я вздохнул с облегчением. Звездец, как опротивело все это. А изменить ничего не могу. Или могу? Подумаю об этом завтра.

Но утром мне пришлось думать о том, как цирк выгнать из моей берлоги. Еле выдворил горе-стримеров, пытавшихся убедить меня в том, что надо еще один стрим запустить вечером, да еще и с моим участием. Ага, клоуна нашли. Может, я и клоун, но не в вашем цирке.

Выпроводив гостей, которых сам же и звал, я завалился опять спать. Проснулся к вечеру. Доев хлеба и дешевой колбасы, затянулся последней сигаретой. Тоска опять въелась в душу. Захотелось... не знаю, чего. Женщины, может. Я, не давая себе времени передумать, схватил телефон и набрал знакомый номер.

— Алло, Лен, прикатывай ко мне, если хочешь.

— Через часик.

Я бросил телефон на стол. Лену я знал тыщу лет. Она еще более несчастна, чем я. Была замужем за психопатом-тираном, потом встречалась с нариком, потом ее изнасиловали. Мы с ней иногда трахались. Никому из нас это не нравилось, но каждый получал хоть что-то, в чем нуждался. Я успокаивал физиологию на время, Ленка хоть на десять минут чувствовала себя не шваброй, а женщиной, с которой обходятся по-доброму и ласково.

Приехала моя подруга действительно через час. Перед тем, как открыть дверь, я пригладил топорщащиеся в стороны короткие темные волосы, кинул быстрый взгляд в зеркало — да уж, казанова, блин, хренов: мешки под глазами, оброс щетиной, весь вид помятый и кричащий о жесткой депрессухе. Махнув рукой на внешность, открыл дверь. Поздоровались, прошли на кухню.

— Чай будешь? — спросил я, силясь вспомнить, если ли он у меня.

— Давай.

Лена молча вытащила из магнитовского пакета консервы, булочки, бутылку рома, колу и пирожные.

— Ого, — присвистнул я.

Ели, болтая о какой-то чуши. Неловко нам бывало только после секса, в остальное время мы могли общаться, будто лучшие кореша.

После еды Лена полезла ко мне на колени, на ходу расстегивая блузку. Я увидел у нее на груди синяк. Опять связалась с подонком каким-то. Мне почему-то стало тоскливо.

— Знаешь, Лен, давай сегодня без этого.

— Как хочешь, — сказала почти равнодушно, но все же с легкой обидой.

Женщине почему-то всегда хочется знать, что она желанна. Я не знаю, какой должна быть женщина, чтобы она была по-настоящему желанна мной. Наверное, такой не существует.

Вообще-то я влюблялся. Пару лет назад. Но потом случайно подслушал ее разговор с

подружкой о том, что я в ее списке двухсотый. Оказывается, она решила установить личный рекорд и записывала всех мужиков, с которыми у нее были потрахушки. Кажется, я тогда, перед расставанием сказал ей что-то вроде «Для двухсот первого время оставь». Она почему-то обиделась.

Когда Ленка ушла, я просидел еще пару часов, глотая ром вперемешку с колой, потом отправился прочь из квартиры. Хотелось проветриться, невыносимо уже в загаженной и провонявшей алкогольно-сигаретными ароматами квартире находиться.

Было ветрено, но я с наслаждением подставлялся свежим, холодным порывам. Засунув руки в карманы джинсов, я с удивлением обнаружил смятую бумажку. Ба, да это же столик тот самый, который я на днях по-пьяни найти не мог. И хорошо, что не мог. Пойду, сигарет куплю.

Пересекая дорогу, я вытащил мобильник, глянуть на время, но он выскользнул из пальцев и упал на мокрый асфальт. Вот же дерьмо! Не хватало мобилу разбить. Я схватил телефон и чуть не застонал. Издеваетесь? Экран был вдребезги. Не многовато ли на мою многострадальную задницу дерьма?

Не успел я выпрямиться, как краем глаза заметил движение. Автомобиль мчался прямо на меня. Я стоял на перекрестке. Только сейчас заметил, что светофор уже красный. Другие машины гудели вовсю. Только сейчас я понял смысл выражения «время замедлилось». Не в теории понял, а по-настоящему, как оно чувствуется на собственной шкуре. Я отчетливо видел черный шевроле, который пер прямо на меня. Меня почему-то в этот момент забеспокоила мысль: успею ли я вспомнить что-то хорошее перед смертью? Мне почему-то показалось очень важным это сейчас — вспомнить что-то светлое, и только потом отдать концы. Ну же, думай!

Конечно, все произошло за пару секунд. Но в моей голове реально время будто развернулось и стало объемным, широким, всеобъемлющим.

С ликованием я зацепился за промелькнувшее воспоминание. Мама как-то тяжело заболела. Не раком, там другое было, я тогда совсем еще мелкий был. И она просила меня помолиться за ее выздоровление. Сказала, что тогда купит мне самокат. Я ужасно тогда возмутился. «Мне не нужен самокат, мне нужна ты», сказал я ей тогда. А мамка меня крепко прижала к себе.

Хватаясь всем сознанием за это воспоминание, я приготовился помирать. Но вместо этого, буквально за долю секунды перед столкновением, земля подо мной разверзлась и поглотила меня. Я полетел во тьму. «Теперь уж точно помру», — подумал, теряя сознание, но даже в таком состоянии пытаюсь держаться за светлое воспоминание.

Если это смерть, то она темная. Тьма и есть смерть, если я точно умер. Но разве может быть иначе?

Я ничего не видел. Не ощущал своего тела. Не слышал ни звука. Я обратился в ничто и находился в небытии. Но вдруг что-то изменилось. Спереди — или где это, если я лишен тела и пространство тут не земное — замерцал луч. Слабенько так замерцал белым светом. Но ничего другого не было видно. Зато я услышал голос прямо со стороны луча:

— Даниил, тебе дан выбор: смерть или второй шанс на жизнь, но уже в другом мире.

— В каком это другом?

— Чтобы тебе было понятнее, скажу, что это нечто наподобие параллельной

реальности.

— Да ты брешешь?

— Я говорю правду, Даниил. И изволь выражаться так, как подобает нормальному человеку.

Неожиданно я осознал, что чувак, кто бы это ни был, говорит правду. Я просто понял это. Не спрашивайте — не знаю, как. Просто в башку будто вложили готовое знание.

— И что за мир мне светит?

— Этого я знать не могу.

— А ты кто вообще?

— Называй меня Проводником.

— Хм... А обратно на Землю ты меня вернуть не можешь?

— Не могу. Там тебя ждет смерть — собьет машина.

— Значит, выбора у меня нет...

— Жизнь или смерть — чем не выбор?

— Угу, в параллельной реальности жизнь... А что меня там ждет?

— Я не могу этого знать, я всего лишь Проводник.

— Я думал, такие, как ты, ну, которые между мирами души проводят, вообще все на свете знают.

— Все на свете знает лишь Царь всего сущего. И я не провожу между мирами твою душу — я провожу тебя целиком. Человек — цельная личность, из тела, души и духа. И при перемещении в другой мир разрушать эту цельность нельзя.

— Уу, философия, люблю ее. Ну, хоть что-то сообщить мне можешь полезное? Что я там делать-то буду?

— Выживать. Не думай, что королем станешь в новом мире. Это не история из книжки про попаданца, который пришел в новый мир и завоевал его. Тебе придется бороться за право жить.

— Час от часу не легче. А, собственно, в таком случае, чем же эта новая жизнь от моей прежней будет отличаться? — усмехнулся я. — Ну ладно, а как я приспособлюсь к новому миру? Порядки там, язык...

— В твое сознание будет вложено знание местного языка. С остальным разберешься постепенно. Не волнуйся об этом. Думай лучше о том, что третий шанс тебе не выпадет. Постарайся прожить жизнь в новой реальности достойно. Ты мог уже быть в могиле, но ты все еще жив — и можешь прожить долго, если приложишь к этому усилия.

Я задумался. Кто-то на моем месте тут же ляпнул бы — давайте второй шанс, не хочу помирать. А я вот задумался. Надо ли оно мне — опять бессмысленное существование ползучего насекомого, борьба за право жить и прочая, прочая, прочая? Опротивело ведь еще в своем родном мире. Но хочу ли я умереть? По-настоящему — окончательно и бесповоротно? Вот так, чтобы больше никогда не ступить на мягкую траву босыми ногами? И не увидеть грозового неба, разрезаемого молниями? Не откусить огромный ломоть ледяного мороженого и не почувствовать, как оно холодом обжигает горло? Не понять ничего, не отыскать ответов на вопросы, не пожить, как нормальный человек, не стать лучше, чем я был?

— Кажется, мне еще хочется пожить, — вслух озвучил я свой выбор.

— Хорошо. Но пути назад не будет. Да, кстати, ты попадешь в мир, где существует магия. Советую не удивляться этому. И еще — давай без нововведений.

— Это ты про прогрессорство, что ли? — улыбнулся я лучу.

— Да, вы так это называете. Но ты должен запомнить, что каждый мир должен развиваться по собственному пути и до всего доходить своим умом.

— Принято к сведению. Да и не инженерный у меня ум, чтоб там Леонардо да Винчи из себя строить. Я гуманитарий. Философию Сартра продвигать там могу...

— Давай без шуток, Даниил. — Луч говорил серьезно.

— Ну ладно, ладно... — проворчал я. — А если я помру в том мире, что будет?

— Твоя смерть будет окончательной.

— Уже без шансов на другие миры?

— Верно. Поэтому постарайся жить достойно.

— Знать бы еще, как это...

— Твое сердце знает, Даниил.

Да он пафосный проповедник! Аж каждое слово этим пафосом сочится!

— Ты уверен в своем выборе, Даниил?

— Нет, но он сделан. Давай — отправляй меня куда бы то ни было...

— Тогда я прощаюсь с тобой. Помни — твое сердце знает, какой путь выбрать... — Луч начал угасать.

Мне показалось, у меня началась тахикардия. А еще ладони вспотели. Фуух, страшно-то как! Ну что ж... поглядим, что за новая жизнь мне там уготована.

Мое сознание словно бы начало становиться вязким и тяжелым. Я понял, что скоро отключусь. Я попытался снова вспомнить что-то хорошее из своего прошлого, но на этот раз мне почему-то в мысли приходили лишь строки из «Жить вопреки» Кипелова.

Глава 2. Жизнь в... выгребной яме

Я открыл глаза. Какого хрена? Я стоял за каменным выступом в каком-то... подземелье? Пещере?

Шум и гвалт стояли невообразимые.

Выглянув за выступ, увидел толпу непонятных бродяг-оборванцев. Час от часу не легче. Кто эти люди? Почему я здесь? Где это — здесь?

Неожиданная вспышка озарила мои мысли. Разбитый телефон. Автомобиль, готовый вот-вот раздавить меня в кровавую лепешку. Мрак небытия (да-да, то было не небытие, но как еще назвать то пространство, которое на самом деле не пространство, в котором я находился?). Луч, который на самом деле Проводник между мирами. И сейчас я, получается... в другом мире? Во делаааа...

Отирая ладонью вспотевший от напряжения и панического волнения лоб, я осторожно высунул голову из мнимого укрытия.

— Эй, ты! Тебе говорю, дерьма кусок!

Я не сразу понял, что мерзотного вида амбал, стоящий в десятке шагов от меня, обращается ко мне. Ростом не менее двух метров, в ширину уступает ненамного, бритая наголо голова вся изрисована странного вида татуировками (увидеть которые я смог лишь потому, что мужик нагнулся, дабы поднять кирку, которых было накидано прилично у стены), здоровенные ручищи с играющими мускулами, широкие сросшиеся брови, квадратный подбородок, неприятные, налитые злобой глаза, казавшиеся почти бесцветными. М-да, нутром чую, с этим типом мне скорешиться не дано.

— Мне? — глуповато переспросил я, пытаясь напялить на непослушные губы дружелюбную улыбку.

— Ты оглох? Кому еще? Давай, раб, шевели конечностями.

— М-м... простите, что от меня требуется?

— Да ты тугодум, что ли! Кирку хватай и вали за остальными работать, куриные ты мозги!

Что ж, хорошо уже то, что местные метафоры мне вполне знакомы. Взяв у амбала кирку и, совершенно не соображая, что за хрень творится вокруг, поплелся за другими оборванцами. Попутно я поднял взгляд к свету. Источник его здесь был один — огромное отверстие на высоте десятка метров. Солнца не видать, но небо чистое и ясное. Сверху была спущена веревочная лестница, по которой ползли вниз нескончаемым потоком оборванцы.

Оборванцы... а я сам-то? Запоздало я принялся осматривать свой прикид. Похоже, при переносе в другой мир я был упакован в более подходящую для местных реалий одежду — потертая, грязно-серая туника висит лохмотьями, широкие темные штаны местами порваны, кожаные сандалии жутко натирают ступни. На меня накатил неожиданной волной страх: я стал ощупывать лицо и волосы. Фууф... без зеркала сказать сложно, но, кажется, это я. Не хотелось бы в новой, чужой тушке оказаться. Ох, я действительно тугодум. Говорил же Проводник, что личность в цельном виде переносится. Ух, от сердца-то как отлегло.

А язык-то?! Да ведь я говорил с тем переростком не на русском! Это что творится-то? Фантастика, да и только!

Мы шли по бесконечному тоннелю. Камень, мрак, сырость и прохлада. Удручающая картина. Тоннель углублялся все ниже. Мрак стал настолько непроницаемым, что на стенах

появились факелы. А для чего тут освещение? Что мне, в шахтеры выпало попасть?

Сделав еще пару сотен шагов, я мысленно охнул: да чтоб мне провалиться сквозь этот камень! Я что, напророчил себе судьбу, что ли? Реально шахтером помру? Вот дерьмоооо...

Мои товарищи по несчастью принялись уныло и монотонно бить по каменной стене, я же застыл с изумленно искривившимся ртом.

— Ты чего, парень? — обратился ко мне старик.

Вид его сразу располагал к себе. Грязный — да, оборванный — да, но большие светлые глаза так и изливали в мир доброту и дружелюбие.

— Делать-то чего? — отчего-то шепотом спросил я.

— Камень дробить — знамо дело. Камушки драгоценные искать. Ты, видать, из новых рабов.

— Мм... да. Я еще не освоился, — пробормотал я сконфуженно. Раб — ну надо же!

— Так и понял, — закивал старик. — Новую партию же только что прислали. Ты не теряйся только при главном — здоровенный такой детина, помнишь, наверное. Оскал его звать. А то он мигом тебя своей лапищей огреет — мало не покажется.

— Жесть...

— Что ты сказал, сынок?

— Да ничего...

Я пристроился рядом со стариком на свободном участке и принялся стучать по камню. Хватило меня на пятнадцать-двадцать минут, после чего рука устала, тело неумолимо потянуло на пол — дайте мне отдохнуть!

— Э, нет, сынок, давай-ка поднимайся, тут везде глаза да уши Оскала — мигом донесут на нерадивого раба, ух, не поздоровится тебе тогда.

Я неохотно поднялся на ноги и возобновил стук по камню.

— Это у тебя с непривычки руки уставать будут — пообвыкнешься чуток, и порядок будет.

Болтовню пришлось оборвать. Из-за бесконечного стука говорить было тяжело, кричать — не стоит, в нормальном режиме ничего не услышишь.

Я стоял у стены, дробил камень и мрачно размышлял о том, что, кажется, попал в еще большее дерьмо, чем была моя прежняя жизнь.

Я перестал ощущать ход времени. Оно то ли застыло, то ли понеслось слишком стремительно, чтобы следить за ним. Руки у меня превратились в воюющие от изнеможения палки. Ладони рыдали кровью. Пот жег глаза.

«Проводник, вытаскивай давай меня из этой дыры! — вопил я мысленно. — Не хочу второго шанса, умереть хочу!»

Но Проводник оставался глух к моим мысленным воплям и мольбам. Камень, кирка и кучка оборванцев вокруг не исчезли.

Наконец пришел Оскал и скомандовал отбой, после чего вновь удалился.

Оборванцы, в числе которых теперь был и я, поплелись обратно по тоннелю. Наконец-то! Скоро я увижу свет! Может, еще душ и жрачку предоставят? Ну а как иначе?!

Что? Какого хрена???

Мы, вместо того, чтоб добраться до отверстия наверху и вылезти в мир, свернули в ответвление тоннеля, которого я утром (днем?) не заметил. И снова бесконечные шаги...

Вышли в огромный — просто колоссальный! — каменный зал, освещенный десятками факелов. Тут и там сновали люди. Дети — дети?! — тенями шмыгали вдоль стен. Женщины что-то там колдовали над мисками и чашками. Мужчины — то бишь мы все, кто пришел только что — после тяжелого трудового дня устало садились, ложились, падали на пол.

— Что происходит? — вполголоса обратился я к старику, от которого старался не отставать. Как никак единственный, к кому я пока что испытываю хоть какое-то подобие доверия. — Что мы тут делаем?

— Как что? — Его изумленные широкие, седые брови взметнулись вверх. — Живем.

— Жи... что? — Я, наверное, ослышался. Ведь не бывает же...

— Это наш дом, сынок. Теперь и твой тоже.

Не ослышался — бывает.

— Но... — я буквально потерял дар речи. — Но как жить в пещере?!

— Сынок, ты будто с луны свалился. Видать, издалека попал сюда. Неужто не слышал про шахтеров-рабов, не выдавших солнечного света годами? Правда, дожить еще надо до того, чтобы пребывание здесь годами исчислялось...

— Что за жесть... — прошептал я, даже не пытаясь скрыть своего потрясения.

— Каждый, кто попадает сюда, добывает драгоценные камни до самой смерти. Выход из этих пещер — лишь один. В мешке.

— В каком мешке? — спросил я, пытаюсь собрать расползающиеся в панике мысли в кучу.

— В мешке для трупов.

Дааа... правда жизни жестока и беспощадна.

В молчании я лицезрел происходящее, как мне казалось, целую вечность. Люди двигались (у кого еще оставались силы), ходили, ели, пили, говорили... А я стоял столбом и пытался вместить в своей ограниченный разум все это безумие, облеченное в форму ухмыляющейся мне в рожу реальности.

— Но как можно жить в пещере всю жизнь??? — Наконец я смог кое-как приструнить мысли и заставить их повиноваться мне. — Вы что, совсем не вылезаете наружу?

— Совсем. Впрочем, когда прибывает новая партия рабов — приблизительно раз в полгода или год, ежели немного помрет людей — нам дозволено пройти к выходу — но не подниматься наверх. И тогда мы наслаждаемся солнечным светом и видом неба.

— Офигеть!

— Что ты сказал, сынок?

— А много умирает людей?

— Да уж как сказать... немало. Кто сильнее — подольше тянет лямку. Случаи, когда камнем по голове — редки, обвалов крупных ни разу не бывало тут. А вот от болезней да от голода мрут люди чаще всего.

Весело, что сказать. Проклятье, куда меня занесло!

— Тут столько факелов... они же жрут воздух!

— Да ты и впрямь чудной, сынок, — старик не переставал удивляться моей наивности. — Огонь-то магический.

— Да ладно? — Я, наверное, вытаращил глаза от очередного приступа шока.

— Говорят, что всего лишь искорки магии огня достаточно, чтобы зажечь один факел неугасимым огнем на месяц.

— Ого! — присвистнул я.

Голова шла кругом.

— А... неужели и женщины с детьми здесь живут?

— Работать с киркой женщин не отправляют. Нет, не думай, что из жалости. Мужики все же покрепче будут, да и прибрать, пищу готовить кому-то надо... Обычно детей отлучают от семей в таких случаях. Многие из тех, которых ты видишь сейчас, уже родились в пещере.

У меня вытянулось лицо.

— Родились в подземелье? И прожили здесь всю свою пока еще недолгую жизнь?

— Поверь мне, сынок, как бы скорбно это ни было, долгой тут жизнь почти не бывает ни у кого...

Я очень долго пытался переварить услышанное. Да это просто мегареалистичный розыгрыш какой-то! Разве такое возможно взаправду? Да не, я просто брежу наяву.

От судороги, сводившей душу, голод не сразу дал о себе знать. Но организм все-таки не железный. Я принял свою порцию еды и жадно набросился на нее. М-да... гурманам тут не разгуляться. Пресная, отвратная и на вид, и на вкус каша (кажется, в моем мире свиньям получше зерно варят), солонина, от которой тянуло блевать, кусок начавшего черстветь хлеба и... вода.

Как я выяснил в ближайший час, из зала шло ответвление, идущее еще глубже и ниже в подземелье. Там протекала подземная река. Рядом с ней — точнее, в ней! — было отхожее место. Возле нее же варили пищу в больших котлах. Был участок довольно просторный, где все это можно было проворачивать, затем река, петляя, уходила по тоннелю во мрак и, по словам старика, выливалась наружу, унося в своих потоках все нечистоты, которые жители подземелья вынуждены были сливать в воду. Короче, как я и говорил — жуть, и этим все сказано!

В нескольких участках над рекой был деревянный настил с дырами. Да-да. Именно они и служили местными «унитазами».

Кое-как справив нужду (ага, попробуй посрать, когда вокруг еще с десяток человек и все вылупляют глаза на новичка) и ополоснув руки и лицо, я вернулся в жилой зал. Мне повезло (не верю в теорию везения/невезения!), что лежанка возле старика оказалась пустующей. Туда и лег. Ну как лежанка? Тут все спали на полу, застеленном соломой. Семьи и просто пары, которых, впрочем, было мало, ограждались от остальных, занимая места за каменными глыбами, образующими в пещере некоторое количество обособленных зон.

— Ты не здешний, — тихо проговорил старик, когда мы улеглись.

— Что?

— Ты даже не раб, — проигнорировав вопрос, продолжил он.

— Это плохо? — нахмурился я.

— Просто не кричи об этом на каждом углу. Выхода отсюда все равно нет, а вот проблем в свою жизнь добавить можешь.

— Как ты понял? — Отпираться было бессмысленно. Да и не хотелось.

— На тебе нет клейма.

— Какого?

Вместо ответа старик просто указал на свою шею с левого бока. Там чернела татуированная цепь в пару сантиметров.

— О!

И как я этого раньше не заметил?

Впрочем, что это я? В свете этих факелов, если особо не приглядываться, многое можно упустить из виду.

— Откуда ты?

— Ты мне поверишь, если скажу, что из другого мира? — С этим стариком мне отчего-то хотелось быть правдивым.

— Пожалуй. Ты не похож на безумца.

— Правда? Вот уж не знаю... Сам себе не верю.

— Главное, помалкивай. И будь начеку.

— Кто ты?

— Меня зовут Мах. А ты?

Я задумался. Кажется, Даниил — слишком витиевато для моего нынешнего статуса.

— Я — Дан, — выдал я спустя несколько мгновений.

И улыбнулся. Знаю, глупо, но мне понравилось звучание моего нового имени.

— Помалкивай и просто будь начеку, Дан. Может, тогда продлишь свою жизнь.

Хм, оптимистично, однако ж...

Рэм был простой раб. Не человек даже — игрушка в руках всемогущего господина. Всемогущего и беспощадного.

Рэм только хотел, чтобы его семья выжила. Его жена и детки.

Поэтому он здесь.

Здесь — это в покоях лорда. Лорд — большой человек в этих краях. Один из самых богатых и могущественных. И он выбрал Рэма, чтобы возложить на него миссию, и тогда семья Рэма выживет. Он в это верил. Ведь господин дал слово.

— Ты меня не подведешь, раб?

— Не подведу, господин.

— Повтори, озвучь свою цель.

— Притвориться одним из шахтеров. Выждать знака — и активировать то, что вы мне дали, когда подадут знак.

— Да, верно... Все тщательно продумано. Ты будешь внедрен туда без подозрений. Терпение, раб, главное — терпение. В таких делах не пристало торопиться. Никто не должен связать взрыв с моим именем. А я ведь хотел по-доброму... предлагал такие откупные за эту шахту. Глупцы! Сами же подписали себе приговор!

Рэм слушал эмоциональную отповедь несдержанного господина и краем глаза впитывал в себя роскошь, разлитую кругом. Стены обиты бархатом. Пол устлан ковром. Огромная кровать под великолепным, тяжелым балдахинном. Гобелены на стенах. Чаша вина на столе. Все кричало о пьянящем богатстве. О власти. О жизни, которая сама была как хмель.

Господин наконец отпустил Рэма. Тот вернулся к семье. Им осталось пробыть вместе лишь ночь. Одна ночь — и жена с детьми уплывут на корабле в далекий край, где их ждет просвет. Господин обещал. Обещал, что их встретят его люди, что они сведут семье Рэма рабские метки, дадут скромный, но свой дом. И будет новая жизнь. Это достойная плата за то, что собирался сделать Рэм.

Утро началось хреново. Я даже не понял, что это утро. Ведь мрак же непрерывный, не

считая этих долбанных магических факелов.

Меня грубо растолкали. Пришлось встать, подавляя в себе стоны и вздохи. Тело — кусок деревяшки. Кое-как растерев мышцы, я принялся за скудный завтрак. Умыться не дали. Оскал окриками погнал всех работать.

— Новичка привел, — шепнул Мах по пути.

— Ты же говорил, что такое случается редко.

— Изредка приводят одиночек внепланово. Видать, провинился несчастный чем-то, хозяина своего сильно разозлил.

— И каждое утро будет таким?

— Нет. Сегодня Оскал явился раньше. Из-за новичка, полагаю.

Продолжая подавлять в себе страдальческие стоны, я взялся за кирку. А, чтоб ее! Мозоли на ладонях возмущенно взвыли.

— Сегодня будет гаже, — заявил старик. — Когда поступает новая партия рабов, как вчера, Оскал не является сюда. В обычные дни он караулит нас, как сторожевой пес.

И правда — упомянутое говно в скором времени материализовалось рядом. Амбал время от времени прохаживался между нами, окриками и ударами подгоняя и заставляя работать еще усерднее, хотя, казалось бы — куда еще усерднее!

— Чего расселся, кусок мяса? — заорал Оскал.

Я повернул голову глянуть, кто стал субъектом его гнева, и тут же сердце мое заскулило от ужаса и жалости. На полу, вжавшись в стену, сидел мальчуган лет двенадцати. И как я его раньше не заметил? Ладони, если верить обманчивому свету, мерцающему на стенах, стерты в кровь. Тельце ребенка состояло, казалось, из одних костей, обтянутых кожей. Впалые щеки, провалившиеся в глубь черепа глаза.

— А ну встал, слабак! Если не хочешь, чтобы кишки твои на кирку эту намотал, принимайся за дело!

Мальчишка с трудом поднялся и принялся отстукивать своим инструментом по стене. Каждый удар давался ему невероятно тяжело.

— Ах ты сученыш! Увиливать от работы вздумал! — Оскал проехался ладонью по затылку мальчугана, отчего тот ударился головой об стену.

— Эй!

Я не сразу понял, что это мой возглас. И не сразу осознал, что сделал рывок в сторону Оскала.

— Ты что-то вякнул, раб? — повернулся тот ко мне.

От его взгляда мою спину прошиб ледяной пот.

— Мальчишка еле на ногах держится, — сказал я, пытаюсь унять дрожь в голосе.

— И? Мне должно быть дело до этого? — уж чересчур спокойно спросил амбал, отвратно скаля зубы. Действительно — Оскал и есть. — Быть может, ты вместо него поработаешь? А? Потянешь двойную ношу?

— Потяну, — ответил я, даже не понимая толком, на что подписываюсь. Отступить было поздно.

— Да у нас тут герой нарисовался. Ну давай, ушлепок, работай. И ты тоже, — обратился громила к мальчику.

— Но ведь я вместо него... — начал было я.

— Да ты и вправду куриные мозги, — даже, кажется, удивился амбал. — Думал, мелкого отпущу? Может, еще слово замолвить за то, чтоб с него клеймо свели? Орудуй давай

киркой своей, кусок говна, будешь в иной раз думать, прежде чем языком молоть.

Вот это я попал!

Я вернулся к работе. Напрасно я надеялся, что Оскал позабудет обо мне и оставит в покое. Нет-нет, да и пройдет рядом со мной. Нет-нет, да и стукнет своей громадной лапой по мне, давая понять, что работаю недостаточно усердно. Тело вскоре заныло не только от труда, но и от боли после многочисленных ударов. Одно радовало — от мальчишки Оскал отстал. Вот урод ведь все-таки!

Пережить бы этот день... а дальше что? Нескончаемая череда таких же дней, заполненных лишь тупым стуком киркой об камень и окриками подонка Оскала! Вот дерьмоооо...

Глава 3. Червь

Дни неслись за днями, я уже потерял им счет. Я ощущал себя будто в кошмарном сне, от которого не будет пробуждения. И это было самое дерьмовое.

За ту бесконечность, что я уже пребывал в своем новом подземном обиталище, я узнал много нового о мире. Спасибо Маху — хороший мужик, добродушный. Я был рад подружиться с ним. Старик вызывал доверие и пока был единственным товарищем для меня в новой и до усрачки — чего уж лукавить? — пугающей реальности.

Мир, в который я попал, был, как вы уже поняли, просто-таки пронизан магией. Нет, не повсеместно, конечно. Доступ к магии был ограниченным — и весьма. Магов было мало относительно других людей.

Еще в этом мире, как вы уже поняли, рабство было в порядке вещей. И какая чудная новость — я один из них, и это навсегда. Вот прямо до конца жизни, а конца в этих шахтах долго ждать не придется. Неужели я перенесся сюда, чтобы просто подохнуть на дне мира? Так я же и в своей реальности давно скатился на дно — так какая разница? Просто разнообразия ради я здесь, что ли, оказался? Да ну его нафиг — разнообразие такое.

И тут были... касты. Да-да, типа брахманов, кшатриев и иже с ними. Только названия здесь были чудные. И банальные в то же время. Местные этого мира, похоже, обожали символизм. Они представляли человечество в виде громадного Древа, в котором крестьяне — это корни, ремесленники да купцы всякие-разные — ствол, а элита элит — крона. Да-да, вы не ослышались. Так и говорилось: «Эй, ты из какой касты, чувак?» — «Да я из кроны, а ты?» — «А я ствол — гордо попирающий ногами всякую чернь». А что же рабы? Дак они вроде вне касты должны быть — типа... неприкасаемых? Ха, как бы не так! Рабы были низшей, но все же неотъемлемой частью кастовой системы в виде громадного Древа — червями. И я — один из червей.

А еще тут были татуировки. Вначале я обрадовался. Круто же! Мечтал в свое мире разрисовать себя в парочке мест, но все как-то бабок на это дело не было... Но моей радости быстро пришел конец. Татуировки не возбранялись здесь, но считались правилом дурного тона и признаком принадлежности к низшим ступеням касты. Рабов клеймили принудительно. К чему я вообще завел речь о татушках? Ну рабы, ну клеймили. Но вот насмешка судьбы — беглого раба можно было опознать по тату. Я — раб. Но у меня нет тату. Хм, стоит это обдумать...

Кстати, да — Оскал. У него череп был разрисован, но это ладно, самое главное — шея. Я случайно заметил на ней такую же татуированную цепь, как у моих товарищей по рабству. Мах сказал, что Оскал буквально вышел из грязи в князи — был рабом в шахте, но выслужился перед хозяевами, и его вытащили наружу — буквально! — и поставили надсмотрщиком над бывшими собратями. После того, как узнал об этом, я еще больше воспыпал праведным гневом к мерзотному амбалу.

В один из дней, незаметно перетекающих один в другой, я таки увидел, что тут добывалось нашими руками. Одному из рабов удалось продолбить в стене путь к драгоценному камню. Это не был ни один из камней, которые были в моем мире — это было нечто совершенно неизвестное мне. Камень был приблизительно с половину моего кулака, он переливался смешением глубокого синего и темно-зеленого цветов, и был просто восхитителен.

Недолго нам удалось наслаждаться видом богатства, добытого руками одного из нас. Оскал быстро отобрал находку и понес к хозяевам.

— А если убежит вместе с ним? — спросил я у Маха, неотрывно глядя, как наш надзиратель удаляется в сторону выхода из нашей подземной тюрьмы.

Другие рабы жадно впились глазами в сокровище в руках Оскала.

— Не сбежит. А если и так — то недалеко. Клеймо на шее — не просто картинка, а магическая метка. По ней найдут и убьют в таких пытках, что любой предпочел бы им пожизненное рабство в шахтах.

Я сделал мысленную заметку. Клеймо магическое, значит. Как же я счастлив, что его нет у меня. Кажется, это первая настоящая причина для радости в этом мире.

И снова — дни растворялись друг в друге, как несчастные крупинки сахара в чашке отдающего горечью кофе. И это меня бесило. Все стояло на месте. Я стоял на месте. Нет, движение было непрерывным, если считать перестук десятков кирок по камню. Но вот лазейки для побега все никак не обнаруживалось. А мне бы не хотелось сгинуть в этом мраке. И так уж на пределе сил стучу киркой, надолго меня не хватит. Нет, вообще-то говоря, телом я стал выносливее. Неженка внутри меня, ничего тяжелее нескольких литров пива из Пятерочки не таскавшего прежде, вначале взбунтовался, но потом присмирел. Мышцы стали сильнее, кожа на руках огрубела и стала походить на кожу настоящего мужчины. Но в атмосфере нескончаемого уныния и мрака хотелось повеситься. Местное питание заставляло отощать тут даже более менее упитанных мужчин, что уж говорить о таком дрыще, как я. А туалет — он был просто символом стресса для меня в этом мире.

Да, длительный физический труд полезен и для плоти, и для души — но не так, как он организован здесь. Не до состояния изнеможения. Не при жизни впроголодь.

Мах попал сюда по доброй воле. Пять лет — ровно столько он пробыл в подземных шахтах.

Когда-то он был счастлив. Когда-то он не был одинок. У него были любимая жена и сын с дочерью. Крестьянская семья. Дочь — первая красавица на деревне. И приглянулась она какому-то местному не очень крупному аристократишке. Старому, мерзкому и злобному, как водится обыкновенно в таких историях. Мах, конечно, за дочь встал горой. И ту зарезали, изнасиловав перед тем всем взводом солдат, которыми располагал аристократ. Потом пришел черед жены. Сына не тронули — крепкий был пацан, сгодился бы в шахтах. Но Мах взмолился о пощаде, падая в ноги чудовищам, растерзавшим его семью, и чудовища согласились. Впрочем, кто их знает, может, солгали? Но у Маха выбора не было: либо он в шахтах — а сын, может быть, будет жить, работая прислугой при дворе какого-нибудь капризного аристократа — либо сын в шахтах и скорая смерть от тяжелой жизни и непосильного труда.

Я удивился, как старик столько выжил здесь. Вместо сердца кремень у него — это точно. М-да, я, конечно, недолюбливал свой прежний мир за множество его недостатков, но такую жесть у нас все же давно вывели. А здесь процветает первобытная жестокость, не имеющая ни смысла, ни цели.

— Ты как, дружище? — спросил я у того мальчугана, за которого заступился когда-то в далеком прошлом — мне казалось, я в этой долбанной пещере заточен уже по меньшей мере сотни лет.

Мы сидели, прислоняясь к стене в жилом зале. Отбой уже провозгласили, так что все отдыхали, то есть валялись на своих соломенных лежанках, изнемогая от хронической усталости.

— Жив еще, — отшутился малец.

— Где твои предки?

— Батя спился давно, мать... не знаю.

— Откуда у раба доступ к хмельной влаге?

— Мы не были рабами. Обыкновенная крестьянская семья. Никого не трогали, и жили нормально. Да вот батя только... как ты сказал? Хмельная влага? Из-за нее и кончил он плохо. А мать... не потянула хозяйство одна. Я ведь у нее тоже один остался, больше не на кого опереться. Но мы не справились. И мать пошла... к одному заезжему наемнику. Ночью. — В полумраке было сложно разглядеть, но все я все же заметил, как нахмурился и сжал кулаки пацан. — После того, как... он захотел отправить ее к своим — к другим наемникам, она отказалась, и он ее... задушил.

Мое сердце сжалось от жалости.

— Мне жаль, дружище, — тихо сказал я.

— А меня отправили сюда.

— Я думал, детей сюда не посылают.

— Мне уже двенадцать стукнуло тогда. Мужчиной считаюсь.

Я сдержал улыбку, которая так и просилась на лицо после последних слов «мужчины».

— А сейчас тебе сколько?

— Четырнадцать скоро будет.

— Да ладно? — удивился я.

Неужели этому мелкому действительно почти четырнадцать? Видать, от голода и истощения такой хилый. Жалость еще крепче стиснула мое сердце.

Оскал превзошел мои ожидания. Я знал, что он — гондон. Но он оказался еще большим дерьмом, чем я полагал.

Была очередная тяжелая, душная ночь. Воздух от дыхания полторы сотни спящих людей был здесь не самым свежим.

Проснулся я от шума.

— Пожалуйста, не надо... — она буквально взмолилась. Не знаю, кто — она. Одна из рабынь.

— Закрой пасть, а то вырежу язык! — Голос Оскала, который я не перепутал бы ни с чьим.

Я приподнялся. Надсмотрщик придавил к земле одну из женщин. Порванные лохмотья валялись в стороне. Грязные волосы облепили лицо. Одной рукой Оскал схватил ее за подбородок, второй опирался об пол, на котором что-то блестело. Нож! Это говно насилует бабу с ножом в руке!

— Эй, слезь с нее, — крикнул я.

Первый окрик не подействовал. Второй тоже. Тогда я встал и подошел к ним.

— Не надо... — прошептала женщина, глядя на меня с залитым слезами лицом.

Наконец Оскал соизволил встать и поднять штаны.

— Червь, ты забыл свое место.

— Или ты? — спросил я. — Ты ведь из этих... крутых рабов, что поднялись наверх — что, в борделе бабу купить не можешь?

Наверное, зря я все это затеял. По крайней мере, синяки по всему телу так и кричат мне об этом. Синяки — ерунда. Куда больше меня волновала боль в ребрах: неужто перелом? Только этого не хватало.

Что меня больше всего поразило тогда — реакция других рабов (насколько я мог ее видеть залитыми кровью глазами). Ее попросту не было. Шум, конечно, перебудил всех. Но вместо того, чтоб накинуться толпой на своего мучителя, эта толпа просто глазела, как амбал мутузит меня, а затем насилует рабыню. Тогда во мне вспыхнула мысль, что прав был кто-то там из литературных классиков (или философов?): порой толпа — это уже не люди, а просто забитый и вусмерть зашуганный скот.

Лазейка появилась, когда однажды ночью я сидел в «туалете». Правда, совсем не та лазейка, на которую я рассчитывал.

В пещеру кто-то вошел. Я едва не свалился в реку от неожиданности. Ночь все-таки, все спят, а я тут наслаждался уединением.

Подняв штаны, я пригляделся к мужику. А, это тот новенький, которого внепланово к нам послали. Чего-то хмурится, нервно подрагивающей рукой без конца проводит по лицу.

— Эй... друг, ты в порядке? — обратился я к нему.

Нас разделяло не более десятка шагов, но раб, кажется, только сейчас обратил на меня внимание.

— Что? Ах... да, в порядке.

Но он явно врал. Нервная дрожь его рук бросалась в глаза, в глазах было что-то... паника? Страх?

Мой товарищ по рабству уселся у стены и обхватил голову руками.

— Посижу с тобой? — полуутвердительно, полувопросительно сказал я и опустился рядом с мужиком. — Слушай... бывает, поделишься печалью с кем-то и легчает на душе. Это я так... к слову...

— Да... да, печаль... — сказал он, будто в полусне.

Я терпеливо ждал. Наконец, он заговорил спустя несколько минут.

— Как думаешь... — Опять долгое молчание.

— Да? — поторопил я его.

— Как ты думаешь... если выбирать надо между семьей и... людскими жизнями — чужими жизнями... как стоит поступить?

— О, философский вопрос! Семья, конечно, всего дороже для каждого из нас... но дело в том, что так думает каждый. И если обменивать свою семью на чужие жизни... что скажут об этом семьи тех, кто погибнет?

— Хм... — Он нахмурился, закачал головой и снова обхватил ее руками.

Прошло еще несколько минут.

— Я не могу, — наконец промычал, уткнувшись лицом в колени, которые нервно сжал

руками.

— О чем ты?

— Не могу... не могу, не могу! Но они ведь тогда умрут, понимаешь? Насовсем умрут, взаправду!

— Кто умрет? О чем ты говоришь, друг? — Я переполз поближе к мужику, которого, видимо, постепенно охватывало безумие от отравленного отчаянием воздуха пещер. — Расскажи мне, мне можно верить.

— Они умрут... и как же я тогда... как я тогда буду, зная, что мог их спасти, но... — Несчастный снова качал головой.

Я коснулся его руки: та была ледяная, и нервная дрожь трясла его грязные, потные пальцы.

— Что у тебя случилось?

— Он велел... — Наконец он поднял на меня взгляд. Мне стало не по себе. Мужик глядел... реально как безумец. В ошалелых глазах отражался огонь от факелов, перемешиваясь в них с пламенем безумия. — ...взорвать.

— Что? Кто?

— Господин. Тот, который может спасти их, а может... утопить в океане крови.

— Так, давай, друг... медленно и с расстановкой расскажи мне все, — попросил я, пытаюсь удержать его внимание, потому что мужик опять яростно затряс головой и закрыл глаза.

Я почему-то был уверен, что мужик просто ополоумел и сейчас запрется внутри себя, но он неожиданно начал выливать на меня малопонятный поток слов. Самое странное, что заговорил раб почти связно.

— Я должен взорвать нас всех... тут, в пещерах... и тогда он не тронет мою семью... и у них будет маленький, но свой дом. А еще им сведут метки рабов. И новая жизнь... и сын с дочкой пойдут в школу... Но я должен заплатить за это. О, раб, ты не можешь возомнить себе, какую я цену должен заплатить за это! Полторы сотни человек, что живут здесь, погибли под грудой обломков!

Пришла моя очередь трясти головой. Это что же получается — чувак только что признался мне, что собирается устроить взрыв в пещерах? И как мне реагировать на подобное заявление? Стоит ли принимать слова безумца за чистую монету?

— Ты хочешь... взорвать нас всех? — переспросил я.

— Да. И себя — себя тоже. Ведь даже если бы я мог выжить... как жить после такого...

— Кто отдал такой приказ?

— О, это могущественный господин. Он может подарить моей семье дом и...

— Да-да, я понял. И как же ты должен устроить взрыв?

— У меня есть кое-что... магия... артефакт...

— Так, ясно... магия — куда уж яснее... Слушай, друг, а ты можешь отдать эту хреновину мне? Ну, артефакт этот?

В глазах мужика промелькнуло новое выражение — испуг? вспышка настоящего понимания?

— Что? Нет, я не могу, ведь тогда моя семья...

— Не получит дом, я помню, — нетерпеливо перебил я его. — Но стоит ли дом полторы сотни жизней не повинных перед тобой людей?

— Жизни моих родных за жизни чужаков... он не дома их лишит, а жизни... — Раб

затрясся в приступе отчаяния и горя.

— Жизни... — повторил я, лихорадочно соображая, как быть. — Это действительно беда, горе. И мне очень жаль — правда. Но вспомни еще раз — полторы сотни людских жизней. Не родных тебе — да, но таких же людей, которым умирать не менее страшно, чем твоей семье.

— Там мои дети...

— Здесь они тоже есть. И им тоже очень страшно умирать.

— Что за разговоры вы тут ведете? — громыхнуло над нами, и я резко вскочил.

За нами стоял Оскал. В руке его горел факел.

— Он все знает, — указал на меня раб.

— Что? — поперхнулся я от изумления. — Вы заодно?

— Поганый твой язык! — ругнулся Оскал, добавив потом еще отборной брани. — Договорились ведь на рассвете все сделать, но у тебя поджилки затряслись, да? Значит, так: этого ушлепка я сейчас размозжу башкой об стену, ты поможешь мне избавиться от трупа, а на рассвете сделаешь дело, понял? Понял, трусливая ты баба, спрашиваю? — прошипел Оскал, исходя злобой.

— Да, — обреченно и потерянно ответил раб.

— Не делай этого! — с нажимом произнес я. — Подумай, как твоя-то семья потом будет жить с этим?

— А ну заткнулся! — прорычал Оскал и, подбежав ко мне, вмазал мне кулаком в голову.

Я понял, что упал, только когда коснулся телом камня. Не знаю, как сознание не потерял от такого удара — чудо, да и только.

— Не лез бы не в свое дело — и ползал бы тихо-мирно до конца жизни, червь, — выдохнул мне в лицо амбал, наклонившись.

— Пошел ты, недоумок!

— Это ты сейчас отправишься — в землю, где тебе и место, червь, но только уже навсегда, чтобы загнить там до скончания времен. — Он вытащил откуда-то нож и поднял надо мной.

И тут бабахнуло. Да так, что я оглох. Видеть не перестал, а вот звуки поглотила такая тишина, которая, наверное, только в гробу бывает. Оскала всего перекосило. Я не успел ничего понять, а он уже шмякнулся на пол, сбитый каменным осколком, отвалившимся от потолка. Я снова чудом уцелел. Кажется... но что-то явно не так. Иначе почему пол подо мной разверзся, и я понесся куда-то вниз — в черноту бездны? Потолок, обильно ссыпавший вниз каменные обломки и тучи пыли, становился все дальше от меня. Вот дерьмоооо... Кажись, меня ждет еще более глубокая яма жизни или смерти, чем все те, в которых я уже успел побывать.

Глава 4. Перст Указующий

Ах, как люто болит башка! Будто молотом пару десятков раз стукнули. Я с болью в мозгах вспомнил, что случилось. Взрыв... и чернота. Жесть. Как же там остальные?

Я разодрал тяжелые веки и увидел белоснежный потолок. Ого, где это я? Неужто все произошедшее было жутким сном, а очнулся я после комы в больнице? Ох, как был бы я счастлив узнать, что это так! И больше не ныл бы, что жизнь говно, и даже к спиртному не прикладывался бы, и работу бы нашел! Но нет — я лежал не на вожделенной больничной койке, а на роскошной кровати под тяжелым пурпурным балдахинном. Поднявшись, осмотрелся. Покои в средневековом замке? Очень похоже, хотя у меня нет опыта пребывания в средневековых замках. Высота потолка, который опирался на толстые белые колонны, видать, на великанов рассчитана. Окна с резными ставнями. Эстетично. Рядом с кроватью стоял маленький столик с подносом, а на нем — это что, шампанское?

Я вспомнил, что уже целую тысячу лет не бухал, и рука сама собой потянулась к бокалу, но я вовремя одернул себя. Ну уж нет, я в какой-то очередной жопе, к пьянкам еще возвращаться не хватало.

Тяжелые по виду деревянные двери распахнулись, и в покои вошли две девицы. От неожиданности я вскочил.

— Ты не успел тут заскучать, милый? — медовым голосом протянула одна — темленькая.

— Мы пришли скрасить твое пребывание здесь, — добавила вторая — светленькая.

К слову сказать, девахи были что надо: все при них — и фигурки сочные, и личики смазливые. Я что, в борделе? Меня уже, кажется, ничто не удивит в этом чокнутом мире.

— Эм... дамы, благодарю, конечно, но... где я, собственно, нахожусь?

— Тебя сейчас это волнует больше всего? — все также слащаво спросила первая барышня и подошла ко мне вплотную, не забывая активно вилять некоторыми частями тела.

— Не хочешь расслабиться? — подключилась вторая, тоже подойдя и вольготно устраивая руку у меня на груди.

— Нет, не хочу, — отозвался я непреклонно, убирая руку нахалки с груди. Хотя — к чему лукавить? — искушение было сильно. — Так где я, вы говорите?

Через мгновение мой вопрос потерял свой смысл, потому что случилась какая-то необъяснимая мистическая хрень: девицы растаяли в воздухе вместе с комнатой и всем ее содержимым, а я стоял в темной пещере, освещенной одним факелом на стене.

— Какого...

Не зная, пора ли уже начать паниковать, я стал озираться в поисках хоть какого-то источника информации. Взгляд зацепился за... кладку яиц? В углу лежала кладка с белыми круглыми яйцами. Так, один, два... пятнадцать яиц. Размером с пару моих кулаков. И что за милые зверушки их них вылупятся, любопытно?

— Так, Дан, это не твое дело, вали отсюда... — Ага, как же! Я, разумеется, поперся к кладке, чтобы поблизи поглазеть на нее. — Какого..?

То, что произошло дальше, не поддается никакой логике. Яичные скорлупки стали трескаться, и, не успел я опомниться, из них вылезли... пауки! Размером чуть меньше моих кулаков полтора десятка пауков, чтоб их! Коричневой окраски, мерзкого вида (брр, всегда бросало в дрожь от подобной живности).

Что происходит? Мне показалось, или они стали больше в размерах? Ах, проклятье! Очнувшись от приступа тупости, я бросился бежать. Поздно! Двери нигде не видно, никаких отверстий, я в большом каменном гробу, и на меня нападают проклятые пауки!

Мохнатые твари во все свое множество ног бежали ко мне! Пара поползла по штанинам, я попытался отряхнуть гадов. Не тут-то было! Остальные подоспели на подмогу к своим братьям, и буквально через несколько секунд мое воющее в паническом ужасе тело облепили эти мерзкие твари. Один забрался на лицо. Фу, как мерзко! Безмолвный крик застыл у меня на губах. Я попытался отцепить тварь с лица, и тут... все исчезло.

— Серьезно? — вслух поинтересовался я и вытер пот со лба. — Напряженный выдался денек...

Я понадеялся, что фокусы закончились, но что-то снова было не так.

Я стоял в лесу. Почва под ногами была какой-то зыбкой. Я опустил глаза. Да это же болото!

— Ну все, с меня хватит! — крикнул я. — Кто бы меня ни разыгрывал — прекрати это немедленно!

Разумеется, на мои слова откликнулась лишь госпожа тишина. А тело мое тем временем неумолимо вязло в болоте. Я не предпринимал попыток сопротивляться. Ненавижу совершать бессмысленные действия, хоть и занимаюсь этим часто, но — не в этот раз.

Когда я погрузился по шею, мне стало не по себе. По подбородок — уже совсем не смешно. Стал погружаться в противную субстанцию с головой — почувствовал накатившую волну паники. Мне пришлось закрыть глаза. Я не мог дышать. Еще немного — я стал задыхаться.

Да будет так. Если это конец — я не буду сопротивляться. Мне очень жаль, что я не выправил свою жизнь, но я, кажется, устал быть червем...

— Что-то ты не сильно противился мнимой смерти.

Я открыл глаза. Наверху — каменный потолок. Повернул голову набок — стены пещеры. Повернул голову на другой бок — проемы в тоннели. Я видел их очертания благодаря белому мерцанию, разлитому кругом. Источника света видно не было — будто просто туман разлился в пещере. Очередное перемещение непонятно куда?

— Нет, ты в подземелье рабов.

Я что, задал свой вопрос вслух?

— Ага, вслух.

Резко сев, я осмотрелся. Никого.

— Не пугайся, ты не спятил, я не глюк и ты не умер.

— А ты кто?

— Хм... назовем меня так, как назвал когда-то один... шутник — Указующий Перст.

— Чего-чего?

— Чего слышал. И не вздумай обзывать Пальчиком, а то находились умники такие...

— На что указуешь-то хоть?

— На путь жизненный, которого можно держаться. Но не обязательно, ибо нет ценнее дара, чем свобода воли.

— Так, стоп. Для начала — ты где? Я тебя не вижу.

— И не должен видеть. Я — создание трансцендентное миру и состою из тонкой

материи, невидимой для человеческого глаза.

— Ого, как загнула.

— Почему в женском роде? Я ведь для тебя просто голос.

— Но ведь женский же.

Да, голос был девичий. Молодой, глубокий, с хрипотцой такой.

— Так ты мужик, что ли?

— Я не человек, для начала. И нет, я все-таки существо женского пола, — немного обиженно протянул Голос.

— Так, ладно, шиза продолжается... — пробормотал я.

— Я же сказала, что ты не спятил.

— Откуда мне знать? Вообще-то голоса, которые мерещатся спятившим, редко убеждают тех в ясности ума.

— И то правда, — согласилась говорившая. — Тогда придется тебе все принять на веру, крошка.

— Отложу вопрос цельности своего рассудка на потом. Скажи мне, Перст Указующий, что произошло? Взрыв ведь был или он мне почудился?

— Не почудился. В ваших шахтах серьезные обвалы.

— Выжившие? — мрачно спросил я, тут же посерьёзнев.

— Десяток или полтора людей. Половина ранена.

— А Мах?

— Кто?

— Старик, с которым я подружился. И малец еще — он живой?

— Слушай, я тут не прислуживаю надзирателем над твоими друзьями, — слегка взъярился Перст. — Вот выберешься отсюда, выяснишь сам. А то за кого ты меня принимаешь? За справочную?

— И как же я отсюда выберусь?

— Уж я об этом позабочусь, — пообещала невидимая девица.

— Ты кто вообще такая?

— Я же сказала, Указующий...

— Да, да, но я всерьез спрашиваю — что ты такое?

Собеседница, состоящая из тонкой материи, призадумалась.

— Непросто объяснять такие сложные материи простым смертным с их ограниченным сознанием, не способным вместить в себя...

— Короче можно? — повысил я голос.

— Я кто-то вроде распределителя магии.

— Чего-чего?

— Что ты заладил одно и то же? Туго мыслишь, что ли? В этом мире есть магия, в курсе же?

— Ага, и?

— Она не валяется где попало. Она хранится в едином мировом Источнике.

— И ты типа источник, что ли?

— Что ты. — Мне показалось, в этот момент девица замахала руками. — Источник магии — не личность. Это всего лишь нейтральная сила, которая в определенных дозах раздается тем, кто способен вместить ее в свою душу.

— Ух, как завернула! А ну-ка подробнее давай! Что там с душой? Не у всякого она

приспособлена к магии?

— Конечно, нет! Иначе Источник давно опустел бы, и все ходили бы в чародеях.

— Так магия только для избранных? — поморщившись, спросил я.

— Не совсем. Люди не делятся на избранных и неизбранных, пора бы тебе знать это в твоём-то возрасте, крошка.

— Я попрошу... — начал я.

— Кстати, твоя душа достаточно приспособлена, чтобы вместить магию, — прервала меня девица.

— Бреешь!

— Фи так выражаться.

— Так я магом, что ли, стану? Или уже стал? Вроде в пространстве перемещаться не умею и в крыс кого-то превращать — тоже...

— Прекрати паясничать. — Теперь, кажется, она поморщилась. — Твоя душа способна вместить магию, но вот что странно: в этом мире не становятся магами — ими рождаются. А ты не маг. Но при этом твоя душа предрасположена к магии. Это парадокс.

Я молчал. Не был уверен, что стоит болтать про другой мир с этой чокнутой.

— Эй, сам чокнутый. И знаю я про то, что из другого мира ты прибыл. Просто этот факт добавляет в мою работу... некоторые затруднения.

— Поясни.

— Когда в мире рождается маг, я вижу, к чему именно у него задатки — и дарую ему ту или иную магию. А ты родился в другом мире, и на тебя законы этого не действуют.

— О как! И как же быть?

— Как раз над этим и ломала голову, пока развлекалась, насылая на тебя все те испытания...

— Стоп, что? — воскликнул я. — Так это ты натравила на меня шлюх, пауков и трясины?

— Они не девушки древнейшей из профессий, а всего лишь мираж, сотканный из твоих же фантазий, пупс. Все остальное тоже было безобидным, ведь это же была иллюзия!

— Ну спасибо! Могла бы предупредить, прежде чем до смерти пугать, — буркнул я.

— Какой ты зануда, крошка, — ухмыляющимся тоном заявила нахалка.

— Прекрати обзывать.

— Не буду, крошка.

— Договорились, Пальчик.

— Ну ты и засранец.

После ее слов меня пошатнуло от сильного ледяного дуновения ветра, и я едва не упал.

— Так ты владеешь всеми видами магии? — любопытно спросил я, оставляя без внимания ее шалость.

— Не совсем. Маги вмещают внутри себя магию. А я лишь черпаю ее небольшой горсточкой из Источника, не вбирая при этом в себя.

— Сложная философия.

— Да уж, твое помутненное порочной жизнью и ограниченное сознание...

— Да-да-да, Пальчик. Давай дальше. Что ты решила насчет моей скромной персоны, пока я тут сражался с пауками?

— А ты разве сражался?

Я закатил глаза.

— Похоже, все женщины одинаковы — человеческие ли они, или какие другие...

— Что ты там бормочешь себе под нос?

— Так я стану магом, спрашиваю?

— Раз твоя душа хранит в себе место для магии, я не могу не даровать ее, но... у тебя есть выбор. Дело в том, что ты... не совсем обыкновенный персонаж в истории магии этого мира. Не в том смысле, что ты какой-то там особенный или избранный, а скорее — ненормальный и странный.

— Дальше.

— Начнем с того, что ты не должен слышать меня.

— Так не говорила бы просто.

— Дело не в этом. Ты не должен ощущать моего присутствия. А ты ощущаешь. Не ты единственный такой, не обольщайся, бывали и другие, но редко, и они все были не простые смертные, а совершенно уникальные личности — великие маги или мудрецы. Ты не велик, ты просто мальчишка из другого мира.

— Да понял я уже, что я презренный червь в твоих глазах! — вспыхнул я. — Ближе к делу говори.

— Я думаю, все кроется как раз в том, что ты из иного мира. В этом разгадка. Я не могу просто зачерпнуть из Источника магии и влить в тебя — я попросту не знаю, какую тебе силу даровать. Поэтому я решила даровать тебе выбор: либо магия — не великая, не строй иллюзий — либо одно желание.

— Что? — Я едва не подавился слюной от удивления. — Желание? Это как с джинном, что ли?

— Ты мыслишь слишком наивно, пупс, но в общем и целом — вроде того.

— Типа я говорю «О, Указующий Перст, возврати меня из этого поехавшего мира в своей собственный», а ты такая «Да, господин, будет исполнено»?

Голос фыркнул.

— Я ведь не Творец всего сущего, чтобы иметь силу исполнять такие масштабные желания. Я далеко не так могущественна, как ты мог вообразить обо мне, крошка. Можешь пожелать что-то из разряда... перенестись из подземелья в безопасное место, например.

— И взять с собой других рабов? — с надеждой спросил я.

— Вот еще!

— Ты предлагаешь мне бросить людей здесь в разваливающейся пещере? — возмутился я.

— Я тебе ничего не предлагаю, выбор твой. Могу даровать тебе магию... телекинеза, например. Попробуешь двигать рухнувшие каменные глыбы и расчистить путь.

— Хм... — я задумался. — А есть еще какой-то путь из подземелья, не заваленный камнями?

— Вообще-то да. Когда произошел взрыв, под тобой разверзся пол, и ты рухнул сюда. Отсюда идут тоннели — далеко и глубоко, но в конечном итоге один из них ведет наружу — к свету солнца.

— И об этом знает много народу?

— Никто. Много веков назад этот уровень пещер был завален и запечатан магами.

Взрыв открыл проход.

— И зачем же его понадобилась запечатывать?

— О, это древние трения серьезных бессмертных существ, тебе незачем ломать над

этим мозги. Скажу только, что ваш путь во мраке будет небезопасен.

— Но в теории мы можем выбраться наружу отсюда, верно? А в каком месте выход? Нас заметят люди? Хозяева рабов думают, что мы все погибли?

— Склоняются к этому. Никто, конечно, не бросится спасать рабские жизни, когда можно купить новые. Но учти: даже выбравшись в лес (а тоннель выведет вас в лес), вы не избавитесь от своего рабского клейма.

— Клеймо! — вскричал я, озаренный догадкой.

— Чего раскричался? Ты про то, что у тебя нет клейма, и тебе волноваться не о чем? Да, я заметила. Но других точно поймают. Да и ты сам с трудом будешь выживать в незнакомом мире, будучи нищим оборванцем.

— Да нет же, я про другое! Ты должна свести каждому из рабов его клеймо! Скажи, что можешь это сделать — умоляю, скажи!

— Всем не смогу, — задумалась она. — И это твое желание? Вместо того, чтобы выбрать магию или какой-нибудь способ самому себе упростить жизнь?

— Скольким сможешь свести клеймо? — проигнорировав ее скептический тон, спросил я.

— Так и быть — друзьям твоим сведу. Как ты говорил — старик и мальчишка?

— Только двоим? — поник я.

— Уж прости, крошка, я все же не благотворительный фонд. Итак, ты выбираешь...

— Сведи клеймо старику и мальчишке. Мах и... ох, как же зовут пацана...

— Да не беспокойся. Я знаю, о ком ты.

— Мысли мои читаешь, плутовка такая?

— Да ты же просто вопишь в них, и читать не приходится.

— А дальше что? После исполнения желания?

— Я перемещу тебя наверх, к твоим друзьям. Все выжившие двигаются в направлении той пещеры, где река, потому что шахты и другие пещеры завалены сильнее всего. Так что просто дождись там своих товарищей.

— И что нам, прыгать сюда?

— Не стоит, кости еще переломаете. Твое-то падение я сгладила. Ладно, так уж и быть, в качестве подарка материализую веревочную лестницу рядом с тобой — пользуйтесь на здоровье.

— Спасибо, что ли...

— Пожалуйста, крошка. Пользуйся чужими дарами с умом. И постарайся не сдохнуть на поверхности этого мира в первый же день.

— Можно еще вопрос?

— Задавай.

— Ты ведь сказала, что моя душа хранит место для магии... но если ты просто исполнишь мое желание, разве место не останется пустующим? И разве это не против правил этого шизанутого мира?

— Ах, лукавишь, дружок, — усмехнулась она. — Еще одно желание выпросить хочешь — магию. Не работает это так. Не могу я. Но ты еще можешь передумать — вместо сведения клейма...

— Не надо, — перебил я. — Все в силе.

— Хорошо, будь по-твоему. А теперь закрой глаза, крошка, а то в обморок еще упадешь.

— Закрыл, Указующий Не-Пальчик, — улыбнулся я.

— Ну ты и сволочь.

Меня закрутило в вихре порывистого ветра и понесло наверх. Тошнота подступила вплотную к горлу. Когда все закончилось, я осторожно открыл глаза. Я был в том же месте, где находился до взрыва. Моему взору предстала чудовищная картина: Оскал лежал с пробитым камнем черепом, чуть поодаль от него по полу было размазано кровавое месиво, которое некогда было рабом, желающим ценой чужих жизней купить светлое будущее для своей семьи.

Глава 5. Погребенные заживо, безумцы, тоннель без просвета и домогательства во мраке

Дождаясь других рабов, я времени зря не терял. Очнувшись от первоначального потрясения после всей дичи, которую пережил, я стал думать о делах насущных.

Рядом со мной лежала, как и обещала Не-Пальчик, веревочная лестница. Какой бы занудной и вредной ни была, а ведь реально помогла! Ну, спасибо, Перст Указующий.

Также на полу валялся факел. Горел. Это хорошо. Кажется, это факел Оскала. И как уцелел? Еще одно чудо, которое должно мне помочь.

Пока никого не было рядом, я справил нужду, параллельно думая о том, что человек, вопреки всем своим духовно-культурным запросам, довольно низок. Тут камни на головы рушатся, люди пачками умирают где-то неподалеку, магическая какая-то хрень творится, а я что? А мне хочется ссать, жрать и спать. Вот прямо упал бы сейчас тут и проспал бы суток трое — таким себя разбитым ощущаю. Воистину человек — самый громадный парадокс вселенной: и венец творения, и червь ползающий одновременно.

Закончив с туалетом, я с факелом в руке направился к трупу Оскала. Прислушался к себе при виде его разбитой морды: чувствую ли сострадание? Как ни старался, не смог обнаружить его в глубинах души. Правильно ли это?

Обыскав громилу, нашел у него в кармане лишь две медные монеты. Так, вот и местная валюта. Рабам, насколько понимаю, на карманные расходы бабок никто не выдает, а тут — на тебе. Видать, хоть и остался Оскал с клеймом, а все-таки был на особом счету у хозяев своих. Зря, что ли он, товарищей своих предал, а потом взорвать собирался?

Больше ничего у него полезного не нашлось. Нож, которым хотел зарезать меня, лежал рядом. Взял его — он куда важнее монет и наверняка непременно пригодится. Провел пальцем по клинку: ах, чтоб его! Острый какой. И длинный. Полезная находка. Нож складывался. Сложив, я убрал его в карман штанов, монеты туда же.

Поднявшись, направился к тому, что осталось от раба, взорвавшего пещеры. При виде этой картины замутило бы даже самого крепкого и черствого мужика. Поспешил отойти подальше.

Ждать пришлось недолго. Я успел осмотреть пещеру, но не нашел в ней ничего, что можно было бы забрать с собой. Вскоре послышались шаги. Еще через некоторое время показались выжившие. Один из них шел с факелом в руке, некоторые несли с собой какие-то вещи.

— Дан! — вскрикнул Мах.

Увидев его и пацана живыми, я ощутил, как огромный камень, тянувший меня в пропасть, отпустил.

— Вы в порядке? — быстро спросил я, подбегая к старику.

Я внимательно всмотрелся в его шею. Ах, зараза, не видно ничего. Седые волосы Маха спадали на плечи и закрывали шею.

— Порядок, за меня не переживай. Как ты выжил?

— Провалился под пол — буквально. Взрыв открыл проход в нижние пещеры. Я чудом уцелел при падении. А внизу нашел вот это, — уже громко, чтобы слышали все рабы, произнес я, подходя к веревочной лестнице и поднимая ее. — Там, внизу есть еще пещеры. Думаю, нам стоит спуститься и продвигаться по ним.

— И что нам это даст? — спросил один из рабов.

— Возможно, выведет наружу.

— Чепуха, — морщась и хмурясь, возразил тот же мужик. На вид ему лет пятьдесят — довольно крепкий на вид. — Все знают, что выход из этого подземелья только один — и он намертво завален камнями. Мы все тут сдохнем.

— Не надо так категорично, — сказал я дружелюбно. — Вы ведь не знаете, что там внизу.

— А ты знаешь, что ли?

— Нет, но мы не можем просто сидеть здесь сложа руки.

— А ты погляди на раненых. Они при спуске вниз уже подохнут, не говоря об опасном и неопределенном путешествии по пещерам.

— Давайте-ка для начала все передохнем, а уж потом решим, как быть, — миролюбиво, но твердо заявил Мах.

Пока все устраивались на отдых, я оглядел рабов. Ровно четырнадцать человек вместе со мной. Не густо.

Я прошелся между ними и зафиксировал в голове наблюдения и ответы на вопросы. Пять тяжело раненых, одна из них — женщина. Вряд ли выживут. Серьезные травмы и потеря крови. Еще несколько человек с повреждениями легкой степени. Еще две женщины, остальные все мужики. Присев рядом с пацаном (он был здесь единственным ребенком), я спросил:

— Как жизнь, братец?

— Ползу еще, — криво ухмыльнулся он.

Я бросил взгляд на его шею. Тату не было! Молодец Перст — не обманула!

— Молоток! Травмы, раны?

— Нет, ушибы да синяки только. А ты как?

— То же самое. Ну что, пойдешь со мной вниз?

— Пойду. Здесь оставаться бессмысленно, — решительно заявил он. — Ты что-то видел внизу?

— Нет. Я побывал только в одной пещере. От нее отходят тоннели. Углубляться не стал, чтобы скорее вернуться сюда.

— Как ты обратно поднялся?

— Веревочная лестница, — сказал я, глядя в ту сторону, где она лежала. А лежала она аккурат возле большой каменной глыбы с острым верхом. — Видишь камень? Никогда не отличался меткостью, но этот бросок мне удался. Закрепим опять за тот же камень и спустимся.

Он кивнул, и мы помолчали.

— Сколько там было детей?

— Шестеро.

— И все, рожденные здесь?

— Кроме еще одного пацана. Его, как и меня, лет в двенадцать сюда отправили за грехи родителей.

Мне хотелось заорать во все горло. Дети, погребенные под обломками. Дети, не видевшие солнечного света. Мог ли я успеть? Мог ли я предотвратить? Никогда не узнаю — и буду до конца жизни мучиться этим вопросом.

— Что у нас с провизией, не знаешь? — спросил у мальчишки, блокируя боль в груди и

мрачные мысли в голове.

— Женщины взяли то, что уцелело и не оказалось в обломках, но это почти ничего.

— Плохо дело. Пойду, поговорю с ними. — Я встал. — Кстати... как тебя звать-то?

— Агнар, — улыбнулся он.

— Рад, что ты живой, Агнар. Я — Дан.

Я направился к женщинам. Они сидели в своем тесном кругу, отдельно от мужчин.

— Приветствую, дамы. — Я присел на корточки напротив них. — Вы как?

Одна постарше просто кивнула, вторая, тяжело раненая, не могла говорить. Третья заговорила:

— Я пойду за тобой вниз. Бёрк — тот, который не хочет идти — просто глупец. У нас не хватит еды, чтобы отсиживаться тут месяцами. У нас даже на неделю не хватит. А уж что потом будет... — она испуганно замолчала.

Что-то в ее облике показалось мне знакомым. Пригляделся внимательнее. Да ведь это та баба, которую Оскал изнасиловал! Деваха еще молодая. Тогда она мне показалась куда старше, но то из-за освещения обманчивого. Да и не до того мне было, чтоб в полумраке ее долго разглядывать. Из-за тяжелого образа жизни в постоянной тьме девица выглядела не сказать, чтобы очень бодро и свежо. Исхудавшая, истощенная, с болезненно-белым лицом, впалыми глазами. Но хорошенькая вполне. Откормить, отмыть — и будет милаха совсем.

— Как раз хотел насчет пропитания спросить. Чего и сколько у нас есть?

— Вяленого мяса немного. Зерна мешок, — она кивнула в сторону провизии.

Я пошел туда. М-да, действительно не густо. Этого на полтора десятка человек хватит на несколько дней. А я тут вообще не собирался долго торчать. Выдвинусь в путь сегодня же. А уж кто не захочет — его выбор. А если все-таки все согласятся... вот как нам быть с зерном? Не потащишь ведь его с собой, чтобы там, в пещерах, кашеварить. Остается только мясо. Совсем негусто.

Но больше всего меня сейчас волновали раненые. Как с ними быть? Как помочь? У нас тут нет антибиотиков, даже бинтов нет! Вот дерьмоооо...

— О чем тяжелые думы думаешь, сынок? — ко мне подошел Мах. Только сейчас заметил, что он похрамывал.

— О раненых. О тех, которым больше остальных досталось.

— Им не пережить эту ночь, — вздохнул Мах.

— Как же нам быть? — спросил я с тоской в голосе, обращаясь к старику, как к более мудрому и опытному наставнику.

— Мы не в силах им помочь. Ты не в силах, — с нажимом произнес он последние слова, пристально глядя на меня.

Я молча кивнул.

Да, с идеей сегодня же трогаться в путь придется повременить. Мы не можем бросить умирающих одних. Им и так недолго осталось.

— Что у тебя с ногой?

— Ушиб просто, — отмахнулся он.

— Слушай, Мах... хотел поговорить про взрыв...

Я рассказал старику обо всем, что узнал. Он слушал, не перебивая, хмурый и опечаленный.

— Как всегда, — сказал он, когда я окончил рассказ, — знать пытается отхватить себе лакомый кусок, а гибнут невинные.

— Мы — просто черви под их ногами...

Тяжело раненные скончались, как и предполагал Мах, ночью (мы только предполагали, какое время суток в тот или иной момент). Женщины, как могли, облегчили их участь, прикладывая к их пересохшим губам чашу с водой и всячески пытаясь утешить. Мы не можем их похоронить. Придется оставить тела здесь.

Вместе с другими мужчинами, у которых не было травм, мы оттащили все трупы (включая Оскала и того, что осталось от взорвавшего нас мужика) к дальней стене и соорудили нечто вроде каменной ниши для них. Благо, каменных обломков было предостаточно в нашем распоряжении. Одна из женщин прочитала молитву Богу. Да, они верили в Единого Творца.

— Мы не можем ждать, — сказал я, когда с трупами было покончено, и мы сели есть кашу, сваренную женщинами. — Еды почти нет, трупы скоро начнут разлагаться. Мы здесь в каменном гробу.

— А там, внизу, будто бы нет, — усмехнулся Бёрк. — Нетушки, я туда не полезу. Останусь тут.

— Но ты умрешь! — отчеканил я.

— Верно, — он посмотрел мне прямо в глаза, — помру ползающим червем, как и полагается таким, как мы. И вы тоже. Только я возле воды и хоть на каком-то просторе, а вы в узких тоннелях, в которых может оказаться хрен знает какая угроза.

— Твое право, — холодно ответил я. — Остальные, вы со мной?

Все ответили утвердительно. В глазах многих был испуг, но другого пути они не видели.

— Я тоже останусь, — вдруг сказала одна из женщин — та, что постарше. — Что нас ждет там, даже если выберемся на свободу? Снова рабство. Мы бы и в шахтах долго не прожили. Все равно везде одно и то же — либо рабство и мучительная смерть, либо сразу смерть. А тут хотя бы несколько дней проживем вольными людьми.

Ее речь произвела на некоторых впечатление. Я же был поражен подобной логикой. Нет, я понимал ее отчасти, но... остаться рядом с гниющими трупами, быть заживо погребенными в глубине пещер?

В итоге разделить участь сумасшедшего Бёрка и этой женщины вызвались еще двое. И нас, рвущихся к свободе и желающих побороться за жизнь, осталось всего пятеро.

Мы оставили им зерно и почти все мясо. Я надеялся вырваться на волю в скором времени, а эти остались тут умирать: нас не спасет это вяленое мясо, нас спасет только выход из глубин подземелья, а вот этим бедолагам лишняя еда продлит жизнь, пусть и ненадолго.

— Я захватила несколько фляг, — сказала девушка и направилась набирать воду из реки.

— Предусмотрительно, — я пошел за ней. — Ты молодец.

Четыре фляги в ее руках были деревянные.

— Меня, кстати, Магрит зовут, — она тепло и смущенно улыбнулась. — А ты ведь Дан?

— Верно. Фляги только четыре, Магрит, а нас пятеро.

— Можем использовать одну на двоих, — она опустила покрасневшие щеки. — Если ты не против.

Она со мной флиртует, что ли? — стукнула меня по черепушке мысль.

Собирать нам было больше нечего. Попрощавшись с подписавшими себе приговор рабами, мы закрепили лестницу на острие камня и стали спускаться вниз. Спуск был дольше, чем я ожидал.

— И как ты только забросил отсюда лестницу наверх — это же уму непостижимо, — пробормотал мужчина — его звали Крох.

Я сделал вид, что не услышал его замечания. Пофиг, если что-то заподозрят. Все случившееся настолько невероятно, что тут впору поверить в чудо. Вот пусть и верят, других объяснений у них нет.

Оставшиеся наверху хотели скинуть нам лестницу, но я настоял на том, чтобы оставили. Меня не покидала надежда, что безумцы одумаются и последуют за нами.

Мы стояли в темной пещере — той самой, где я беседовал с Перстом. Тогда мне было не до того, чтобы внимательно разглядывать пещеру, теперь же я занялся этим. Из нее действительно шли тоннели — три.

Я похолодел от ужаса. Кажется, падение отшибло мне все мозги. Я забыл спросить у Перста, какой из тоннелей нам нужен!

— И куда дальше? — спросил Агнар.

— У нас нет вариантов, придется наугад, — сглотнув слюну, выдавил я.

И мы пошли в правый тоннель.

Факел у нас был один. При взрыве магический огонь во многих факелах погас. Выжившие принесли с собой один уцелевший источник света, я же взял при спуске в глубину тот факел, который был при мне все время — после того, как меня подняла обратно наверх девица с Указующим Перстом.

Мы шли долго. Нам казалось, часов пять прошло. Тоннель сужался. Наконец, он стал настолько узким, что нам пришлось идти ползком. Действительно как черви. Гребаная кастовая система!

— Ты почему остановился? — спросил я у Кроха, ползшего первым.

— Тут тупик.

— Ты серьезно? Ах, что за говно. — Проклиная вслух все пещеры мира, я кое-как развернулся и пополз обратно.

Спустя целую вечность мы вернулись в исходное положение.

— Эй, вы там? Не передумали? Может, спуститесь? — крикнул я.

Ответа не последовало.

Животы уже сводило судорогой от голода, и мы потратили часть драгоценного вяленого мяса.

Мы пошли по среднему тоннелю. Я мысленно казнил себя уже пару сотен раз за то, что не додумался спросить у Перста, куда нам идти. Да и она хороша, могла бы догадаться сообщить!

Мы снова шли целую бесконечность. Счет времени давно был потерян. Единственная радость — тоннель широк и удобен. Когда совсем выбились из сил, съели остатки вяленого мяса. Все — дальше голод, если не выберемся отсюда, как можно скорее.

Мы шли, и шли, и шли...

В скором времени случилась катастрофа — факел погас.

— Да чтоб его! С чего это он? — спросил я.

— Магический заряд закончился, — устало отозвался Мах.

К слову сказать, он меня тревожил все больше. Хромота его становилась все ощутимее.

Да и выглядел он далеко не так бодро, как до взрыва. Выглядел, когда я мог разглядеть хоть что-то в этом долбанном тоннеле! Теперь тут ни зги не видно.

Мы продолжили путь. Теперь делать это было сложнее и не так комфортно, потому что пробираться наощупь во мраке, не видя, что ожидает впереди — так себе удовольствие.

Стены были покрыты мерзкой наощупь слизью.

Спустя еще одну бесконечность времени пришлось сделать привал. Ноги гудели. Все были без сил. Еды больше не было. Придётся только пить воду, которую мы очень сэкономили, но и она уже скоро закончится.

Мы сели рядком возле стены. Прислонившись к ней, я ощутил спиной ее холод и сырость. Вся спина будет в той гадости, которая облепила стены. Хотя — пофиг уже на все. Похоже, Бёрк был прав, и мы все тут поляжем. Черви, погребенные в глубине пещер.

— О чем ты думаешь? На, пей. — Рядом со мной сидела Магрит.

Я взял флягу из ее руки и сделал пару глотков. Вернул флягу.

— О том, что все не так хорошо, как я думал в начале пути.

— Можем вернуться назад. Есть еще третий тоннель, — подал голос Агнар.

— Время потеряем, — возразил Мах. — Мы не знаем, куда ведет этот тоннель. Если вернемся и упремся в тупик в третьем, сил на новый переход по этому уже не останется.

— А если упремся в тупик в этом? — слегка визгливо спросил Крох. — Или если придется идти целую вечность, а выход так и не найдется?

— Мы все знали, на что идем, — сурово сказал старик.

Мы с трудом поднялись и поплелись дальше. Тоннель вел и вел вперед, но просвета видно не было. Неужто обманула Перст? Или ошиблась?

Вскоре Мах упал.

— Что с тобой? — я бросился к нему — на звук его вскрика.

— Ерунда. Споткнулся. — Голос его слегка дрожал.

— Делаем привал. Поспим немного, — объявил я. — Вы спите, я посторожу, а то малодли...

Кое-как устроились на ночлег. Я прислонился к стене и буравил взглядом непроницаемый мрак.

По ощущениям прошло около часа, когда чье-то тело прильнуло к моему.

— Что такое? — спросил я, дернувшись от неожиданности.

— Это я, — прошептала Магрит.

— Эмм... ясно... и что ты делаешь?

— Хотела отблагодарить за то, что защищал тогда... от Оскала, — ее голос дрогнул, а рука поползла мне под рубашку.

Я немного запаниковал: не каждый день, знаете ли, меня домогаются странные девицы во мраке пещеры, где гадко, склизко и куча страдающих от усталости и голода людей на полу. Да уж — верх романтики просто.

— Хмм... не за что. Слушай, не могла бы ты убрать руку и отодвинуться?

— Ну что ты? Ведь темно же, никто не увидит...

— Дело не в этом. Меня не нужно *таким образом* благодарить за то, что я сделал. Любой нормальный мужик поступил бы так же.

— Нет, — тихо возразила она. — Не любой.

Она, к моему громадному облегчению, отодвинулась. Кажется, обиделась. Да ну ее нафиг! Ну не хочу я заниматься сексом в противной темной пещере, где мы все, скорее всего,

скоро умрем.

Глава 6. Почему вы так одержимы деревьями?

Да! Наконец-то!

Уже почти смирившиеся с неизбежностью скорой смерти, истощенные, доведенные до изнеможения, голодные, отчаявшиеся — мы вышли из тоннеля. Нет, не на поверхность земли, к сожалению, но хотя бы из тоннеля в пещеру, что уже пробудило в нас надежду. Ощупью мы обошли пещеру вдоль стены: на дальнем конце зала был проход куда-то.

— Думаешь, это выход? — спросил у меня Агнар. Кажется, он воспринимал меня, как лидера группы.

— Не знаю. Мы это проверим.

— Только когда отдохнем. Иначе я откину копыта, не дойдя до прохода, — устало сказал Крох и лег на пол.

Он был прав. Мы все слишком устали, и необходимо передохнуть. Я, как и все, прилег и... уснул.

Проснулся я оттого, что кто-то тряс меня за плечо.

— Надо идти дальше, — сказал Агнар, разбудивший меня.

Я вскочил.

— Долго я спал?

— Да нет, полчаса, может...

Мы двинулись к проходу. Он был узок, но мы почти все были тощие, так что запросто пролезли. Крох только протиснулся с трудом. Мы оказались еще в одной пещере — и она была колоссальных размеров.

— Ох...

— Вы тоже это видите?

— Что это?

Все взволновались, потому что впереди мрак слегка рассеялся — что-то мерцало красным цветом и служило не самым хорошим, но все же хоть каким-то источником света.

Мы медленно двинулись туда. С каждым шагом мерцание становилось ближе, с каждым шагом нечто все четче вырисовывалось у нас перед глазами.

— Провалиться мне на этом месте! — прошептал я, увидев, что это.

— Да это же... — тоном, выражающим полное неверие, воскликнул Крох.

— Дерево... — растерянно закончила Магрит.

Да, перед нами действительно было дерево. Но оно не росло снизу, оно выросло с потолка! И нет, я не терял рассудка — пока еще нет. И где это слыхано, чтобы люди сразу толпой заглянули?

Громадное дерево росло корнями кверху. Или кроной книзу. Именно оно мерцало красным. Точнее, ветви. И это то еще зрелище — жутко, феерично... и безумно странно. Толстые ветви будто трубки расходились во все стороны и словно сияли изнутри — кровавым таким пугающим цветом. Корни дерева расходились по каменному потолку, частично уходя в него. Вы можете вообще себе такое представить? Дерево вросло корнями в каменный потолок! Я обрадовался, что никогда не употреблял наркоту, а то сейчас испугался бы, что дождался неприятных последствий.

Дерево было засохшим. Никакой листвы. Ствол был серо-коричневатый, но эту монотонность цвета нарушали черные продолговатые пятна по всей коре.

Красное мерцание меня пугало — это было дико странно, пожалуй, самое странное, что я видел в своей жизни.

— А это что?

Агнар подошел к каменному углублению прямо под деревом, которое кроной почти касалось этого углубления. Рядом с ним валялся большой топор, но внимание пацана привлек вовсе не он.

Я тоже подошел ближе. В чаше, назовем это так, валялись какие-то деревянные фигурки.

— Ох, как это мерзко! — воскликнула Магрит, взяв одну из фигурок рассмотреть и бросившая ее обратно.

Я взял фигурку. Она реально была жуткая. Человеческое тело, но вот лицо... демона, наверное, какого-то местные вырезали. Наверняка здешняя мифология богата на чудовищ. Фигурки были пятнистые — черной, продолговатой формы пятна. Как на коре дерева.

— Не нравится мне все это... — пробормотал Мах.

— Да, надо бы нам уходить отсюда, — поддержала его Магрит.

— Что вы, деревья испугались? — хохотнул Крох. — Ну да, странно это все, но давайте хоть десять минут посидим. А то опять в темень возвращаться.

— Ай! — вскрикнула Магрит, одергивая руку.

— Что с тобой?

— Порезалась об камень острый.

Я взглянул на ее руку: по запястью стекал красный ручеек — прямо как ветви этого дерева. Девушка села на край чаши. Все мы тоже присоединись к ней. Я поднял голову к кроне дерева. Это жуткое зрелище все же завораживало. Где еще увидишь такое?

— Вы это слышите? — прервал мои мысли Агнар.

Мы прислушались. Что-то шипело.

Взгляд мой упал на чашу. Ох... что это? Оттуда доносилось шипение. Каменное дно было расчерчено непонятными линиями, образующими сложный геометрический узор. Линии постепенно становились красными.

— Это что, моя кровь такое сотворила? — Магрит испуганно подняла на нас взгляд, затем перевела на свою руку и на чашу.

Я увидел, что капли ее крови размазались по краю чаши, где сидела девушка.

А дальше произошло что-то совершенно страшное и невообразимое. Деревянные фигурки стали оживать и расти.

Мои спутники всполошились и подняли панику. Только Мах стоял неподвижно и с ужасом глядел на происходящее.

Фигуры за десятков секунд выросли до размеров человеческих. Что самое невероятное, так это то, что они были не деревянными, а казались вполне себе состоящими из плоти и крови, как обыкновенные люди. Только вот морды у них так и остались демоническими. Изрытые язвами и гнойниками лица, с глазами черными без зрачков, с узкими ртами и отсутствующими носами. Но как бы я тут ни пытался расписать всю их жуткость, я не смогу. Нет слов в человеческом языке, чтобы описывать запредельно-жуткие вещи.

Восставших фигур было четыре. На них появились черные длинные накидки. Волос у тварей не было — голые черепа.

— Бежим! — крикнул я во всю глотку и пустился в сторону очередного проема в противоположном конце пещеры.

Я убедился, что остальные не отстают. Но мы напрасно надеялись скрыться: твари нагнали нас за несколько секунд. Меня попытались схватить скрюченные черные пальцы, но я чудом увернулся. Вспомнив про нож, вытащил его. Тварь снова набросилась — я выкинул руку с ножом и... попал. Темная фигура зашипела от боли в раненом плече. Но не прошло и нескольких мгновений, как рана с шипением затянулась.

«Их нельзя убить!» — паника хлынула в мою голову мощным потоком и едва не отключила сознание.

Я увидел, как Мах подкрался сзади к врагу, стоящему ко мне лицом, и вцепился в его шею, пытаясь задушить. Чудовище с легкостью отодрало руки старика от себя.

— Мах, беги! — крикнул я, вне себя от ужаса.

Монстр отбросил старика к стене. Остальные враги были заняты моими товарищами.

«Думай! Ну думай же!»

В сознании что-то вспыхнуло. Я бросился бежать в сторону топора. Добежал! Схватил орудие и кинулся к дереву. Встав на края чаши, я схватился за красные ветви и пополз по ним. Ветви были прочными, но одна все-таки треснула. Я едва не свалился вниз. Одна из тварей схватила меня за ногу, я, вложив всю силу в ногу, пнул, враг отцепился. Только бы получилось! Только бы я оказался прав! Я с трудом дополз — с топором-то! — до потолка. Я боялся, что время на исходе, но запрещал себе смотреть вниз. Каждый миг на счету!

Я крепче перехватил топор и рубанул им по одному из ответвлений корня, выросшего в камень. Есть! Как безумец я стал рубить корни дерева. Лязг металла об камень был отвратительным, но я не переставая бил и бил топором по корням везде, где мог дотянуться. Не знаю, сколько времени прошло, но внезапно я рухнул вместе с деревом в каменную чашу.

Башкой я приложился неслабо. Заставляя себя не терять сознание от боли, я выбрался из чаши. Твари лежали на полу — мертвые ли, не знаю, но они не двигались. Агнар, тяжело дыша, прислонился к стене.

— Я в порядке, — сказал он, поймав мой обеспокоенный взгляд.

А вот остальные не были в порядке. Крох лежал в шаге от меня — мертвый, сразу видно.

— Проверь его, — велел я Агнару все же, а сам бросился к Маху.

— Сынок... — прохрипел старик, когда я упал возле него и схватил его за руку. — Время мое на исходе...

— Нет! — отчаянно помотал я головой. — Ты что, Мах? Ты еще поборешься! Я вытащу нас отсюда!

— Мальчик мой... я все равно был обречен... — Он с трудом задрал штанину.

Я увидел его ногу — ниже колена она была ужасна. Глубокий перевязанный кое-как порез кровоточил, цвет ноги был отвратным.

— Как же так?! — подавленно проговорил я, сдерживая рыдания. — Ты спас меня, а сам покидаешь нас, Мах!

— Я достаточно прожил на этом свете... Сынок, хочу сказать тебе спасибо...

— Да за что же, Мах?

— За освобождение. Я рад, что умираю не рабом... — прохрипел старик и попытался улыбнуться, но закашлялся от боли.

— Ты видел свою шею...

— Да, в отражении в реке. Не знаю, как ты это сделал, но знаю, что это ты...

— Ты стал моим другом, ты заменил мне отца, — тихо проговорил я, сжимая его ладонь.

— А ты напоминал мне все это время моего сына... Дан, мальчик мой... знаю, как нелепа эта надежда, но все же... может, если пойдешь в город Рок, может, ты найдешь там моего сына... Его зовут Вальгард Ульсон.

— Я запомню, Мах. Я постараюсь его найти. И освободить. Я тебе обещаю...

— Нет, нет, не надо никаких клятв... — На этот раз его кашель длился долго. — Время на исходе... постарайся выжить, сынок...

— Мах! Мах! — Я ощупал его пульс — пропал.

Закрыв глаза своего друга, я с трудом поднялся.

— Где Магрит? — спросил Агнар.

Его вопрос заставил меня очнуться от горя.

Мерцание ветвей дерева после того, как я срубил его, не исчезло, но стало куда слабее, поэтому я не сразу отыскал глазами девушку. Она лежала у проема, откуда мы пришли. Я кинулся туда. У Магрит был разорван бок. Меня замутило от вида разодранной плоти.

— Держись, девочка... — шепнул я.

— Я последую за стариком. Он ведь умер, да?

— А ты не умрешь! — упрямо мотнул я головой, пытаюсь утешить скорее себя, чем ее.

— Не лги, у меня кишки вываливаются наружу, — прошептала она, стараясь улыбнуться. — Спасибо тебе еще раз, Дан — за то, что тогда заступился. Со мной это было впервые в жизни... А ты знаешь, мне ведь еще всего девятнадцать...

— Ох, Магрит, милая моя... — сказал я, аккуратно приподнимая ее голову и прижимая к своей груди. — Прости меня...

— За что?

— За то, что не спас.

— Твоей вины нет. Дан, побудь со мной до конца, прошу тебя...

— Конечно, — ответил я, а затем в отчаянии зарыдал.

Я отломил две ветки от уже навсегда погибшего дерева и одну протянул Агнару. Мерцание стало совсем слабым, но все же хоть какой-то свет лучше, чем непроглядная тьма.

Мы сложили три мертвых тела вместе.

— Ты знаешь молитвы? — спросил я у Агнара.

— Мать читала. Но она очень короткая.

Агнар обратился к Богу с просьбой упокоить души наших друзей. Я чувствовал, что тоже должен что-то сказать.

— Я не умею говорить речи, — сказал я тихо. — Просто скажу, что эти люди были славными. Они были моими друзьями. Я не знал родного отца, но если бы я мог выбирать, я бы хотел, чтобы он был похож на Маха.

Попрощавшись с павшими, мы покинули пещеру через проем и оказались еще в одном зале, а из него попали в очередной тоннель. Он оказался коротким. Перед нами были каменные ступени — сотни ступеней, ведущих наверх. Мое сердце забилося быстрее.

— Думаешь, это оно? — шепотом спросил Агнар, будто боявшийся спугнуть чудо.

— Узнаем.

Мы начали восхождение. Лестница была очень длинной, пришлось делать привал. Наконец, сотни ступеней остались позади. Мы уткнулись в глухую стену.

— Это уж совсем издевательство, — угрюмо заявил Агнар.

Я стал ощупывать и рассматривать стену перед нами. Ничего. Похоже, на этот раз и правда конец.

— Закройте глаза, опустите головы и прикройте их руками, — услышал я голос Перста.

— Ты откуда здесь? — удивился я.

— Ты это кому? — спросил Агнар.

— Помолчи и сделай, как я сказала, — рассердилась невидимая девица.

Я передал ее распоряжения Агнару и сам исполнил их. Секунда, две, три... началось: звуки были такие, будто какой-то великан решил прорыть ход в глубину земли.

— Вылезайте.

Я открыл глаза, поднял наверх и чуть не ослеп. Над нами виднелось небо — настоящее небо!

— Ух ты! — восторженно ахнул мой друг.

Я схватился за края отверстия, проделанного Перстом и не без труда вытащил тело наружу, а затем помог выбраться пацану. Вокруг лежала разбросанная комьями земля — просто горы земли. Мы стояли в лесу.

— Эй, ты где? — спросил я.

— Ты это кому? — озадаченно завертел головой Агнар.

— Помолчи, — велел я.

— Да тут я, — отозвалась наша освободительница.

— Ты могла спасти моих друзей от смерти? — спросил я, против воли сжимая кулаки.

— Остынь. Нет, не могла. Я не служба слезки. Твое счастье, что я решила заглянуть к тебе еще разок, а то, знаешь ли, скучно иногда становится...

— Спасибо, что вытащила.

— Пожалуйста. Мой очередной дар тебе. Сама не знаю, зачем это делаю...

— Понравился, значит, тебе.

— Вот еще! — фыркнула девица.

— Что за чудовища были внизу?

— Их называют Пьющими Смерть. Многие века назад этих чудовищ породил один из величайших злодеев, обитавших в этом мире.

— Ты им сейчас восторгаешься?

— Я лишь признаю факт его величия, — невозмутимо отозвалась Указующая путь. — Этот человек творил столь черные дела, что тебе и в кошмаре не приснится. Пьющие Смерть, как ты понял, получают подпитку от самой смерти.

— А дерево?

— Оно не обычное.

— Ну, это я и сам понял.

— Место, где оно проросло — я имею в виду не пещеру, а поверхность земли — раньше было место казни преступников. Чародей не просто так его выбрал. Кровь из отрубленных голов и тел пропитывала землю, корни дерева и стекала по ветвям вниз. Пьющие Смерть питались ею.

— Как может кровь с поверхности достигнуть хрен знает какого уровня под землей, да еще стекать по ветвям дерева? — не поверил я откровенному бреду.

— Ты меня не слушаешь. Дерево — не обычное. Чародей, чтобы вырастить росток, поливал его кровью.

— Своей?

— Нет. Он зарезал всю свою семью.

Я не нашелся, что ответить. После узнанного даже шутить уже не хотелось.

— Дерево притягивало к себе смерть. Пролитая на землю кровь насильственно убитых сама стремилась пропитать корни дерева.

— Дичь какая, — передернулся я.

— Когда казни прекратились, дерево засохло, хотя его ветви сохранили в себе часть полученной крови. А раньше они мерцали куда ярче!

— Стоп! Это что же мы, как светильниками, ветви с чьей-то кровью использовали? — снова передернулся я.

— А ты только догадался?

— Эм... Дан... ты в порядке? — осторожно спросил Агнар.

— Ты слышишь чей-то голос? — в свою очередь задал я вопрос.

— Разумеется, он меня не слышит, он — обыкновенный мальчишка.

— Я тоже, хоть и не мальчишка уже.

— Ты — из иного мира. Ну ладно, мне пора, крошка. Успешно выжить.

— Стой! А куда нам идти? — Но мой вопрос остался без ответа.

— Это что сейчас было? — Агнар глядел на меня подозрительно.

— Не бойсь, я не сошел с ума... надеюсь.

Пока мы шли по лесной тропе, окруженные великанами-деревьями (надеюсь, они нормальные? блин, на всю жизнь фобию деревьев себе заработал!), я рассказывал Агнару о своем знакомстве с Указующим Перстом, а заодно и о своем иномирском происхождении. Не уверен, что поступил правильно, но скрывать от парня правду было бы слишком тяжело. Во-первых, подружились как-никак, во-вторых, и это самое важное — как иначе мне объяснить ему кучу вещей? Как отвечать на миллион вопросов, которые будут непременно возникать, пока мы будем днями, неделями или месяцами шагать бок о бок в этом треклятом мире?

— И ты выбрал свести наши рабские метки вместо того, чтобы стать магом? — в третий раз ошарашенно спросил он у меня.

— Ты мне не веришь? В реке свое отражение не видел?

— Да как-то некогда было рассматривать себя, тем более я же не девчонка! — возмутился пацан. — Да и вообще речь не об этом. Как ты мог отказаться от магии?

— А как я мог не помочь друзьям, когда есть возможность? — просто ответил я.

Агнар замолчал, как-то странно поглядев на меня.

Мы итак шли на пределе сил, к вечеру уже просто валились с ног.

— Надо раздобыть еду. Не знаешь, далеко еще до поселения какого-нибудь? — спросил я.

— Нет. Я не из этих краев. Меня привезли сюда. Расскажи мне про свой мир.

— Да что про него говорить... — вздохнул я.

На самом деле во мне прочно сидела ностальгия. По знакомым проспектам, по родным паркам, по своей задрипанной однушке. По жизни — моей жизни.

— У вас нет магии?

— Нет.

— Как такое возможно? — в сотый раз воскликнул Агнар. Он уже в третий раз

спрашивал про магию в моей реальности. — Как же вы живете?

— Да уж как-то живем, — усмехнулся я. — Впрочем, теперь мой мир — этот. Да ты ведь и сам как-то четырнадцать лет обходился без магии.

— Это совсем другое... я живу в мире, где она есть, где она в порядке вещей. Да я бы, наверное, чокнулся в твоём странном мире.

— Это мой-то мир странный? — хмыкнул я. — А я, кажется, скоро чокнусь в этом мире...

Глава 7. Жизнь в общине

Мы шли долго. Лес все не кончался. Хорошая новость одна — удалось выспаться. После лежанки на каменном полу во мраке пещер ложе в виде мшистого ковра казалось верхом роскоши. Да еще небо глядело на нас сотнями ярких глаз-звезд. Привкус свободы ощущался — приятно донельзя. Спали мы, конечно, по очереди. Не дураки все ж таки отрубаться одновременно: мало ли кто здесь бродить может, зверье какое или чего похуже.

Да, ощущал я себя выспавшимся, но в остальном дело было — дрянь. Мы уже едва тащили свои тушки от голода, желудки жалобно стонали, требуя топлива. Но еще хуже — жажда! Вода, плескавшаяся на доньшке наших фляг, закончилась, тем самым обрекая нас на ужасные страдания. Солнце палило вовсю. Его беспощадный жар скрадывался из-за густой листвы, шелестевшей над нашими головами, но мы все равно изнемогали, истекая ручьями пота.

На наше счастье зверье попадалось лишь безобидное — зайцы да белки всякие.

— Это что... земляника? — заорал я, не сдержав восторга, граничащего с эйфорией.

Я припал к земле и жадно всмотрелся в ягоды: точно — земляника! Надо же, прямо как с родной Земли!

Аккуратно, словно самые ценные сокровища в мире, я собрал ягоды в ладонь, Агнар сделал то же самое. Закинув в рот сразу горсть ягод, я ощутил блаженство, живительным соком стекающее по горлу. Ох, хорошо-то как!

Но валяться на земле и бездельничать долго было нельзя. Перекусив (желудки сводить от голода не перестало, кажется, только раззадорили аппетит), мы поднялись и зашагали уже более радостно и бодро.

Агнар рассказывал мне об этом мире. К сожалению, знания мои новообретенные хоть и были ценными, но их еще предстояло собрать воедино из разрозненных и хаотичных фрагментов и систематизировать. Рассказчик из мальчишки был не самый лучший, честно признаться. Он, кроме своей деревни на пару десятков хозяйств, и шахты ничего в жизни не видал. А о магии вообще знал чуть больше, чем ничего, хоть и говорил, что она пронизывает этот мир насквозь.

Короче, попытаюсь все это разложить по полочкам в своей черепахе. Жопа, то есть мир, в который я угодил — нечто плюс-минус нашего средневековья. Я, хоть и гуманитарий, но конкретно в истории вот вообще не силен. Я больше по части философии всякой да искусства. Ну да ладно, на чем я остановился... Ах да. Кастовая система. Про нее я уже кое-что знал от Маха... — Мах... при мысли о старике сердце полоснуло болью — но Агнар чутка расширил мои познания.

Мы находились в королевстве Альбит. Стало быть монархом тут был Его Величество король. Он, как это ни странно, тоже был частью кастовой системы. Я-то полагал, что края, что с одной стороны, что с другой — то бишь монарх и рабы (и даже крестьяне) — всегда вне системы, ан нет. Так вот верхушка кроны (высшая каста) — очевидно, что король. Далее традиционно идут герцоги и бароны (графов тут не было, ага). Королевство разделено на пять герцогств. Это не считая столицы, в которой Его Величество обитало. Мы сейчас находились на востоке королевства — в герцогстве под благозвучным названием Кальд. Так с географией немного разобрались, хоть и весьма смутно, едем дальше...

Ствол (следующая каста по нисходящей) — это горожане, среди которых ремесленники

да купцы, и еще рыцари.

Корни — крестьяне.

Черви — рабы и бомжи. Да-да, вы не ослышались.

А что же маги? Этот вопрос будоражил меня больше всего. Маги могли быть во всех кастах, кроме рабов. Но среди крестьян они рождались редко почему-то. А если рождались в стволе, то их быстренько прибирали к рукам аристократы из кроны — в большинстве случаев.

Я был несказанно удивлен, узнав, что король — не из магов. Надо же.

Впрочем, спустя минуту я уже понял, какой я дурак. Закон престолонаследия никто не отменял. В королевской семье мог родиться какой угодно наследник.

Крестьянам до магов дела было не много. Их удел простой — землю копать, да урожай собирать, чтобы часть из него потом данью отдавать своему барону. Кстати, у рыцарей здесь не было таких привилегий, как в средневековой Европе, по крайней мере, крупных земельных наделов с кучей крестьян им не раздавали, хоть звание рыцаря и считалось почетным и прибыльным.

Нам пришлось прервать беседу, потому что впереди что-то замаячило... дома! Не веря глазам, мы прибавили шагу, но постарались не сильно шуметь. Не знаю, как мальчишка, но я конкретно параноил на тему того, что в первом же поселении нас поймают и поставят на нас рабские метки.

Деревья становились реже, а вскоре и вовсе расступались, открывая вид на деревню, с другой стороны окруженную просторными золотистыми полями.

— Ну что, пошли скорей! — хотел рвануть туда Агнар, но я остановил его.

— Погоди. Надо подумать.

— Да это ж деревенские... они не причинят вреда.

— Мы не можем просто явиться к ним. Надо же будет как-то объяснить наш приход.

— Скажем, что разбойники напали. Тут это обычное дело.

— Для начала — мы братья, — сказал я. — А откуда мы шли? И куда?

— Давай рассуждать логично... Наша шахта находилась недалеко от столицы герцогства. Кажется... — смущенно добавил он. — Относительно недалеко, конечно... Значит, где-то поблизости должен быть главный тракт. Мы шли по нему, а по дороге наткнулись на разбойников.

— Как-то сомнительно все это звучит, — нахмурил я лоб. — Мы даже не знаем, в какой стороне главная дорога и насколько она далека.

Я напряженно пытался придумать план, но голова была чиста, как лист бумаги, и гениальных идей не генерировала.

— Ладно, оставим эту версию, но внесем коррективы. Какие ближайшие города отсюда?

— Я только столицу знаю, — уныло отозвался пацан.

Я тяжело вздохнул.

— Ладно. Поступим так: скажем, что мы мелкие торговцы. Ехали в повозке из столицы, но возле леса напали разбойники, пришлось делать ноги в лес, и вот мы здесь... Будут вопросы — молчи лучше. Сам попытаюсь выкрутиться...

Мы вышли, наконец, из-за деревьев. Деревня начиналась сразу — никаких ворот или частокола. Дома были простые, скромные, но добротные. В них были люди. Заметив наше приближение, они с любопытством стали высыпать на улицу и разглядывать нас. Я тоже

впитывал глазами информацию, насколько позволяли приличия.

К слову сказать, пока я тут встречал людей только с внешностью, схожей с европейской. Так что меня за белую ворону не принимали, что уже существенно облегчает жизнь.

— Не подскажите заблудившимся путникам, где можно найти... старейшину? — спросил я громко.

— Идите до конца улицы. Там увидите его дом — не перепутаешь с другими, — ответил один из мужиков настороженно, но без враждебности.

Я поблагодарил, и мы продолжили путь. Пока шли, насчитал домов тридцать. Судя по всему, мы шли по главной улице. Справа и слева от нас она ответвлялась еще на две поуже.

Мы дошли до дома старейшины. Да, он действительно отличался. Если остальные были просто деревянными и небольшими, то обиталище первого лица поселения было побольше и покрашено в красный цвет. Дворы тут не были обнесены никакими заборами, так что мы сразу увидели старика, стоящего на крыльце и встречающего нас пристальным взглядом.

— Могу вам помочь, путники? — спросил он, как только мы приблизились.

— Приветствуем, старейшина, — почтительно отозвался я. — И просим прощения за вторжение и беспокойство. Мы заблудились. Эти края мы знаем плохо. Мы мелкие торговцы, держали путь по главной дороге из столицы в повозке, да наткнулись на разбойничью шайку, пришлось удирать в лес... Чтоб им ноги переломало, зверюгам этим, честной народ средь бела дня грабят!

Старик спокойно и внимательно выслушал нас, затем сказал:

— Что ж, проходите, будете моими гостями, мы попавших в беду людей не прогоняем.

Я бесшумно выдохнул. Кажись, пронесло. Или нет? Еще неизвестно, что старейшина вздумает у нас спрашивать. Агнар, ни хрена не понимающий, что и где находится в собственном мире, потому что за всю жизнь он видел только свою деревушку, и я — даже в своем мире страдавший легким топографическим кретинизмом, а уж в чужом... Отличная команда, в общем!

Нас провели в дом. Я шустро завертел головой, с любопытством изучая интерьер. Он был прост, но идеальные чистота и порядок сразу сделали этот дом средоточием уюта в моих глазах. А уж после пещер, где срать приходилось у всех на виду...

Комнат было две — кухня и зал. Все деревянное, все простое, минимум мебели. Стол, скамейки, соломенные тюфяки, пара каких-то сооружений типа шкафов.

Из зала к нам вышла пожилая полноватая женщина. Старейшина представил ее, как свою жену — Раду. Самого старика звали Анвар.

Рада проявила верх гостеприимства. Нас тут же отправили во двор к тазу — умывать лицо и руки. Затем засадили за стол, на который хозяйка уже успела выложить хлеб, овощи, мясо и молоко.

Агнар, не сдерживая себя, накинулся на еду, я же постеснялся и ел, как бы трудно это ни было для меня, медленно и небольшими кусками.

Пока мы насыщались, нас не тревожили разговорами да вопросами. Ох, чую, этот старик еще возьмется за нас. Несдобровать нам, если на лжи поймает.

Я пытался себя успокоить. Даже если и заподозрит что-то — что с того? На нас ведь нет клейма. А без него фиг узнаешь, что мы беглые рабы. Еще от Маха я узнал, что свести клеймо — магическое искусство высочайшего уровня, и практикуется оно тут крайне редко, почти никогда.

Верно чуяло мое сердце — после того, как мы набили довольно заурчавшие животы,

старик предложил мне посидеть с ним на крыльце, поболтать. Рада, видя, что Агнар еле держится на ногах от усталости, выделила ему место вздремнуть.

— А теперь, сынок, скажи-ка мне правду... — начал Анвар, и мое сердце оборвалось. — Не по главной вы дороге шли. Откуда тогда?

— Да с чего вы взяли? — предпринял я попытку отвертеться.

— Да ведь тракт-то главный от столицы с противоположной стороны от места, откуда вы явились, находится.

Мне стало жутко обидно это услышать. Ну Агнар... географ, блин.

— Простите меня, — вздохнул я. — Мы уйдем сейчас же.

— К чему эта спешка? Не торопись ты пугаться и убегать, сынок. Ты просто правду скажи. Я ведь чего опасуюсь? Как бы беды вы не принесли к нам в общину. Смотрю я на твое лицо — и оно не видится мне лицом злодея, но ложь к доверию тоже мало располагает.

— Я понимаю это, но и правды вам сказать не могу. От беды мы страшной бежали. Не злодеи мы — это я вам чем хотите поклясться могу. Просто бедные, честные люди, попавшие в очень скверную ситуацию. Но на вашу общину это никаких бед не навлечет, уверяю вас. Впрочем, мы все равно не хотели бы злоупотреблять вашим гостеприимством, поэтому вы нам просто объясните, как дойти до города...

— Да что ты горячку-то порешь! — даже немного сурово перебил меня старейшина. — Не в моем это духе гнать тех, кому помощь требуется. Если беду за собой на хвосте не привели — оставайтесь пока у нас.

— Благодарю! — горячо заверил я его, пожимая сухую старческую ладонь. — Как нам отплатить вам за доброту?

— Да работа в хозяйстве найдется... А пока иди поспи тоже, вижу ведь, вот-вот свалишься.

— Спасибо! Спасибо вам, Анвар!

Мы вернулись в дом. Мне позволили устроиться на соседнем тюфяке рядом с пацаном. Едва коснувшись подушки, я провалился в глубокий блаженный сон без сновидений.

Мы остались жить у Анвара и Рады. По крайней мере, пока. Пару дней мы просто отдохали и слонялись по деревне. Я просился помогать, но Анвар лишь отмахивался, говоря, что мы настолько тощие, что попросту не сможем даже топор поднять. Это нас с Агнаром слегка обидело.

На третий день нам наконец поручили заниматься делами по хозяйству: таскать воду, колоть дрова, кормить скотину. Я, как человек городской, белоручка (фу, тошно от себя даже стало), конечно, вначале тупил и совершал позорнейшие ошибки. Типа корм курам и свиньям перепутаю и все в таком духе. А вот Агнар чувствовал себя, как рыба в воде.

За пару недель сытной жизни на свежем воздухе мы начали чувствовать себя почти нормальными и почти счастливыми людьми. Пацан — так уж точно.

Я с удивлением размышлял о том, что меня не ломает из-за отсутствия бухла и сигарет. Впрочем, с этим тут проблем не было, нет. Местные гнали что-то типа самогона и делали вино. А еще дымили натуральным табаком. Но я благоразумно счел, что в моем итак дерьмовом положении мне сейчас возвращаться к зависимостям ни к чему. Итак уж беглый раб, так еще и рабом этих пагубных привычек вновь становиться — нет уж, увольте.

Для полноты радости мне не хватало одного — определенности. В подвешенном

состоянии жить — пытка сущая. Я не знал, что ожидает нас впереди. Не знал, что с нами сотворят, когда мы пересечемся с кем-то за пределами деревни. У меня были сплошные страхи и тревоги — и ни одного обнадеживающего фактора.

Детей у супругов, приютивших нас, не было.

По соседству от старейшины жила пожилая пара с дочерью примерно моего возраста. И, вот дерьмо, она, кажется, заимела на меня виды. Нет, девчонка, конечно, симпатная, но что-то мне не до интрижек было в моей ситуации, которую можно красочно охарактеризовать одним словом — задница. Но девица об этом не знала и ей было плевать на мое равнодушие, она всю строила глазки, а пару раз даже откровенно подкатывала, отчего Агнар, видевший все, наиомерзительнейшим образом хихикал.

В один из вечеров девица набралась еще большей наглости и приперла меня к стенке (буквально!) в сеннике. Вот, блин, в лучших традициях русской деревни, и не только русской, конечно. В плане сексуальных походов все миры — что обычные, что фэнтезийные — совершенно одинаковы.

— Слушай... эмм... прости, забыл, как тебя зовут... давай-ка прекращай это все... — попытался я отодвинуть нахалку от себя.

Она уж мне чуть ли не штаны расстегивала. Да что за распутница такая живет по соседству с приличными людьми?!

— Эй, ты, недоумок, руки от нее убрал!

Я аж вскипел от возмущения, когда услышал это.

Соседка, наконец, соизволила отлипнуть от меня, и мы смогли увидеть, кто явился по мою душу. Паренек молодой, кажется, встречал я его пару раз у колодца.

— Я пошла, не скучайте, мальчики, — пропела нахалка и упорхнула к себе домой, оставив нас сражаться за ее отсутствующую честь.

— Чужак, ты чего руки-то распускаешь, а? Думал, к старейшине под крыло попал — и тебе все можно, да?

— Остынь, дружище, — миролюбиво поднял я руки. — Нахрен мне эта девица не сдалась.

— Как же, потому лапал ее?

— Да ты слепой, что ли? — разозлился я. — Эта дура сама ко мне липнет.

— Хочешь оклеветать скромную, честную девушку? Опорочить ее имя, гад?

— Ой, все, отвали, придурок. — Я махнул рукой и попытался протиснуться мимо него, но мне в висок прилетел удар кулаком.

Ну все, это уж чересчур. Я, пошатнувшись от удара, все-таки удержал равновесие и остался на ногах. Круто развернувшись к сраному Отелло, я схватил его за грудки и шмякнул об стену. Парнишка был куда меньше меня ростом, да и силищи у меня чутка прибавилось после всех перенесенных тягот, так что приложил я дурака нормально.

— Отцепись от меня со своей дурой, идиот, — прошипел я ему в ухо. — Мне не до любовных походов, забирай себе эту девицу, если, конечно, она захочет к тебе идти.

— Ну ты и гад! — злобно оскалился он, пытаясь вырваться. — Да я тебя...

— Да-да, конечно, но давай в другой раз, что-то я устал для дуэлей, — отмахнулся я и пошел к дому.

Придурок, к моей радости, не вздумал бросаться мне вслед.

Что за чокнутые люди? И озабоченные девицы? Никогда б не поверил, если б раньше мне сказали, что буду отказываться от перепихона с хорошенькой девицей, особенно если та сама готова выскочить из трусов. Но нахрен мне не сдались такие особы проблемные. И вообще — как бы мне не сдохнуть в этом поганом мире, будучи беглым рабом? Ведь не вечно же нам у Анвара жить. Вот кто бы мне подсказал — как в этом долбанном мире можно не сдохнуть?

Глава 8. Хочешь стать мужиком? Топай на инициацию!

Мы жили у Анвара уже два месяца. За это время я узнал много ценной для себя информации. Я не мог подставляться, признаваясь старейшине в том, что я из иного мира. Нет, не потому, что не доверял — доверял-то как раз на все сто. Но Анвар не казался человеком, который поверит в подобное. Мне не хотелось выглядеть в его глазах безумцем. Агнар будет молчать: не из болтунов пацан. Да и из детства сумасбродного и безрассудного вышел уже давно, еще до рабства в шахтах, поэтому к нему я относился серьезно, почти как ко взрослому.

Меня ни на день не покидала мысль о клятве Маху: отыскать его сына. Как? А главное: что потом? Я сгоряча, в порыве горя и жажды облегчить муки старика, в порыве сыновней благодарности (да, именно нечто подобное я чувствовал к Маху) дал ему клятву, которую не представлял, как исполнить. Но отказаться от клятвы и стать в собственных глазах брехуном я не мог. Значит, для начала следовало узнать, где находится город Рок — ну и названьице.

Из-за того, что напрямую выведывать нужную информацию я не мог, приходилось идти окольными путями. В итоге я кое-как узнал от Анвара, что город находится вообще в другом герцогстве. Не то, чтобы туда нельзя было добраться, но в моем нищенском положении сделать это будет не так-то быстро.

Однажды рано утром Анвар, сидя на крыльце и потягивая ароматный кофе (да, здесь знали этот напиток, и я вам скажу, что Рада варила лучший кофе, что я пробовал в жизни) и любуясь восходом просыпающегося солнца, завел любопытный разговор.

— Я вот что подумал, Дан: оставайтесь-ка вы с мальцом у нас в общине жить.

— Насовсем? — удивился я такому резкому повороту событий.

Конечно, старейшина ни разу не гнал нас, напротив, всячески давал понять, что мы им не в тягость, но меня самого тяготило, что мы свалились на их головы, и я ломал мозги над тем, как бы мне встать на ноги.

— Почему нет? Помнишь, как мы похоронили нашего старика Тео месяц назад? От него добротный дом остался. Можешь поселиться там, женишься, детишек настрогаешь, хозяином своего пусть небольшого, но хорошего земельного участка станешь. Учет ведь крестьянского населения властями не строго ведется. Им главное знать, сколько в общине живет голов, способных платить дань. Вот и будешь его платить вместо старика. А брат твой пусть с нами остается жить: нам с Радой на старость будет счастье о ком-то заботиться, своих ведь детей Творец не даровал. Учет детей ведется только с двенадцатилетнего возраста. Вон у одних сынка девятилетнего пару лет назад волк в лесу загрыз. Выдадим Агнара за их ребятенка, никто не станет дознаваться. Кому есть дело до нищих крестьян? А даже если и станет, то вы же свободные люди, можете сказать, что снялись с места, переехали сюда. Это было бы самое простое решение, я только сомневаюсь, что оно тебя устроит, если ты до сих пор боишься, что кто-то может вас искать.

Я промолчал. Не мог я объяснить старику свои тревоги.

— А ты вон своих детишек заводи, — свернул он на другую тему как ни в чем не бывало. — Мужик взрослый уже, семьей пора обзаводиться. Я даже знаю, кто на тебя глаз положил. Ли знаешь?

— Не припомню... — наморщил я лоб.

— Сестрица Роба.

Я уже знал, что Робом звали того придурка, который на меня наехал в сеннике из-за распущенной девахи.

— Да ладно? Ну нет, Анвар, спасибо, но связываться с этой семейкой у меня желания ноль.

— Ты из-за того случая, что ли? — улыбнулся старик. — Брось ты, Дан. Роб уже и думать забыл об этом. Ты разве не слышал, что он шуры-муры крутит с другой девицей?

— Рад за него, — мрачно ответил я. — Но что-то не нравится мне все равно эта идея...

— Девка-то ладно — дело молодое. А вот о том, чтобы с нами остаться — подумай. Будешь одним из нас. Мы люди простые и живем небогато, но у нас спокойно. Да и много ли человеку надо для счастья-то?

Я всерьез задумался над предложением Анвара. Был ли у меня выбор? Нет, конечно, я мог отправиться скитаться по неизвестному мне и — я в этом не сомневался — враждебному миру, чтобы... чтобы что? Сына Маха так просто не отыскать. Да и возможно ли это вообще? Что я о нем знаю? Имя? Буду ходить по городу и спрашивать «Не подскажете, как мне отыскать раба такого-то?»? Да, с сыном Маха придется подождать. Вернусь к этому позже. Сейчас важнее залечь на дно.

Паранойя, что нас вернут в рабское положение, до сих пор скребла мое сердце и порой снилась в виде кошмаров, от которых я пробуждался в холодном поту.

А еще мне хотелось остаться. Никогда бы не подумал, но мне понравилось жить в деревне. Спокойно, тихо, размеренно. Красивая, первозданная природа кругом. Я падал к вечеру, как загнанная лошадь, после тяжелого трудового дня, но все-таки был доволен. Жизнь была сытной и привольной вопреки условиям тяжелого труда и бедности во всем остальном, кроме жратвы. Еды вдосталь, дом какой-никакой имеется, а остальное не столь важно. Если все крестьяне в здешних краях живут так же неплохо, то этот мир не так уж плох. Но я, конечно, не верил в это. Анвар сказал, что от барона многое зависит. Местным с бароном повезло: тот блюдет спокойствие на своих землях, излишки зерна и мяса (то, что тут крестьяне могли раз в неделю питаться мясом было для меня открытием века!) не отбирает, и народ живет сносно.

Значит, решено — пока остаемся. Меня же никто не привязывает к одному месту. На мне рабского клейма нет, представится случай, могу и сняться с места. А надо ли оно мне? Если неплохо можно устроиться тут, то зачем искать приключений на свою задницу? Кроме сына Маха, у меня нет других причин куда-то срываться. Мах ведь не хотел никаких клятв... Быть может, мне и не надо цепляться за свои же слова? Ну чем я смогу помочь рабу?

Ах, дерьмо. Я сам себя в угол загоняю. Ладно. Поживем — посмотрим.

Может, прав Анвар и насчет женитьбы? Но тогда я точно не смогу никуда сорваться. Или смогу? Мне же только найти надо сына Маха и... рассказать ему о кончине отца. Дать ему шанс хотя бы оплакивать родителя. Дать шанс узнать правду о том, что случилось. А способ освободить раба от клейма я вряд ли найду. Прости, Мах, прости, что дал напрасную надежду...

С Ли мы пересекались множество раз. И, буду откровенным, девушка мне нравилась.

Нет, я не влюбился — еще не хватало — но крепкую мою симпатию молодая особа заслужила. Она выглядела скромной, порядочной, адекватной. Лицом мила, телом стройна. Пару раз мы поговорили о пустяках, и я узнал, что она еще и сообразительна и интересна, как собеседник. Даже не сказал бы, что она всю жизнь в сельской местности прожила — такой широкий у девушки кругозор. Это меня и подкупило. Я бы не смог крутить любовь с кем-то из других местных девушек. Мне попросту было с ними не о чем говорить. Конечно, и с Ли не поболтаешь о Достоевском и экзистенциальном кризисе, но то, что в ее прелестной головке острый ум — уже много значит для меня.

Но решиться на то, чтобы всерьез с ней что-то замутить, я пока не мог. Меня глодало изнутри то, что я поклялся Маху найти его сына. Значит, я должен хотя бы попытаться. Поэтому пока рано связывать себя брачными узами.

Я согласился на предложение Анвара и переехал в опустевший дом умершего старика. Он был куда меньше дома старейшины (хотя и там мы вчетвером с трудом уместались), но мне было насрать. Свой дом — кайф!

У меня не было ломки из-за отсутствия сигарет и бухла, но была ломка из-за отсутствия книг. Да, это реально была проблема. Книгопечатание в этом мире, кстати, уже было изобретено, но книг было не так много, как и грамотных среди простого люда.

С удивлением и радостью я обнаружил, что умею читать и писать на местном языке. Понял это, когда увидел какой-то свиток у старейшины с бухгалтерскими расчетами. Да, старейшина был грамотным, и его жена тоже.

В общем, переехал я в свой — в свой! звучит-то как сладостно! — дом. Но недолго длилась моя эйфория. Однажды ко мне пришел Анвар и снова завел разговор — на этот раз куда страннее первого.

— Дело к тебе есть, Дан. Не думал я, что до этого дойдет, ты ведь все-таки пришлый горожанин, я так понимаю... Но народ настаивает.

— На чем? — сразу насторожился я.

— На обрядах посвящения.

— Чегоооо?

— Каждый мальчик нашей общины, достигнув возраста пятнадцати лет, должен пройти посвящение во взрослые мужчины.

— Мне давно не пятнадцать.

— Это не важно. Ты не можешь стать одним из нас, пока не пройдешь через эти обряды. Прости, Дан, но я не могу пойти против своих. Они не поймут. Мы испокон веков живем на этих землях и чтим традиции наших отцов. Ты должен проявить уважение.

— И что же от меня потребуется? — осторожно спросил я.

Ассоциации в голове крутились, связанные с сектами и жертвоприношениями. Хотя Анвар, конечно, не допустил бы, чтобы его община занималась какими-то непотребствами. Но все равно — как-то не нравится мне все это.

— Как ты знаешь, магов среди крестьян рождается мало. Но так было не всегда. Были времена — далекие, похороненные под тяготами сотен лет — когда и среди нас чаще встречались одаренные люди. И наши праотцы проходили посвящение в маги одновременно с посвящением в мужчины в том случае, если дар бывал обнаружен. Но даже если нет — посвящение все равно состоялось, потому что стать по-настоящему взрослым мужчиной

всегда было куда важнее, чем оказаться одаренным. Тогда обряды проводились куда раньше — лет с двенадцати, мы точно не знаем. Магия пробуждается по-всякому — у кого в детстве, у кого в юности, а у кого и вовсе тогда, когда этого уже и ожидать перестаешь. Зачастую бывало, что наши предки обнаруживали свою силу именно на одном из обрядов посвящения — оно стимулировало силу, заставляло ее явить себя.

— А девочки? Они ведь тоже могли оказаться магами?

— Могли. Но лишь мужчины могут удостоиться чести принять участие в церемонии посвящения.

«Все ясно, короче, патриархат во всей красе», — мысленно усмехнулся я.

— Посвящаемый должен был закалиться, чтобы стать настоящим мужчиной и полноценным членом общины. В городах эти традиции давно позабыты, да и во многих деревнях тоже. Но мы — мы помним, — продолжал говорить Анвар.

— Так что же мне надо будет делать?

— Ступени посвящения были выстроены так, чтобы у человека могла, при ее наличии, пробудиться магия. Самая распространенная магия — это, как ты знаешь, стихийная. С этим и будут связаны некоторые твои испытания.

— Как-то это слишком однобоко, — сказал я, — если видов магии куча.

— Придумать для каждого вида магии отдельное испытание было бы делом трудо- и времязатратным. Наши далекие предки, жившие на лоне природы, конечно же, отдали предпочтение стихиям — в противостоянии с первобытной, беспощадной и слепой природы дух мужчины закаляется, как сталь.

Первое испытание должно было состояться в центре деревни. Здесь проходили главные события общинной жизни. Тут был колодец, тут был построен деревянный помост, на который обыкновенно поднимался старейшина, чтобы толкнуть речь. На этот помост сейчас была водружена большая бочка с ледяной водой. И мне предстояло залезть в нее и просидеть там три часа — и ни минутой меньше.

«Здравствуй, воспаление легких».

Как назло, день был специально выбран пасмурный и прохладный.

— Иначе какой смысл в испытании? — спросил Анвар.

«Старик, да что же ты делаешь? — обратился я с мысленным возмущением и легкой обидой к старейшине. — Такой мировой, умный мужик, а все туда же — в дебри тупой архаичной философии».

Анвар произнес небольшую пафосную речь, и я в одних трусах, которые тут напоминали что-то типа аналога нашего антично-средневекового брэ, залез в бочку.

— Ух... — выпустил я воздух, чувствуя, как все тело обжигает холодом.

Вся деревня собралась поглазеть на посвящаемого несчастного меня. Ну, любуйтесь, любуйтесь, извращенцы и садисты. Хлеба и зрелищ захотелось вам, да?

Нет, я вообще-то не против того, чтоб быть закаленным, так что фиг с ним.

...Эм, нет, беру свои слова обратно. Кажется, я уже свое хозяйство там отморозил. Дрожащими губами я сипло спросил у Агнара, стоящего рядом и с преданным участием глядящего на мои муки, сколько еще осталось — пятнадцать минут. А ведь пацану через год через эти же садистские обряды проходить.

...Пятнадцать минут длились бесконечно. Но вот мне сказали, что испытание пройдено,

и я могу вылезать.

Фуууф, полотенце, теплая одежда — никогда бы не думал, что так обрадуюсь своей мешковатой рубахе и потрепанным штанам.

— Выпей, моя Рада заварила — чтобы не заболеть. — Анвар протянул мне чашу с ароматным дымящимся отваром.

Глотнув, я почувствовал обжигающую горечь, заполнившую рот.

— Ну что, Анвар, когда следующее-то испытание? — спросил я, все еще трясась мелкой дрожью.

— Отдохни пока, — хохотнул он. — Вы, горожане, неженки, не привыкли к такому.

Вечером были танцы. Да-да, тут бывали увеселения. Никакой экзотики, все вполне, как в нашем мире — темнота, укрывшая общину, языки огня от костра, жареное мясо, местный алкоголь, музыка, извлекаемая из дудочек примитивного типа, девушки, кружащиеся вокруг костра. И одна из них вполне недвусмысленно глядела на меня. Но я не спешил присоединяться к Ли. Я сидел, потягивая волшебный травяной чай Рады и глядя на пляску пламени. Это был пик умиротворения. Мне хотелось продлить эти мгновения как можно дольше. Но идиллию нарушила Ли, подсев ко мне.

— Поздравляю, ты преодолел первую ступень, — заулыбалась она мило и очаровательно.

Я залюбовался отблесками пламени, игравшими на ее роскошных длинных волосах золотистого оттенка.

— Спасибо. Ерунда, — отмахнулся я. — Я думал, сложнее будет. — Хм. Это прозвучало, как бахвальство? Неужто я пытаюсь выпендриться перед девицей?

— Знаешь, мы могли бы с тобой...

— Что? — в тревожном ожидании я замер.

— ...прогуляться как-нибудь. — Она снова невинно улыбнулась.

«Фуф. Уже от девушек шарахаюсь, как от проказы».

На самом деле я просто беспокоился, как бы не обмануть ее надежд. Я ведь не знаю, каких воздушных замков она уже понастроила в голове.

— Да, конечно, обязательно. Слушай, кажется, твой брат недолюбливает меня.

— Да ты что! — горячо возразила она. — Он рассказывал, что однажды приревновал твою соседку к тебе, но с тех пор много воды утекло. Роб ведь собирается жениться на Саре, ты разве не слыхал? Так что он не прочь поладить с тобой, поверь мне.

Я обернулся и поглядел на Роба, разговаривавшего с отцом. Уловив мое внимание к себе, он дружелюбно помахал рукой и улыбнулся.

Вот как. Семья потенциальной невесты уже не горит желанием прикончить меня — это радует. То есть я до сих пор не знаю, стоит ли мне связывать себя такими узами, но в будущем... может, я найду способ одновременно и жизнь свою наладить, и сына Маха поискать.

После гулянки он подошел ко мне и завел беседу:

— Дружище, я тут хотел сказать... ты прости меня за тот случай. Глупо вышло.

— Ерунда, я уже ничего не помню, — с улыбкой отозвался я.

— Слушай, я слышал, что ты грамоте обучен и книжки любишь. Так у нас дома есть несколько — может, отдать тебе?

— Правда? О, братишка, буду тебе по гроб жизни благодарен! — искренне воскликнул я.

— Да не вопрос. Пошли.

Я двинулся за ним. Брат Ли был невысок, худощав, но, судя по точным уверенным движениям, ловок и быстр. Такие же светлые, как у сестры, волосы парня были коротко стрижены. Обыкновенный, в общем, парнишка, с обыкновенной внешностью — это он мне тогда из-за конфликта неприятным типом показался, но я, похоже, ошибся в нем.

Роб жил на одной из боковых улиц. Точнее, вся его семья жила. Такой же небольшой и скромный дом, как у всех. Я подождал на крыльце, пока он вынесет мне свои книги.

— Прихватил все, которые были. Впрочем, это тебе явно не интересно, — сразу убрал он в сторону книгу по растениям.

— Ты этим интересуешься? — указал я на книгу.

— Да. Мать отправляла в детстве травы полезные собирать в лесу... Во! Гляди. Любишь такое?

Я взял в руки потрепанную книжку. Пьесы — трагикомедии. О, местные вполне могут быть приобщенными к культуре. Неплохо. Хотя вообще-то пьесы я не люблю. Но за неимением под рукой томика Гюго и такое чтиво будет желанной литературой.

— Вот еще. — Протянул мне новоиспеченный товарищ сборник поэзии. — А, ну это тебя вряд ли заинтересует. — Указал он на томик дамского, судя по названию, романа.

— Ли тоже любит читать? — с любопытством спросил я.

— Да она за новую книжку убить готова, — пошутил Роб. — Мать сокрушается, что неправильно она в деревне родилась, ей бы среди знати жить с ее замашками.

— Отличная девушка твоя сестра, Роб.

— Ты ей тоже нравишься, — подмигнул он.

— Эм... ладно, потопал я, бывай. И спасибо за книги.

А ведь неплохой, кажется, мужик этот Роб.

Глава 9. Жги, Дан!

Настало время следующего испытания. По правде сказать, я боялся (ну да-да, я тот еще трус порой), что меня заставят на этом дебильном посвящении делать что-то либо ужасное, либо постыдное. Хотя, если бы задания выходили за рамки того, что я готов физически и этически выдержать, то я бы, конечно, послал всех нафиг. Но пока все шло более менее приемлемо.

В нашем мире в архаичных племенах людей инициировали схожим образом. То в ледяную воду прыгай, то ледяными простынями оборачивайся и суши их теплом своего тела, то угли горящие глотай или пройдишь по ним. Правда, я со всей наивностью своей души надеялся, что до углей у нас не дойдет — такой травмы мое горло плохо переживет, да и ступни жаль.

Все оказалось куда проще. Испытание было назначено на один из чудных прохладных вечеров. Один из мужиков разжег костер в центре деревни, меня пригласили сесть максимально близко к нему.

— Наши праотцы были уверены, что настоящий муж должен гореть внутренним огнем, — заговорил стоящий рядом Анвар. — Про магов и говорить нечего. Они могли есть горящие уголья...

Ну я же говорил!

— ...ходить по ним босыми ногами. У нас есть легенда о великом воине, который после битвы с врагами настолько воспламенился душой, что его одеяния сгорели на его теле, и воину пришлось залезть в чан с холодной водой, чтобы остудить свой пыл. Вода вокруг него сильно нагрелась, забурлила, пришлось ее менять. И только тогда великий воин остудил пламя внутри себя.

Пока Анвар заливал мне в уши пафосную легенду, тот же деревенский мужик, что разжег костер, стал бросать в него горсть... это сушеный перец, что ли? Ой, ну все ясно с вами.

Уже через несколько мгновений у меня в глазах защипало, а в горле запершило. Не смертельно, конечно, но я вам скажу — ощущения не из приятных. Прямо вот совсем. Я усилием воли подавил желание потереть глаза. Анвар сказал, что настоящий мужчина терпит невзгоды без единого дрожания в мускулах. Не то чтобы дикарские представления о жизни общины стали для меня авторитетом, но прослыть в их глазах изнеженной принцессой мне бы не хотелось. Весь этот бред с испытанием — это, конечно, просто смешно, нелепо и верх мракобесия, но сила духа в глазах этих людей значила очень много — и в моих тоже. И мне было бы не в кайф дискредитировать себя перед теми, с кем я собирался прожить, возможно, оставшуюся жизнь.

— Выпей это. — Мне протянули чашу с подозрительно пахнущим отваром.

Я залпом осушил ее.

В первые несколько секунд — ничего. А потом как полыхнуло во рту.

— Что... вы... мне дали? — спросил я, с трудом дыша.

— Пламенную воду.

Ох, спасибо, это все прояснило!

Я не мог дышать. Я горел. Все мое горло и весь мой рот обратились в сплошной огонь. Это было невыносимо!

Я старался не задохнуться и одновременно не выказать перед всеми своих позорных мучений. Даже не знаю, что было ужаснее — огонь или невозможность нормально вдохнуть.

Наконец, через бесконечность мгновений пожар во рту стал утихать. Фуууф... отпускает, кажись.

Я, наверное, просидел около получаса со слезящимися глазами и очень неприятными ощущениями в горле, когда Анвар провозгласил конец испытания.

— А теперь тебе надобно отдать дань уважения земле, которая кормит нас, — сказал он.

Непонятно откуда возник Роб с деревянной посудинкой в руках, внутри были какие-то измельченные растения.

— Вот так сразу? — удивился я.

— А чего тянуть? — отозвался Анвар. — Древние времена были куда суровее, и испытания тех времен — тоже. Нынешние испытания — просто невинные детские шалости в сравнении с тем, через что приходилось проходить нашим предкам. Ты должен втирать эти растения в кожу — и на лице, и на верхней части туловища.

Я снял рубаху. Спасибо хотя бы, что не приходится снова труселями своими перед всей деревней светить. Набрал пригоршню травок и стал старательно обтирать ими себя. В первую минуту ничего не происходило. А затем у меня началась натуральная чесотка. У меня зачесалось буквально все. Ну ладно, кроме нижней части туловища. Каждый сантиметр моего тела и лица, куда попала злосчастная трава, стал терзать нестерпимый зуд.

— В чем же смысл всех этих бессмысленных действий? — спросил я у Анвара. — Анвар, ты же умный человек, неужели не понимаешь, что глупо заниматься всем этим? Что это дает? Да я ведь даже не маг, чтобы ожидать пробуждения силы при всех этих действиях.

— Надо чтить и уважать традиции, передаваемые из поколения в поколение многими веками. В былые времена мужчин, отказывавшихся участвовать в обрядах посвящения, изгоняли из общины, презирали, клеймили позорным именем трусов. Сейчас все эти испытания превратились лишь в отголоски тех жестоких времен, но все же они не дают нам забыть, кто мы есть. Мы — потомки своих отцов до тех пор, пока знаем и помним свою историю.

Снова пафосная речь. М-да, не так-то легко избавиться от культурных пережитков. Ясно одно: если я откажусь участвовать в этой дичи, меня предадут остракизму.

Да когда же закончится эта проклятая чесотка?!!!

Осталось еще два испытания. И одно из них сегодня.

Сейчас почти полдень. Мы — я, Анвар, Роб и еще несколько мужиков — стоим у кромки леса.

— Почему мы здесь? — удивленно спросил я, наверное, в пятый раз.

Мне никак не хотели говорить, что меня ждет на грядущем испытании.

— Этот этап посвящения крайне опасен, Дан, — нахмурил Анвар лоб. — Тебе придется проявить недюжинную силу и отвагу.

— Да что делать-то надо?! — уже всерьез занервничал я.

— Сразиться с лесным зверем.

— Серьезно? С каким?

— Его зовут алоуш. Он силен и свиреп, как медведь, но не так быстр и проворен, как

волк. Тебе придется станцевать с этим хищником пляску смерти — и одержать верх.

— Что еще за алоуш? — вскричал я в паническом нетерпении.

— Неужто не слыхал ни разу? — пришел черед старейшины удивляться. — Ну вы даете, горожане... Совсем жизнь и мир вокруг не знаете. Увидишь сам. Дан, сынок, — старик положил руку на мое плечо, — я всем сердцем за тебя. Выживи в этой схватке, одолей хищную тварь — ты человек, ты умнее ее.

— Вот уж спасибо, как-то не утешает меня это сейчас... Чем я биться-то буду?

— Вот этим. — Роб протянул мне копье — не длинное и не короткое, крепкое с виду, с деревянным древком и металлическим наконечником.

Я взял оружие в руку. Это что у меня, рука трясется уже, что ли? Вот позор — еще ведь даже в лес не ступили.

Мы (кроме старейшины) отправились в смертельный поход. Ага, для меня. Остальные мужики тоже были с копьями, но драться-то буду только я. А они просто станут свидетелями моего триумфа... или издыхания, и при последнем варианте будут тащить мой труп в общину, чтобы без почестей, с позором похоронить там, как изнеженную принцессу, которая не сумела всего-то лишь проткнуть брюхо какого-то там неведомого алоуша.

Мы шли не менее трех часов, а то и больше. Чем дальше продвигались вглубь леса — тем интенсивнее тряслись мои поджилки. Роб сказал, что зверье близ деревни не суется, потому надо вглубь идти как можно дальше.

И вот было выбрано место для остановки и грядущей... пляски смерти.

— Почему здесь? Откуда знаете, что этот ваш... алоуш именно тут появится?

— А мы сейчас позовем его. — Роб вытащил из заплечного мешка большую флягу. Открыл, зачем-то принялся. — Давай-ка снимай рубаху, а то испачкается.

— Чем опять мазать собираетесь? — заспорил я тут же. — Мне прошлой чесотки хватило.

— Не бойсь, не будет никакой чесотки. Снимай давай одежду.

Я с тяжким вздохом повиновался. Роб стал поливать меня...

— Это что, кровь? — чуть ли не заорал я.

— Да не ори ты. Коровья она. Так надо.

— Зачем меня обливать коровьей кровью? — Ну спасибо, что не человеческая, но мерзость происходящего это не отменяет!

— Чтоб зверя, разумеется, приманить. Алоуш знаешь с каким чутьем острым? Мы точное расстояние не проверяли, знамо дело, но знающий люд говорит, что за несколько миль кровь чует эта тварюга.

Когда парень закончил делать из меня приманку, все мужики забрались на деревья (спасибо, чуваки, за моральную поддержку!), а я остался стоять весь в крови и ждать, когда же по мою душу явится голодный хищник.

Ждать пришлось в районе получаса по ощущениям. Я все тревожно озирался по сторонам, держа наготове копье, но вскоре рука устала, и я опустил оружие. Сердце колотало в груди, словно силась вырваться на волю и улепетнуть подальше от месилова, которое тут скоро начнется. Ох, что я несу? Кажется, рассудок уже мутным стал от панического страха, стиснувшего все мое существо.

Признаюсь честно, меня не покидала надежда, что страшный зверь попросту не явится на потенциальный ужин. Мало ли, вдруг он перекусил уже зверушками какими, зачем ему еще я? Но мои оправдания с треском разлетелись на тысячи осколков.

Я увидел алоуша, когда тот, создавая изрядный шум, выступил из-за деревьев в десятке метров от меня. У меня волосы встали дыбом везде, где они только растут, и ледяной пот заструился по спине от страха. Хищник был страшным: большой, как медведь, с густым черным мехом, с длинными когтями, со свирепой мордой. Такой не обитает в моей реальности. Даже не знаю, на кого он смахивает больше — туловищем немного на медведя, мордой на пантеру, пожалуй.

Я крепче сжал копьё и поднял его. Тихе, Дан, перестань трястись. Как бы страх не разорвал сердце раньше, чем это сделает зверь.

А он тем временем оглушительно зарычал и двинулся ко мне. Я попятился назад. Алоуш в несколько прыжков преодолел расстояние до моей трясущейся тушки, я сделал еще шаг назад, хищнику надоело, что жертва убегает, и он сделал очередной рывок в мою сторону. Я чудом увернулся. Зверь неуклюже развернулся в мою сторону. Когти царапнули воздух. Я отбежал еще дальше.

— Давай, Дан, сражайся, иначе провалишь испытание! — крикнули с дерева.

Алоуш заревел в первобытной ярости и взмахнул лапой: когти прошили по моему плечу, ободрав одежду и кожу. Я не увидел кровь, так как и так был перемазан ею, но ощутил, как заструилось тепло по раненому месту. Ах ты, тварь, алоуш! Я сделал выпад вперед, держа копьё острием, направленным в глаз зверя, но, само собой, не попал. Зато раззадорил и разозлил животное. Когти пролетели буквально в паре сантиметров от моего лица. Я отскочил, споткнулся, упал, зверь тут же набросился на мою тушку. Я перекатился влево, но алоуш успел царапнуть мое бедро. Ах ты ж, гаденыш такой, больно как! Ну нет, твоим ужином я становиться отказываюсь, тварь!

Я вскочил и шагнул к врагу. Копьём — в бок. Промазал. Еще одна попытка уколоть — опять мимо!

Взъярившийся еще больше алоуш махнул лапой, я не успел отскочить или увернуться и упал. Зверь тут же навис надо мной с диким рыком. Пасть его сомкнулась на моем раненом плече. Я заорал от боли и вонзил копьё, которое сумел удержать в руке, куда-то в бок хищника. Ах, жесткая шкура под шерстью, чтоб ее! Но зато враг совсем рассвирепел от моей наглости. Оторвав пасть от меня с куском моей плоти, алоуш заревел во всю мощь.

Вот сейчас мне придет конец, успел я подумать до того, как пасть снова начала опускаться — на этот раз к моей шее.

Сейчас порвет! Сейчас подохну!

Мысли пронеслись в воспаленном от страха сознании буквально за мгновение.

Времени думать, пытаться не было. Только один шанс. Пляска смерти подходила к концу.

Вытащить копьё у меня не хватило сил, так что я вытащил свой нож (вернее, нож Оскала) из кармана. Алоуш не успел вгрызться мне в шею, я подставил руку, закрывая глотку, и зубы хищника сомкнулись на моем предплечье.

— Ааааааа! — прокатилось вокруг.

Это был вопль самой жизни, которая не хотела поддаваться смерти.

Свободной рукой я вогнал клинок в глаз врага. Он с ревом страдания отпустил мою руку и неуклюже заметался по поляне, а я так же неуклюже поднялся.

— Дан! — крикнул один из мужиков с дерева, и через пару секунд к моим ногам упало копьё.

С молчаливой благодарностью я подхватил его и, выждав момент, когда алоуш окажется

рядом, вогнал оружие ему в голову. Хищник взревел еще сильнее, но, пошатнувшись, упал, однако перед тем успел полоснуть по моей груди своим смертельным оружием — когтями.

Я с благодарностью потерял сознание.

Я вынырнул из милосердного омута забвения и с трудом разлепил веки. По глазам резануло слепящим светом из окна. Я успел понять, что нахожусь в доме Анвара.

— Ты очнулся! — радостно воскликнула... Ли?

Я лишь промычал что-то невнятное в ответ. Язык не слушался и распух от жажды. Тело было куском боли. Голова стала весить целые тонны. Лучше бы я не просыпался.

— Дан, вышей. — Мою голову осторожно приподняли и губ коснулась прохлада воды.

Я заставил себя сделать пару глотков. Живительная влага. Уже гораздо лучше.

— Дан, милый, как ты? Впрочем, нет, не отвечай. Тебе пока тяжело, наверное, отдыхай, спи. Скоро ты поправишься. А я рядом, не волнуйся, — не переставая, защебетала девушка.

С чего бы мне волноваться? Вот с убийцей-зверем насмерть биться — это да, заставляет нервничать, а тут... Кстати, я, значит, вышел победителем из пляски смерти? Неожиданно. Но радоваться что-то у меня нет ни сил, ни желания.

С каждой секундой пребывания моего сознания в режиме онлайн мне становилось все более тяжело. Боль — она везде!

— Дан, а хочешь, я тебе почитаю? Впрочем, нет, не говори. Ох, какая же я болтунья. Это я просто очень рада, что ты пришел в себя. Мы так переживали...

Да заткните уже ее кто-нибудь! И выключите уже эту боль!

Когда муки мои достигли пика, я опять провалился в спасительную тьму забытья.

Я плохо помню себя. Плохо сознаю себя. Кажется, я пробуждался и заново проваливался в забытье еще несколько раз. Перед глазами были полосы света. В ушах гудело что-то неуловимое. Кожи касались чьи-то заботливые руки. Или нет? Может, мне все только снится? А может, зверь (как же его звать-то? никак не вспомню, вот, пожалуйста, голова повреждена) отправил меня в мир иной — не туда, куда попаданцы... попадают, а туда, куда после смерти попадают? А что, если он навсегда оставил меня инвалидом? О, лучше смерть! Вдруг я проснусь и окажется, что я не могу ходить? Как же я тогда пойду искать сына Маха?

Я открыл глаза — их ослепило светом из окна. Зажмурил, подождал, открыл снова.

— Ты очнулся! — чуть ли не мне в ухо заорал Агнар.

— И на радостях ты решил оглушить меня? — спросил я, морщась, но радуясь тому, что вижу этого ставшего родным мальчугана.

— Ты как, Дан?

— Да жив вроде. Лучше ты скажи — насколько я плох?

— Рада сказала, что жить будешь. Она тебя все лечила и лечила, все мазала чем-то, в рот тебе что-то вливала, перебинтовывала пятьдесят раз. Так что не бойся — с такой заботой вскоре на ноги встанешь.

— Главное, остаться потом на них, — пошутил я, приподнимая голову и осматривая себя.

И вправду — перебинтован в области груди, предплечья и бедра. Спасибо доброй женщине.

— Как же они на это испытание отправляют пятнадцатилетних мальцов? Это же смерть верная!

— И мне придется через год, — уныло сказал Агнар.

— Ну уж нет! — отрезал я. — Не пущу!

— Но как же...

— Нет, я сказал! Я не позволю этим мракобесам угробить тебя.

— А кто такие мракобесы?

— Не важно. Ты не знаешь случаем, что за последнее испытание там готовится мне?

— Я слышал, как Роб что-то говорил про заглатьвание чудищем, и про хижину в лесу...

Я сделал глубокий вдох. Так, спокойно. Выдох — вот так вот.

— Сколько я пролежал так? — сменил я тему, решив раньше времени не ударяться в панику.

— Да уж четвертые сутки идут.

— И все это время был без сознания?

— Да. Ты бредил пару раз.

— А что... с, хммм... туалетом?

— Да, было дело, что ты... — мальчишка смутился.

— Я понял.

— Ли ухаживала за тобой и меняла твоё бельё.

— Что? — испуганно воскликнул я. — Ли меняла мое... бельё? И выносила мои... Все, я хочу сдохнуть, верните меня к алоушу.

— Да ладно тебе, Дан. И вовсе Ли не такая неженка, как ты думаешь. Она очень ждала твоего пробуждения.

— Да иди ты, — махнул я рукой.

— Очень ждала, — повторил Агнар и заговорщицки подмигнул мне.

«Мне никогда не забыть этого позора», — подумал я сокрушенно.

Глава 10. Да пожрет Дана чудовище лесное!

— Что значит на последнем этапе посвящения человека должно поглотить чудовище? — возмутился я.

Мы впервые серьезно беседовали со старейшиной после моего пробуждения. А пробудился я уже неделю как. Алоуш, проклятая тварюга такая, сильно ранил, поэтому на поправку я шел медленно. Все эти дни Анвар лишь отмахивался от меня — мол, в себя приходи, а уж потом потолкуем.

Сейчас я мог самостоятельно ходить в туалет (наконец-то конец позору!), сидеть, откинувшись назад и не морщиться при этом от боли, нормально питаться, а то до этого мутило. А самое главное — мне больше не хотелось сдохнуть из-за боли. И вообще, странное дело: я вот жил в относительной безопасности и комфорте в своем мире, в уютной Москве, где в паре шагов от дома супермаркет, тебя не кличут рабом и червем, не пытается убить обезумевший от голода мишка с примесью пантеры... но я изнывал от тоски! Я просто с жиру бесился! У меня была непрекращающаяся депрессия — и не та, которая просто меланхолия и грусть, а депром все это лишь для понтов и по глупости называют. Нет, у меня была самая натуральная депрессия! Мне было тошно от жизни, я не видел в ней смысла, не мог отыскать своего пути и места в мире (скорее, попросту забил и не искал). Меня тошнило от собственного бытия.

А тут — полный букет «радостей» жизни. На, раб, кирку, и иди долби камень. Сри, раб, при всех в реку. Ползи, червь, под землей и надейся, что авось выберешься к солнцу. Вали, Дан, в лес, чтоб почти с нулевой вероятностью победы биться с тварью, тушка которой раз в десять больше твоей.

И что же? Я обрел цель! Я встал на путь, по которому мне хочется идти! Я начал сознавать себя. Я — Дан, которого заставили почувствовать себя червем. Я — беглый раб. Я — нищоброд, который не может себе книжку купить, без которой ему жизнь не мила. Но я готов и хочу рвать жопу для того, чтобы подняться из этого дна!

Кажется, я осознал все это вот в этот момент — когда болтал с Анваром. Вспышка понимания озарила мою дурную башку. И я весь просиял изнутри. После того, как алоуш чуть не отправил меня в могилу, мне еще яростнее захотелось жить. После того, как я выжил, я еще четче осознал, что моя жизнь — не игрушка.

— Есть легенда про героя, которого...

— ...сожрало чудовище? И для вас это — образец для подражания? — в очередной раз возмутился я.

— Дан, будь добр, дай договорить, — сурово отчитал меня старик. — Да, героя проглотило чудовище, но он выбрался наружу, прорезав себе путь, распоров брюхо монстра!

— Но я так не смогу! — чуть ли не заорал я. — Знаешь что, Анвар... ты меня прости. Ты отличный мужик. Очень вы с Радой полюбились нам. Но это уж чересчур. Я едва выжил при битве с алоушем! Приключения, конечно, это круто... но не тогда, когда на кону жизнь! Подохнуть из-за какой-то легенды как минимум нелепо!

— Что ж, ты можешь, разумеется, отказаться... но знай, что таких чудовищ, как в легенде, у нас уже не водится... и последнее испытание — больше подражание, чем реальное действие.

— Это еще что значит? Мне вообразить, что меня кто-то сожрал?

— Приблизительно так, — закивал Анвар. — В глубине леса есть хижина...

Ну началось...

— ...в которой издревле наши праотцы проводили важные ритуалы. Тебе надобно будет, если пожелаешь закончить посвящение, конечно, провести в ней в одиночестве ночь.

— И все? — с недоверием спросил я. Уж слишком как-то все просто.

— Да. Конечно, я не утверждаю, что там будет безопасно. Ведь лес кругом. Тот же алоуш может поблизости бродить, да и волки... Но ты будешь внутри хижины, дверь запирается на засов. Легенда гласит, что после того, как воин прорезал брюхо чудовища и вылез наружу, он получил дар магии. Есть множество историй о том, что в той хижине, которая означает нутро страшного, несущего смерть чудовища, многие люди обретали свой дар, вернее, дожидались его пробуждения. Быть может, и ты станешь одним из таких счастливцев. Ты еще достаточно молод, чтобы предполагать, что твой дар попросту не пробудился.

— Прекрати, — отмахнулся я. — Все это чушь. Нет у меня никакого дара. Насчет хижины... просто отсидеться там ночь и..?

— На рассвете вернешься. Разумеется, при себе ты будешь иметь оружие и факел на случай, если понадобится отпугивать хищников.

— Спасибо, Анвар, это меняет дело.

— Так ты согласен?

— Просидеть ночь в домике? Еще бы! — улыбнулся я. — Ведь я тогда стану одним из вас, верно?

— Верно. Мы с Радой будем счастливы, если вы с Агнармом останетесь в деревне. Ты ведь помнишь, деток у нас нет... а Рада всю жизнь страдала из-за этого. По душе вы ей пришлись, да и мне тоже отрадой стали. Ты уж прости стариков, коли что не так...

— Перестань, Анвар. — Я положил руку ему на плечо. — Вы стали для нас с Агнармом настоящей семьей.

В глазах старика засветилось тепло. Он похлопал меня по плечу и вышел во двор.

Злился ли я на старейшину за то, что отправил меня на верную смерть? Ведь то, что я выжил — иначе как чудом не объяснишь. Это ладно деревенские — они все с пеленок пахнут не покладая рук, они крепкие, сильные и выносливые, к тому же, знают, к чему готовиться на посвящении. А я — горожанин, который не то что с огромным зверем в лесу не бился, даже просто в уличных подростковых драках у себя в мире не участвовал.

Так что да — я, конечно, злился на Анвара. Но в то же время не перестал его любить и уважать. Да, пожалуй, я могу без преувеличения сказать, что полюбил этих стариков — они стали нам с Агнармом родными. Стали нашей семьей.

А еще я был образованным московским недо-интеллектуалом, который прекрасно знал и понимал, что в подобного вида обществах — другие законы, другие принципы мышления, другая жизнь, другие ценности и другие приоритеты. Можно глядеть с высоты своей образованной цивилизации двадцать первого века — и осуждать, воротить нос и тыкать пальцем, насмехаясь, что за дичь творят эти варвары. А можно попробовать поставить себя на их место, попробовать думать и чувствовать, как они — и... пожалеть их за то, что их умы до сих пор находятся в тисках губящего человека мышления.

Философ, блин, хренов!

Какой из всего этого вывод? Я пройду до конца эту сраную инициацию — пусть мне это не нравится, пусть я считаю это лютым трэшем, но я должен и хочу стать частью этой

приютившей нас деревни!

— Я принесла тебе книгу! — в дом ворвалась запыхавшаяся Ли.

Да, она навещала меня. Все время. Если быть точнее — дважды в день, утром перед началом трудового дня и вечером, когда работа заканчивалась и можно было расслабиться. И да — мне это нравилось, я был искренне рад каждый раз видеть ее милое, слегка смущенное личико и светящиеся от радости глаза. А улыбка... Короче, я завидую самому себе.

Что могло сказать о моем серьезном восприятии девушки и приличных намерениях по отношению к ней — так это... отсутствие неприличных планов на нее. Как обыкновенно раньше бывало в моей убогой жизни? Заприметил телку, подумал — о, классная, надо подкатить, в койку, и «прощай» утром. Ну ладно, такое бывало не так уж часто. Все-таки я стремался одноразовых связей из-за страха заразиться чем-то и из-за банального омерзения. И по отношению к доступной бабе, и по отношению к себе, скатившемуся до такого.

А Ли... она была просто прелесть. Ожившая мечта любого мужика. И с каждым днем мое сердце все сильнее к ней привязывалось, хотя чувство все еще не перешло в стадию влюбленности.

— Спасибо! — Я, не глядя, убрал потрепанную книгу в сторону.

Когда рядом такая красота, даже о любимых увлечениях забываешь. Глаза наслаждались, любуясь ее лицом. Мужики поймут, в общем.

— Я рада, что ты идешь на поправку. — Она наклонилась ближе и... (да неужто она собирается...?) ...поправила подушку за моей спиной. — И рада, что ты появился в нашей деревне.

— А я-то как рад. Особенно тому, что встретил тебя.

— Да? Почему? — с хитринкой улыбнулась Ли.

— Потому что люблю красоту. И я, кажется, обрел ее.

— Правда? — Смущенное личико опустилось к полу.

— А то ты не знаешь.

— Знаю. Многие деревенские парни говорили подобное...

Ну вот, всю жизнь ненавидел пошлые комплименты — и уже докатился до них. Теряешь сноровку, Дан.

— А ты что?

— А я чего-то другого ждала. — Тяжкий, мучительно-романтичный вздох.

— Ну, я вполне себе другой. — Надеюсь, не слишком нахально прозвучало... — И ты другая — не похожа на других местных девушек. И читать любишь — уму непостижимо! Будем тут с тобой две белые вороны.

— Мне нравится эта мысль, — улыбнулась Ли, наконец, поднимая ласковый взгляд от пола на меня.

Монарх королевства Альбит занимался любовью со своей единственно любимой женой — Альгадрой.

Она была бывшей шлюхой в процветающем борделе. Ей нравилась ее работа, ведь за нее много платили. Бордель был для знати, абы кого туда не пускали. Альгадра была наделена

холодной, недоступной для большинства смертных красотой. Лишь ее прекрасные глаза пылали огнем, готовым пожрать весь мир вокруг, сердце же девушки оставалось не теплее льда.

Однажды брат короля Ингвальда решил сделать правителю своеобразный подарок на день рождения — он подарил ему ночь с Альгадрой. Король был в бешенстве. Он отверг Альгадру. Вернее, он провел с ней ночь — но не в постели, а за столом в беседе. На рассвете Ингвальд просил Альгадру стать его женой. Та не посмела отказать королю — и не захотела. Королева Альгадра — это звучало красиво. Куда лучше, чем шлюха Альгадра.

Счастливые месяцы сливались один в другой, но новоиспеченной королеве было тоскливо. Ингвальд был слишком скучен и незатейлив — и в делах политических (он был слишком милосерден для правителя), и в делах семейных и брачных (Альгадра любопытства ради попыталась однажды устроить ему грандиозный скандал, но супруг лишь спросил «Чего ты хочешь? Скажи, и ты получишь это»), и в делах постельных. Уж Альгадра, проработавшая в поте лица с шестнадцати лет в области интересной профессии, знала толк в таких делах.

И вот сейчас женщина в очередной раз терпела ласки своего короля и мужа.

— Давай я сверху! — властно потребовала она и ловко сменила позу.

Ингвальд с блаженством закрыл глаза, в то время как жена отрабатывала на нем трюки, которым обучалась много лет. Король был счастлив, он улыбался.

— На этот раз ты совершенно по-особенному кончишь, мой милый супруг... — с придыханием проговорила Альгадра.

— Давай, сокровище мое, я весь твой... — застонал король.

Альгадра извлекла из-под матраса кинжал и с блаженной улыбкой на красивых чувственных губах погрузила его в шею короля-мужа.

— Возвращайся скорее, Дан, — с улыбкой сказала Ли.

Всей деревней меня провожали на последнее испытание. Я, наконец, полностью поправился и мог свободно управлять своим телом и даже быстро бегать, если понадобится удирать от лесного зверя.

— Возвращайся ко мне, — шепнула на ухо девушка и легонько коснулась губами моей щеки.

Меня тут же прошиб легкий озноб — неужто я и впрямь влюбляюсь в эту девчонку?

Указать мне дорогу поручили Робу: мы с парнем неплохо ладили, даже сдружились, можно сказать, а еще его сестрица почти была моей невестой. Я рад был его компании. Ни с кем другим в деревне, не считая семьи старейшины и Ли, конечно, я так близко еще не сошелся.

— Слушай, Дан, — дернул меня за рукав рубахи Агнар.

— А?

— Ты удирай, если что, ладно? Не вздумай там героически гибнуть. Ради меня хотя бы. Ты ж мне это... как брат. Никого больше и нет у меня.

Я крепко сжал плечо пацана.

— Обещаю. Я вернусь... брат.

Он серьезно кивнул. Взрослый совсем. Но все равно еще ребенок.

Попрощавшись со всеми до завтрашнего дня, я отправился в путь вслед за Робом. Долго

ши, как и в прошлый раз к алоушу. На этот раз дорога пролегла в другом направлении.

— Что, Дан, когда свадьба-то? — хохотнув, спросил Роб.

— Ты о чем?

— Да будто ты не знаешь.

— Хитрецы вы такие, — с улыбкой отозвался я. — Я, небось, еще и предложение твоей сестре не сделал, а вы всей общиной уже поженили нас.

— А то как же! Чего ждать-то? Все видят — вы с ней глаз не сводите друг с друга, коли рядом стоите. Ли у нас девка хорошая, хозяйственная, красавица писаная, ты долго не раздумывай, бери, пока она сама хочет, — вновь хохотнул парень. — А уж она хочет, ты поверь мне, ух как хочет!

— Да ну тебя...

Болтая о том, о сем, мы, наконец, достигли цели. Издали хижину было не разглядеть — деревья-великаны густой листвой загоразивали дом от остального мира. Я уж не знаю, может, я чокнулся, а может, воображение разыгралось в атмосфере таинственности, но мне почудилось, будто вокруг хижины даже воздух другой. Густой такой, тяжело вдохнуть. А уж мрачно как — жуть! Верхушки деревьев почти не пропускали света солнца в эту скорбную обитель.

Хижина была олицетворением зловещей тревоги. Темная, неудобная. Готичная, я бы сказал. Ее деревянные бока слегка покосились, но стояла пока хижина крепко. Дверь (я проверил) действительно надежно закрывалась изнутри. Переживу, значит, ночь. На душе сразу полегчало.

— Спасибо тебе, Роб! — пожал я руку своему проводнику. — Помогаете, поддерживаешь — не забуду, брат!

— Да брось ты, поди почти породнились уже... — Он, порывшись в своем мешке, вытащил флягу. — На, глотни.

— Это что?

— Да не бойсь ты — успокоительное это. На травах. Ты ж знаешь, я спец по ним. Я употребляю иногда, когда коленки трясутся от волнения. Когда я впервые на охоту собрался, чуть штаны не обоссал от страха; мамка этот отвар дала перед походом в лес — и знаешь, помогло! Так что пей давай — повеселее на душе станет.

— Да мне и так нормально, но спасибо, брат.

— Да пей говорю! Я ж тебе добра желаю. Это сейчас тебе нормально, а ночью? Ты не забыл, что ночью зверье на охоту выйдет? Будет шастать вокруг хижины стая волков — ты под землю провалиться захочешь от страха. Уж я-то знаю, видывал не раз этих тварей.

— Ну ладно. Давай сюда этот чудо-напиток. — Взяв флягу, я залпом осушил ее.

По горлу тут же начало разливаться приятное тепло. Ах, хорошо как стало! Прав Роб оказался — хороший напиток.

— Я посижу с тобой чутка, до ночи ведь далеко еще.

Мы с Робом уселись под раскидистым деревом и возобновили беседу. Пролетело минут пятнадцать-двадцать, и я ощутил странные перемены в теле.

— Что это ты заерзал?

— Да что-то как-то не по себе стало...

— Воот, говорю же, коленки вскоре затрясутся от страха.

— Да нет, тут другое, я будто... немею. Тело немеет. Надо размяться.

Поднявшись, я шагнул вперед, чтобы пройти, но следующий шаг сделать не смог —

упал. Попытался встать: конечности не слушались, меня шатало, будто размывало по земле.

— Роб, я, кажется, заболел, помоги мне, надо вернуться в деревню...

— Нет, Дан, ты вовсе не болен. — Роб подошел и присел рядом со мной на корточки. —

Ты попросту... как ты сказал? Немеешь — вот.

— Что? О чем ты? — Я попытался протянуть ему руку, но та не повиновалась, а Роб не спешил помочь мне.

— Ты ведь не мог догадаться, Дан, что книга о травах не напрасно лежит у меня дома, верно? Ты не мог догадаться, что я не просто мамке травки от простуды таскал в детстве, а вдоль и поперек изучил и выучил эту книгу, запомнил в ней почти каждое растение. И, разумеется, ты не мог догадаться, Дан, что мне знакома трава, ядовитый сок которой парализует человека. И знаешь, что самое приятное? Эта чудесная травка растет в этом лесу! — Роб премерзко расхохотался.

— Ну ты и ублюдок, — выплюнул я в него слова. — Ли не простит тебя за это.

— Ли? — вновь расхохотался он. — О, само собой, ты не мог догадаться, Дан, что моя сестрица знает все об этом плане, более того — она помогала мне придумывать его! Ты же не мог догадаться, Дан, что мы с сестрой — лучшие друзья с детства, верно? И что мы все делали вместе и всегда были заодно.

— Не верю тебе. Она же собралась за меня... замуж... — Мне стало тяжело говорить.

Знаете, будто горло и рот замораживает, как после обезболивающего в кабинете у стоматолога.

— Да брось ты, Дан. Не будь таким наивным. Нам надо было втереться к тебе в доверие. И скажи — ведь удалось ведь, а? Ты там в своих жалких фантазиях уже десятерых детей моей сестре наделал, наверное, а? — В сотый раз расхохотался гад.

— Анвар все... узнает... тебе это... с рук не... не сойдет...

— Неужто ты думаешь, что я настолько глуп, что оставлю следы? погоди, ты еще не весь мой великолепный план увидел. Так узри же его!

Роб поднялся, вытащил из мешка другую флягу, открыл и принялся кропить меня из нее каплями... нет, чтоб его, только не это!

— Не делай этого, Роб... не делай! — попытался заорать я, но с губ сорвался лишь слабый шепот.

Паралич постепенно добрался до каждой частички моего тела и почти целиком — до лица.

— Спокойно, Дан, спокойно, — сказал Роб, продолжая поливать меня алыми каплями. — Ты не умрешь от паралича — в этом вся проблема. Действие травы как раз приблизительно к рассвету пройдет, но к тому времени от тебя одни кости останутся.

Ублюдок закончил меня поливать и убрал флягу в мешок.

— Ну, мне пора, Дан. И еще хотел тебе сказать: каждый раз, когда ты называл меня братом или другом — я жаждал вцепиться тебе в горло. — Глаза парня горели ненавистью.

— Неужели все... из-за... моей соседки...? — с огромным усилием выговорил я.

— Что ты, — отмахнулся он, на секунду ненависть в глазах сменилась насмешкой. — Мне нет дела до этой шалавы. Но я не люблю, когда меня унижают, Дан, а ты меня унизил. Так получи же по заслугам. А мне пора. Смотри, не уходи отсюда никуда, — он шутливо погрозил пальцем и рассмеялся собственной шутке, — а то зверь останется без ужина.

Роб бросил на меня последний насмешливо-уничтожающий взгляд и отправился домой — в тепло, в уют, в безопасность. Лгать, что все хорошо, что Дан сидит в безопасной

Глава 11. Пляски со смертью возобновляются

Ох, как же мне было хреново! Проклятье, мне еще, кажется, никогда в жизни не бывало столь хреново!

Нет, не от боли — боли попросту не было. Вообще ничего не было — и в этом была громадная, просто колоссальная проблема! Катастрофа! Я не чувствовал ни тела, ни лица — совсем.

Когда увидел, что по руке ползет паук, я пришел в бешенство. Нет, маленьких паучков я, конечно, не боялся. Но после встречи в собственной иллюзии, насланной Перстом, с этими тварями, мне они стали еще менее симпатичны, чем раньше. Но злило меня то, что я хотел, но не мог шевельнуть рукой, чтобы сбросить гада! Вот ведь засада какая — потерять власть над собственной тушкой! Я даже когда бухал в хламину, таким овощем себя не чувствовал.

Не знаю, сколько я уже лежал парализованный на земле. Два часа, три, пять — время растягивалось в века. Я ожидал появления алоуша или волков каждую гребанную секунду, что пробыл в таком состоянии! Каждую гребанную секунду я содрогался от панического ужаса, когда слышал какой-нибудь шорох. Хорошо, что я хотя бы других чувств восприятия не потерял — только осязание.

Весь вечер я провел, изнемогая от страха и ужаса. Фоном пронеслись негодующие мысли о Робе и его вероломной сестрице, в которую я почти втрескался. Хорошо еще, что не успел! Какой же я наивный и доверчивый дурак! Как можно было повестись на их игру?

Мне никогда не понять, как такие, как они, потом живут с подобным. Хорошо, наверное, живут. Я бы вряд ли смог. Впрочем... живу же я с осознанием того, что мог предотвратить взрыв в пещерах, мог спасти Маха и Магрит... но не сделал этого. Не успел, не смог... но это мало меня утешает.

Лес накрыла глубокая, темная ночь. Это добавило еще больше жути к зловещей атмосфере, царившей вокруг.

Тьма принесла с собой врага. Я увидел его, потому что зверь шел со стороны, на которую я вынужденно все время глядел. Желтые глаза блестели, становясь все ближе к моей беспомощной тушке. Волк остановился в нескольких шагах от меня и утробно зарычал.

Волосы на мне встали дыбом, наверное, от происходящего, только я этого не ощутил. Паника металлом сдавила сердце. Было страшно умирать такой чудовищной смертью.

Внезапно сбоку раздалось другое рычание — мощнее и громче. Я не мог повернуть головы, чтобы взглянуть, кого еще ночь принесла ко мне. А вот волк рывком развернулся к гостю и повторил рык, хищно скаля страшные зубы.

Звери стали кружить, соревнуясь в громкости и мощи рыка. Когда противник волчары оказался в поле моего зрения, я похолодел. Металл паники сдавил сердце так, что стало трудно дышать. Напротив волка стоял огромный алоуш. Он был больше в размерах, чем тот, с которым мне пришлось биться. Волк рядом с ним казался мелкой собачонкой — мелкой, но храброй.

Звери набросились друг на друга. И я впервые в жизни наблюдал схватку двух ужасных, чудовищных созданий — схватку не на жизнь, а на смерть.

Волк вонзал зубы в своего врага, но тот был больше и сильнее в разы — и вскоре волк с разорванной глоткой валялся на земле. Лунный свет освещал его издыхающую тушу — и зрелище это было полно жути и первобытного ужаса.

Видимо, я для алоуша представлял куда больший гастрономический интерес, чем убитый зверь, потому что помесь мишки и пантеры повернулся ко мне, демонстрируя свой великолепно-ужасный оскал.

Проводник говорил, что смерть в этом мире станет окончательной и бесповоротной. Как печально, а я ведь только начал влюбляться в собственную жизнь, захотел прожить ее по-настоящему. Но если гибели не миновать — значит, таков конец моего земного пути. Что ж, да будет так.

Лишь бы с Агнармом все было в порядке, лишь бы Робу не взбрело в голову сотворить ему зло.

Алоуш медленно двинулся ко мне. Предвкушает пир, мразь шерстяная. Ну, давай, топай скорее, разорви меня на части — и покончим с этим спектаклем под названием жизнь.

Зверь приблизился почти вплотную. Я заставлял себя храбриться, чтобы уйти достойно, но душа предательски завопила от страха. Умирать страшно — действительно страшно, если ты не оставляешь позади себя то, что достойно этого мира.

Алоуш остановился рядом со мной, и разинутая пасть его двинулась навстречу моему горлу. Нет, она, конечно, не так медленно двинулась, как я это расписываю, все происходило стремительно, рывками, но моя память услужливо замедлила все действие, будто я желал смаковать детали собственной кончины.

Пасть зверя была, наверное, в сантиметре от моего горла, когда я, не имея смелости глядеть в лицо победившей меня смерти, закрыл глаза.

Ничего не происходит? Или я просто из-за паралича не чувствую, как мою плоть рвут на куски? Что за звуки? Где-то в нескольких метрах от меня раздался приглушенный яростный рык.

Я удивленно распахнул веки. Что за...?

Я был внутри хижины. Первым делом проверил взглядом дверь — заперта на засов. Стены темные, покрытые плесенью. Освещение создает множество свеч на обшарпанном столе. Кто их зажег?

Я лежал на деревянном грязном полу.

— Здравствуй, крошка!

— Ты! — обрадованно вскричал я. — Ох, Пальчик, никогда бы не подумал, что буду до смерти рад тебе — причем фраза эта не просто метафора.

— Будешь меня так называть — верну обратно к зверю! — возмущенно сказал знакомый голос невидимой обладательницы.

— Все, все, перестал обзывать. Прости, Перст Указующий, я же с лаской и любовью.

— Ты словами о любви-то не разбрасывайся. И кстати... — она замешкалась на секунду, — зови меня Руна.

— Это твое имя?

— Да.

— Рад наконец узнать его, Руна, — искренне сказал я. — Ты как здесь очутилась?

— Потом поболтаем. Меня там дожидается с пару десятков человек в мире, в души которых необходимо разлить дары магии. Ночка предстоит, полная трудов, так что давай ты пока полежи тут, а я вернусь утром.

— Эй, что значит полежи? Может, убережешь этот паралич?

Но Руна не ответила. Упорхнула уже? Вот засада! До рассвета валяться бревном — зашибись просто.

За стенами хижины послышался знакомый рык, от которого в дрожь бросало душу. Надеюсь, эти стены и дверь надежны и защитят меня.

Ночь прошла благополучно — я выжил. Рычания и прочих шумов за пределами хижины более не слышалось. Надеюсь, мишка-пантера убрался прочь.

Лучики света пробивались внутрь хижины сквозь щели и высокое крохотное оконце почти под самым потолком.

Я все еще был в параличе, но мне казалось, что кончики пальцев на ногах стали обретать чувствительность.

Я стал вслух отсчитывать минуты. Одна... две... пять...

О, пальцы на ногах действительно обрели чувствительность! Пошло дело!

Еще минут через десять я почувствовал, что могу двигать пальцами рук. Секунды и минуты текли и текли — и тело мое постепенно возвращалось к жизни. По моим подсчетам прошло около пары часов, когда паралич прошел целиком.

Вместе с двигательной способностью тела ко мне вернулись и малоприятные ощущения — затекший бок ныл, желудок сводило от голода, ужасно хотелось в туалет.

Кряхтя, я стал подниматься, но удалось мне это простое действие не сразу. Минут пять я боролся с собственными конечностями, которые по инерции не желали повиноваться. Наконец я сумел подняться. Пошатывало немного.

Ах, как отлить хочется, невтерпеж просто!

Разумеется, отхожее место здесь оборудовать никому в голову не пришло. Выйти за дверь? Ага — и рискнуть напороться на взъяренного алоуша. Мне неизвестно, безопасно ли там сейчас. И копые осталось снаружи валяться. Но дожидаться появления Руны, чтобы сходить в туалет? Это уж перебор. Давай, трусливая душа, топай на улицу. А если кто захочет сожрать — мигом обратно заскочу.

Я отпер дверь и с колотящимся сердцем приоткрыл ее. Вроде чисто. Вышел, быстро осмотрелся — не видать никого. Отлил прямо возле двери, и уже хотел было ринуться обратно внутрь, но взгляд зацепился за копые и заплечный мешок. В пару прыжков преодолел расстояние до своего добра и забрал его в хижину. Отлично, пригодятся.

Я запер дверь, проверил, надежно ли, и уселся за стол дожидаться появления Руны. Вот ведь козявка такая: могла наверняка паралич убрать, а оставила мучиться всю ночь.

На самом деле я, конечно, на девушку не злился, я был ей всем сердцем благодарен. Она в третий раз спасла мою задницу. В третий раз вырвала меня прямо из рук старухи с косой.

— Ты хочешь сказать мне «спасибо»?

Я вздрогнул от неожиданности.

— О, вернулась! Слушай, а ты не могла бы так резко не возникать рядом со мной? А то не по себе как-то.

— И как прикажешь быть? Ты ж меня не видишь.

— И то верно. Спасибо, что спасла меня, Руна!

— В очередной раз. Ты начинаешь мне надоедать, крошка.

— Так сама же явилась, — обиделся я.

— Явилась, конечно, когда почувствовала, что возле хижины кто-то оживает и пробуждения дара ожидает. А это ты оказался, олух такой. И что тебе нейдет?

— При чем тут я? Меня бросили умирать!

— Ты просто магнит для смерти, — вздохнула Руна. — Рассказывай давай.

Я поведал ей свой путь, начиная с того момента, как в последний раз общался с девушкой, и заканчивая гнусностью Роба.

— Ты собирался жениться? — это было первое, что Руна спросила, когда я закончил рассказ.

— И это интересует тебя больше всего? — возмутился я.

— Да меня это вообще не интересует, — презрительно фыркнула она.

— Я так и не понял, как ты очутилась здесь.

— Как-как, что здесь может быть непонятного? Эта хижина — место, в котором с древних времен в людях пробуждалась магия. Дом просто пропитан магией. Пренасыщен ею. Твой старик сказал правду: в этой хижине многие века проводили ритуал, символизирующий заглывание чудовищем. Только вот чудовища никакого я знать не знаю, а вот про пробуждение дара здесь — знаю. Как только в хижине или поблизости от нее появляется человек с душой, пустой от дара, но предназначенной для него, я это чувствую и являюсь на зов.

— М-да... получается, деревенские, сами того не ведая, меня на реальное посвящение отправили?

— Да. Только вот мы с тобой уже проходили через это, крошка. — Руна замолчала. Задумалась, кажется. Спустя минуту возобновила разговор: — Ты снова ставишь меня в тупик, Дан. Твоя душа просит восполнить пустующее место даром, только вот я в растерянности — впервые за долгое время.

— Ты уже помогла мне тогда, сняв рабские метки с моих друзей. Ты мне больше ничего не должна.

— Я и так тебе не должна, — снова фыркнула девица. — Зато Источник должен. Он не может отказать в магии, если душа человека способна вместить ее. Тогда, в пещере, мы с тобой выкрутились — ты выбрал желание вместо магии. Но сейчас...

— Так в чем проблема-то?

— Ты пришел в хижину, ты — участник древнего ритуала, связанного с пробуждением дара. И я пришла на твой зов.

— Я тебя не звал.

— Зов твоей души, дурень. — Наверняка Руна в этот момент закатила глаза. — И я просто не могу отказать тебе. Но и как поступить не знаю.

— Даруй мне какую-нибудь крутую силу, что ли, — улыбнулся я.

— Тебе все шутки шутить.

— Так я серьезно. Сама же сказала — моя душа просит магии. А ты ее раздаешь.

— Мы можем попробовать. Но я не вижу, какой дар у тебя должен быть. Ты для меня как сплошное слепое пятно. — Голос Руны напрягся в тяжком раздумье.

— А могу я сам выбрать?

— Хм... попробуй. Иного пути не вижу.

— А... дай подумать.

Магия, магия... неужто и впрямь чародеем заделаюсь? Вот будет круто! Сколько дел наворотить смогу! И Роба на место поставить! И сына Маха отыскать! И Агнару нормальное будущее обеспечить!

— Эй, ты полегче с фантазиями, такой сильный дар твоя душа не вместит, — остудила мой пыл Руна.

— Прекрати читать мои мысли! — возмутился я. — Это попросту нечестно. Я ведь твои прочитать не могу.

— Еще чего пожелал! Ну ладно, ладно, постараюсь себя сдерживать.

— Ну, а из чего мне выбирать-то? Какие виды магии бывают?

— Так... думаю, средненький дар телекинеза ты потянешь вполне.

— Что значит средненький?

— Предметы на большие расстояния двигать не сможешь. И слишком большие предметы поднимать тоже не сможешь.

— Тогда это скучно. Что я, силой мысли одежду к себе притягивать буду по утрам? Да ну нафиг. Давай дальше.

— Что-нибудь боевое? Но предупреждаю сразу, с помощью магии убивать не сможешь — сил не хватит.

— Я вообще не собираюсь никого убивать! — в очередной раз возмутился я.

— Зря, — философски заметила плутовка, — потому что тебя, скорее всего, захотят убить — и не раз. Вон Роб этот уже положил начало. Ну ладно, может, сны сам себе навевать хочешь?

— И нахрена мне сдалась эта нелепая способность?

— Ну, как знаешь. Дан, ты начинаешь меня раздражать. Думай быстрее.

— Давай на твое усмотрение, — вздохнул я. — Я без понятия, какой там список и что мне из него подойдет.

— Хорошо, я выберу за тебя.

— Эй, только давай без подстав всяких! — повысил я голос.

— О чем ты? — усмехнулась она.

И исчезла, наверное, потому что наступила тишина.

Я стал прохаживаться по хижине, сгорая от нетерпения. Скоро стану магом — умереть не встать! Я, Даниил, который совсем недавно не мог наскрести сотку на сигареты. Офигеть просто!

Чтобы убить время, я стал осматривать хижину. Ничего. Пустая, не считая старой минималистской мебели.

— Не мельтеши перед глазами, — услышал я голос Руны.

— Вернулась. Ну что?

— Не вышло.

— Что значит — не вышло? — заволновался я.

Уже ведь настроился волшебником стать!

— Не смогла я вложить в тебя дар. Не получается.

— Это нормально вообще?

— Нет. Не знаю я, Дан. Я еще не имела дел с иномирцами.

— Вот тебе на... — растерялся я. — Обидно, конечно, но придется смириться с этой вопиющей несправедливостью.

— Твоя душа попросту... не приняла дар. Но в то же время пустующее место не перестает требовать, чтобы его заполнили.

— Это ведь метафора сейчас была, да?

— Конечно.

— Фуф. А то как-то не по себе слышать, что какой-то там отсек в моей душе, не спросив моего согласия, чего-то там требует.

— Хватит дурака валять. — Руна говорила как никогда серьезно. — Есть вариант... —

Она замолчала.

— Говори уже.

— Ты можешь все-таки стать магом.

— Я уж совсем запутался.

— Ты можешь сам отправиться к Источнику и зачерпнуть из него силы.

— Такое возможно?

— Не случилось ни разу. Но есть вероятность, что сработает.

— Так ты еще и не уверена...

— Можешь не пытаться, а просто жить, как жил, — холодно заявила Руна.

— Я не знаю... я понятия не имею, что за источник, как до него добраться, что там делать... Я без году неделя в этом мире, Руна. Откуда мне знать, как следует поступить?

— Ладно. Обдумай все. Быть может, вернешься пока в деревню свою?

— Конечно, вернусь. Там Агнар, Анвар и Рада. Я обязан пойти к ним.

— Что с Робом делать будешь?

— Не решил пока, — нахмурился я и сжал кулаки.

— Хочешь, случайно утоплю его в речке?

— С ума сошла? Не вздумай!

— Да шучу я. Давай хотя бы слетаю проверить обстановку в деревне?

— А вот это можно. Если тебе не трудно, — вежливо добавил я.

— Что ты! Всю жизнь мечтала на побегушках у олуха такого, как ты, быть.

— Ну ты и нахалка.

Но ответа не последовало. Зачем надо было отправлять в деревню Руны? Сам не знаю. Но хотелось заранее знать, что там происходит, что конкретно Роб сказал деревенским. Надо было крепко обдумать, как поступить, когда вернусь. Что мне делать с Робом? Трогать я его, естественно, не собирался, но просто оставить убийцу спокойно жить дальше, ожидая, что в любую из ночей он может прокрасться ко мне в дом и зарезать во сне?

Пока я предавался тяжелым размышлениям, Руна вернулась.

— Дан, я здесь...

— Долго ты. Ну что там? Что Роб?

— Дан, там...

— Что такое?

— Там кошмар... там ужас, Дан... — Голос Руны на мгновение задрожал, а затем испуганно оборвался, не закончив фразу.

Глава 12. Стань тем, кем ты не был

— Дан, мне так жаль... — прошептала Руна.

— Что? Что ты там увидела? — спросил я, чувствуя, как сердце рухнуло в пятки.

— Пойдем туда.

— Почему не перенесешь просто меня туда?

— Не могу на далёкие расстояния. Идём.

Я послушался ее повеления молча и зашагал в сторону деревни, не забыв накинуть на плечо свой мешок. Расстояние было не близким. Я шел, насколько мог, быстро. Казалось, что я шел целую бесконечность.

— Смотри... — шепнула Руна где-то в стороне печально, когда мы достигли края леса.

Я вышел и пошатнулся от ужаса. Деревню сравнивали с землей. Ее покрывали мертвые тела. Трупы были везде, докуда мог дойти мой взгляд.

Я был потрясен.

— Что... произошло? — спросил я с трудом повинующимся языком.

— Король Альбита был жестоко убит в собственных покоях. Престол должен наследовать его старший сын, но младший поднял против него мятеж. Два герцогства из пяти встали под знамена предателя. Одно пока молчит. Герцог Кальда и еще один отказались присягать на верность узурпатору, и по их самым слабо защищенным землям прошли военные отряды, опустошая деревни, сжигая их, убивая и уводя в рабство людей. Это все, что я успела узнать из подслушанных разговоров членов отрядов, который побывал здесь.

— Ты видела их?

— Да, они не успели еще далеко уйти. Нападение было на рассвете. Здесь тебе больше нечего делать, Дан. Выживших в деревне нет. Те, кого не убили, были уведены в рабство.

— Я должен все осмотреть и проверить, — сказал я и на налитых свинцом ногах вошел в деревню.

Некоторые дома были разграблены. У некоторых — выбиты двери. Земля тут и там была усыпана растерзанными, изувеченными человеческими телами — стариков и малых детей в основном.

— Они увели только способных работать? — без труда догадался я.

— Да.

— Значит, и Агнар должен быть с ними...

А Анвар и Рада?

Я стремительно побежал вперед. Скорее, скорее, на пределе сил... Вдруг успею? Вдруг еще не поздно?

Я резко затормозил за несколько шагов от дома старейшины. Я увидел тело.

Нет, нет, нет! Только не это! Нет, нет!!!

Анвар лежал в неестественной позе головой вниз. Я узнал его рубаху, его седые волосы. Заставил себя подойти вплотную. Нет, нет, нет! Старик был мертв. Под телом растеклась кровавая лужа. Я рухнул на колени и осторожно, будто боясь повредить, перевернул тело лицом кверху.

Нет!

Глаза старика были открыты. В них навсегда застыли тоска и сожаление. Щека была

разорвана. В груди зияла жуткая рваная рана.

Я закрыл его веки и опустил голову.

Нет! Почему? Почему???

Заставив себя подняться, я вошел в дом. Рада лежала на полу на кухне. На ней был передник, а рядом с рукой валялся деревянный половник. Наверное, варила суп. Наверное, как раз собиралась звать мужа к завтраку. Лицо пожилой женщины было залито кровью, один глаз заплыл. На животе была страшная рана.

Сдерживая рвущее грудь горе, я обошел дом. Агнара не было. Вышел на улицу, направился вперед, заходя в каждый дом, проверяя каждый закуток, в котором мог лежать истекающий кровью и умирающий человек. Или кто-то, кто сумел спрятаться от чудовищ. Никого не было в живых. Только трупы.

Я шел и шел меж домов, пока не достиг той части дороги, где улица разветвлялась на две боковые. Пошел по той, где жила семья Ли.

Вот их дом. Дверь нараспашку. Внутри все разворочено, как в большинстве домов. Хозяева оказались на заднем дворе — два мертвеца в луже крови. Чуть поодаль от них... лежала она.

Я медленно подошел к ней. Красивая, мертвая девушка. Эта грудь не приподнимется более, делая очередной вдох. Эти руки не коснутся больше ничьего лица.

Глаза Ли были закрыты, будто она всего лишь уснула безмятежным сном. Спи спокойно, красавица, я прощаю тебя за твой обман.

Никто не заслуживал такой смерти. Они не имели права забирать их жизни.

Душившее меня изнутри горе сменилось пламенем ярости. Гори, пламя, гори ярче! Мне понадобится твой жар, когда я буду вершить отмщенье за этих людей!

Тела Роба нигде не было. Но почему они не забрали Ли?

Я вернулся к трупу девушки, присел рядом на корточки. Вот оно что. Не сразу обратил внимание на то, что одежда местами порвана. На бедрах синяки. А шея... ее задушили. Ее изнасиловали и задушили. Мрази.

Я встал и пошел дальше. Обошел всю деревню вдоль и поперек. Никого, кто оказался бы живым. Деревня превратилась в кладбище.

Руна все это время не прерывала моего безмолвного страдания какими-то словами. Девушка молчала, но я знал, что она рядом. Спасибо, Руна.

— Не за что. Мне правда очень жаль, Дан.

— Я должен их похоронить, — тихо сказал я.

— Не сумеешь. Их много. Мы сожжем деревню. И пусть Творец упокоит их души.

— Тогда за дело, — скомандовал я.

Не знаю, что конкретно сделала Руна, но спустя с десятков секунд вся деревня полыхнула подобно громадному кострищу.

Я смотрел на языки пламени, взлетающие к небу, и думал о том, что мрази, которые творят подобное, не достойны ходить по земле.

— Ты не можешь остановить их, Дан! — в сотый раз заспорила со мной Руна. — Ты спятил? Как ты собираешься остановить целый отряд вооруженных профессиональных воинов?

— Не собираюсь, — угрюмо сказал я. — Но я должен нагнать их и забрать Агнара. Он у

них — я знаю это!

— Ты не сможешь его вытащить! Рабов везут в клетках! Тебя заметят и проткнут на месте мечом!

— Тогда ты освободи его! Ты ведь можешь! — вскричал я в бессильной ярости.

— Не могу, Дан, — с болью в голосе ответила она. — Не могу! Я и так не имею права вмешиваться в дела людей, не имею права помогать тебе. Моя власть не безгранична, Дан, к тому же, она даже не моя, а заимствованная из Источника. Прости меня, Дан, но я не могу...

— Тогда это сделаю я.

Руна тяжело вздохнула.

— Окажи мне последнюю услугу — доведи до отряда. И больше я тебя не побеспокою.

Я прошу тебя, Руна!

— Хорошо...

Мы зашагали по полям туда, где, как я знал, пролегала главная дорога. Шли около часа. Золотистые поля расступились, и мы вышли на мощеную камнем дорогу. С другой стороны был лес. Мы прибавили шагу.

— Только не шуми и гляди в оба — эти земли сейчас не безопасны. Ваш барон больше не защитит вас, — предупредила Руна.

Мы шли долго. Несколько часов, наверное. А затем дорогу преградили три мужика в изношенной одежде, с мечами, прицепленными к поясам. Я не заметил их издали, потому что они вышли из-за деревьев буквально за пару шагов от нас.

— Не показывай гонор — с этими ребятами не стоит шутить. Постарайся тихо-мирно уйти. Если есть медяки — отдай, — быстро скомандовала Руна. — Учти, Дан, я не имею права вмешиваться в дела людей.

— Учту, — процедил я сквозь зубы.

— Здрав будь, путник, — заговорил один из мужиков. Один из трех.

— И вам не хворать.

— Куда путь держишь?

— Да куда придется.

— Вона как. Не слыхал разве, что опасными дороги нынче стали?

— Разве? — Я приподнял брови, гадая, сколько еще продлится этот спектакль.

— Поделишься с нами своим добром, парень?

— Нет у меня ничего, — развел я руками.

И это была правда. В заплечном мешке не было ничего, что могло представлять ценность для этой шайки.

— Да неужто? А давай-ка мы заглянем в твой мешок? Авось что отыщется? — нахально заявил урод.

— Мужики, ну вы и наглые, — развел я руками. — Сказано же вам, нет у меня ничего, давайте просто пойдем каждый своей дорогой?

— Ишь, чего захотел! — заржал второй урод. — Давай мешок сюда, щенок!

— Пошел ты!

— Дан, я же просила... — услышал я чуть ли не прямо возле своего уха.

— Отважный щенок, — оскалился тот, который был, видимо, главарем шайки. — Или тупой, как бревно.

Мужики почти синхронно вытянули мечи из ножен. Я, конечно, в оружии не спец, но выглядят их орудия для убийства не ахти как качественно. Впрочем, какая разница,

насколько остро наточен клинок, который оборвет нить твоей жизни?

Не знаю, зачем, но они втроем двинулись на меня. Один бы справился — я-то безоружен. Даже если вытащу нож, он мне не поможет против меча.

Уроды были в шаге от меня, когда все три горла были жестоко располосованы невидимым клинком — фонтаном хлынула кровь.

— Ты же не должна вмешиваться! — потрясенно проорал я, с ужасом наблюдая, как падают мертвым грузом тела.

— Будто бы ты оставил выбор... — Руна говорила... мрачно? Холодно? — Они уже обдумывали, что будут делать, когда прирежут тебя и обчистят твои карманы.

— Но ты могла просто обезвредить их! Ты не вправе была их убивать!

— Думаешь, мир много потерял со смертью этого отребья? Да они, глазом не моргнув, кого угодно прирезали бы.

Я промолчал. Подошел к главарю и поднял его меч. Действительно ржавый какой-то. Но все лучше, чем почти безоружным ходить. Мое копьё осталось в лесу.

— Ты обращаться-то с ним умеешь?

— Проткнуть чью-то нахальную рожу, наверное, смогу. А теперь сожги их тела, чтобы падальщикам не достались.

— Ублюдки не заслужили человеческих похорон!

— Сожги их тела! — повысил я голос.

Руна молчала. А затем трупы вспыхнули ярким пламенем.

Отряд мы нагнали к ночи. Шли без усталости быстрым шагом, делая лишь редкие привалы. Я старался не обращать внимание на голод и жажду. Все перестало быть важным, кроме цели.

Отряд был небольшим — приблизительно пол сотни воинов. Остальные — рабы. Они сидели в клетках, водруженных на повозки.

Я скрывался за деревьями. Руна следила за тем, чтобы мы оставались незамеченными. Я искал глазами знакомые лица. Мне удалось разыскать Роба. Изодранная одежда, синяк на лице. Он сидел в своей клетке рядом с тройкой других рабов — зашуганный и раздавленный.

Я думал, что испытаю чувство злорадства, но мне было все равно. А когда я вспомнил изнасилованную и убитую Ли, стало тоскливо.

Когда я, наконец, отыскал Агнара взглядом в одной из дальних клеток, я едва удержался, чтобы не вскочить и не помчаться к нему. Так, надо сохранять рассудок. Надо держать себя в руках. Нельзя позволять эмоциям верховодить разумом — это погубит и меня, и пацана. Пацана, ставшего мне братом.

— Верно мыслишь. Мы должны уходить, — шепнула Руна, хотя вообще-то другие ее слышать не могли.

— Мы должны придумать, как вытащить мальчишку.

— Никак, Дан! Тебе не дадут забрать его. Тебя убьют! А мальчик все равно станет рабом.

— Снова... — сказал я и заскрежетал зубами от ярости.

— Мы не сможем его вытащить. Они выставили караульных.

— Ты можешь сжечь дотла весь их отряд!

— Не могу! Не могу, Дан! Хватит!

— Я не брошу Агнара здесь! Не позволю снова отправить его в рабство!

— Это на время. Иди к Источнику, Дан, и забери из него то, что полагается тебе по праву. Ты станешь магом. Ты станешь сильнее. И однажды ты вернешься за мальчиком. Обещаю, что прослежу за тем, куда именно его отправят, а потом сообщу тебе это.

Я глубоко задумался. Источник. Неведомое нечто, куда мне предстоит отправиться. И стать магом? Мне было сложно поверить в этом. Но это была моя последняя надежда.

— Я согласен.

Правитель одного из герцогств был в своих покоях и принимал своего доносчика. Этот человек преподносил господину самые ценные сведения.

— Король мертв, говоришь... — задумчиво произнес герцог.

— Да, ваша милость.

— И как же он умер?

— Говорят, не вынес... кхм... любви со своей женой. — Доносчик говорил совершенно невозмутимо. — Впрочем, иные утверждают, что она зарезала его во сне. А третьи говорят, будто младший брат устроил заговор против короля и подослал к нему своих людей.

— Это все не важно. — Герцог снова задумался. — Говоришь, два герцогства присягнули новому королю на верность?

— Да, ваша милость. Тем, кто не согласился признать его власть, король грозил страшными карами. От вас ждут ответа, ваша милость. В письме вас призывают немедленно отправиться в путь — на присягу. Что ответить послу, ваша милость?

— Разумеется, что я почту нового короля своим визитом и буду служить ему верой и правдой.

— Да, ваша милость. — Доносчик поклонился и ушел.

— Хорошо, что купить шахту в Кальде не вышло... я бы сейчас терпел убытки или, чего хуже, был бы обвинен в том, что сношаюсь с изменниками. — Герцог встал и налил себе превосходного вина из графина.

Мы с Руной незаметно свалили подальше от отряда. Голод мучил меня невыносимо. Наконец, Руна сжалилась надо мной и с помощью магии поймала мне зайца.

— Освежевать будешь сам, — сказала она, телекинезом кидая тушку к моим ногам.

— Спасибо.

Я занялся своим ужином.

— А ты питаешься вообще?

— Нет. Таким, как я, не нужна пища.

— Хотел бы я тоже от этой потребности избавиться.

Мы молчали, пока я разделывал зайца и поджаривал его на костре.

— Скучаешь по своему миру? — возобновила беседу Руна, когда я уселся есть.

— Бывает. Особенно по нормальному унитазу.

— А это что? А... не отвечай. Уже ответил в мыслях.

— Я же просил не читать их! — возмутился я, жуя пресное мясо, казавшееся мне сейчас вкуснейшей пищей во всех мирах.

— Извини.

— Какую магию ты выбрала для меня? Тогда, когда в хижине был.

— Молнии метать.

— Что, серьезно? Но разве это не слишком круто для такого, как я?

— Да сила-то средненькая была бы. И по количеству метаний очень ограниченная. Я решила, что в таком жестоком мире для тебя будет в самый раз подобная способность. По крайней мере, ты мог бы молниями подпалить сегодняшнюю шайку разбойников. Убить нет, но выключить на время запросто.

— Круто. Жаль, не вышло. Скажи... а почему ты не имеешь права вмешиваться в людские дела, но при этом уже сто раз помогла мне?

— Не знаю. — Тяжелый вздох. — Жаль было бы не помочь. Впрочем, тогда в пещере я обязана была спасти тебя, потому что почувствовала в тебе потенциального мага. А уж потом... как-то в привычку вошло. А вмешиваться не имеем права... да ведь я не человек. Человечество шагает по своему пути, оно само делает выбор. Такие, как мы, не имеем права менять ход их истории. А люди не могут стать свидетелями или участниками нашей истории.

— Такие, как вы — это кто?

— Я не могу тебе рассказывать о бессмертных, Дан. Извини.

— Понял. Ты, получается, бессмертная?

— Получается, что так.

— Тебе сотни лет?

— Всего лишь пятьдесят. Я из юных Стражей.

— Что за стражи?

— Дан!

— Понял, понял, прости. — Я примирительно поднял руки. — Знаешь, это очень обидно: ты видишь меня, я тебя — нет.

Руна не ответила. Прошла минута, две — она молчала. Ладно, закроем тему. Видимо, очередное табу. А жаль... столько любопытного мог бы узнать.

— Дан!

— Да все, не думаю больше об этом. А ты мысли не читай!

— Оно само получается иногда, — оправдывающимся тоном сказала Руна.

— Что-то все в этом гребаном мире идет через жопу у меня.

— Найдешь Источник — станешь магом. Будет чуточку проще тогда. Но в т же время и опаснее. Маги — серьезные пешки в игре больших людей этого мира.

— Кто бы сомневался... Ты сможешь мне дойти до Источника? Ах, прости, я обещал больше ничего не просить у тебя.

— Я бы хотела помочь, но не могу, Дан, — грустно ответила Руна. — У меня работа. Но мы еще обсудим твой путь. Тебе нужно подготовиться.

— Спасибо тебе, Руна. Без тебя я бы уже...

— Лежал в могиле. — Кажется, она улыбнулась.

— Точно. Знаешь... все эти люди в деревне — они были славными. Анвар и Рада... они...

— Не надо, Дан.

— Нет, я скажу. Они стали моей семьей. Я полюбил этих стариков. Они приняли нас в свой дом. Приняли в общину.

— Дан?

— Что?

— Ты не виноват.

— О чем ты? — нахмурился я, прекрасно зная ответ.

— Ты не мог их спасти.

— Если бы я был в деревне...

— ... тебя бы тоже увели в рабство. И поставили бы на шею клеймо. И ты не смог бы сбежать, не смог бы пойти к Источнику, не смог бы стать магом, не смог бы ничем помочь Агнару.

— Убедила. Меня просто... выворачивает наизнанку от мысли, что каждый, к кому я привязываюсь, каждый, кто становится мне дорог — погибает. Я устал от смерти, Руна. И до жути устал быть ползающим в грязи червем — беспомощным и слабым.

— Так стань сильнее, Дан. Стань сильнее и прекрати быть червем. Ты сумеешь подняться со дна. Ты сумеешь стать выше того, кто ты есть сейчас. Я верю в тебя, Дан.

— С чего это? Ты все время долбила в мою голову мысль, что я никчемный мальчишка из другого мира, которому будет сложно и пару дней прожить в этом.

— Но сейчас я вижу в тебе не мальчишку.

— А кого же?

— Мужчину, который станет тем, кем никогда не был — воплощением подлинной силы духа и могущества.

Глава 13. Сбивающая с пути и вождь

Я лег на мху под деревом и попытался уснуть, но сна — ни в одном глазу. Перед внутренним взором все время стояли зловещие, темные картины хаоса и смерти: вырезанная под корень деревня, истерзанные тела Анвара, Рады и Ли, перепуганный до смерти Агнар в клетке. Это стало моим кошмаром наяву, и я никак не мог отогнать его от себя.

Руна заявила, что у нее есть время, чтобы помочь мне, вызвалась охранять мой сон. Если верить ее словам, бессмертным сон не нужен.

Задремать удалось лишь незадолго до рассвета. Как только первые лучи восходящего солнца окрасили теплым светом землю, мы двинулись в путь — в столицу герцогства Кальд, в город Коронам. Руна вызвалась меня сопровождать, чтобы план точно сработал — закупиться всем необходимым, что пригодится мне в походе. Ведь я был гол как сокол.

Мы вышли из лесного укрытия на главную дорогу и двинулись в сторону столицы. Точнее, я шел, а Руна... уж не знаю — летала, наверное, или что-то вроде того. Разговаривать желания не было — в душе царил сплошной мрак.

Спустя пару часов пути позади нас показалась повозка, запряженная одной лошастью. Она была достаточно далеко, чтобы я ринулся в лес, но нам необходимо было как можно скорее попасть в город, а идти пешком — это целая бесконечность.

— Попросись в повозку, — велела Руна.

— Да уж догадался. Только у меня денег нет.

— Об этом не переживай.

— Что ты задумала?

— Просто действуй.

— А ему можно доверять?

— Можно. Купчишка мелкий. Из этого герцогства. Наш человек. Спросит, откуда — говори правду. С людьми надо уметь ладить, чтобы пользу потом иметь.

Когда повозка достигла меня, я крикнул кучеру:

— Не подбросишь до столицы, уважаемый?

Пожилой, маленького роста, лысоватый мужчина остановил лошадь.

— А заплатить есть чем? — спросил он, подозрительно оглядывая меня с головы до пяток.

— Конечно!

— Садись.

Я влез в повозку. Она была открытой, поэтому для беседы с мужиком преград не было, чем он и воспользовался:

— Слыхал, что с деревушкой, что неподалеку отсюда, случилось?

— Я жил в той деревне, — ответил я, тут же нахмурившись.

— Это что ж творится-то... — захохот мужик. — Брат на брата идет. Как же теперь будем-то?

— Да уж. — Мне не хотелось беречь итак кровоточащую рану.

— Как ты выжил-то, парень? Говорят, всех молодых да здоровых в рабство увели.

— Увели, да я в лесу был, на охоте.

— Свезло, значит... — кивнул мужик. — В город бежишь от греха подальше?

— Вроде того.

— Понимаю. Под властью герцога достопочтенного сейчас безопаснее будет. Крестьянский люд сейчас более всех пострадал. Что же дальше будет — подумать страшно...

— А вы чем занимаетесь? В городе живете?

— Да. Торгую мелким товаром. Лавка у меня небольшая.

— Спроси, можно ли у него закупиться, — услышал я голос Руны.

— Лавка? Так это отлично. Мне как раз необходимо кое-что приобрести.

— Вот это ты удачно меня встретил, парень. Что ж, закупиться — это всегда пожалуйста. В деревне-то небось все сгорело? Проезжал мимо, видел — прах да пепел остались на том месте, где вчера люди жили...

— Да, сгорело.

— Вот ведь души окаянные, ничего не боятся, нет для них ничего святого на земле... — закачал головой мужик.

Знал бы ты, кто сжег деревню.

В город мы добрались лишь к вечеру. Я глядел во все глаза на столицу герцогства и поражался то одному, то другому зрелищу.

Мы проехали через огромные деревянные ворота, обитые железом. Каменные стены, ограждавшие город от остального мира, были высоки и величественны.

Главная улица была полна народу. Знать в роскошных каретах, нищие в лохмотьях — люд был представлен здесь весьма разношерстный.

Центральная улица разветвлялась на множество других. Мы проехали мимо красивой улицы, на которой, видимо, обитали высшие лица города — большие, богато украшенные дома, чистота, ухоженность говорили об этом. Далее мы попали в более скромную, но все еще очень ухоженную часть города. А вот под конец повозка свернула на боковую улицу, и я был шокирован увиденным. Впрочем, я утрирую, потому что нечто подобное я ожидал, но одно дело — думать, и совсем другое — увидеть воочию.

Улица, что было очевидно, была местом обитания нищеты и голытьбы. Грязь, вонь, отпечаток крайней бедности и голода были самыми явными характеристиками этого тошнотного места. Нечистоты (я сам видел!) выливали прямо на дорогу. Нищие сидели тут и там. Босоногие, грязные детишки бегали в лохмотьях. Место было средоточием худшего, что могло быть в городе.

Мой извозчик остановился возле какого-то обветшалого двухэтажного домишки. Я выбрался из повозки и тут же угодил в лепешку говна. Зашибись. Извозчик вежливо пригласил меня войти. Внутри было чисто, но тесно, душно и темновато.

— Так и живем... — что-то там болтал о своем житии-бытии купец. — На верхнем этаже с супругой наши покои. Ну а здесь моя лавка.

Я осмотрелся. И правда, шаткая на вид лесенка вела на второй этаж.

Лавка была небогатая, но мне ничего особенного и не нужно было. Мы с Руной заранее обсудили, чем затариться. Правда, она упорно не хотела сообщать, как я оплачу все. Мол, спокойно, Дан, покупай, что надо, остальное — не твоя забота.

— Мне бы спичек, — сказал я.

В этом мире использовали фосфорные спички — но только касты ствол и крона в основном. Для крестьян они стоили дороговато, те добывали огонь по старинке — с помощью кремня.

— Обувь бы еще добротную.

Сейчас (как и все время с момента моего попадания в этот мир) на мне были кожаные поршни. Они были довольно потрепаны, но толстая кожа могла бы еще прослужить, только для моего похода необходимо было упаковать себя в более добротную обувь.

— Сапоги вот хорошие есть. — Торговец вытащил на прилавок пару высоких сапог из черной кожи.

— Бери, в этой лавчонке лучше не найдешь, — сказала Руна.

— Беру, — согласился я, кивая торговцу.

Тот довольно улыбнулся. Видать, прибыльный у него сегодня день получится.

— Вот этот плащ еще, — указал я на длинную черную накидку, висевшую на стене.

— Это откуда ж у крестьянского парнишки простого столько средств? — хитровато улыбнулся торговец.

— Сбережения все родительские удалось спасти, — невозмутимо ответил я, наплевав на то, что в этот бред лишь полоумный поверит.

Торговец лишь покивал головой с самым серьезным видом. Не верит. Ну и пусть — не его ума дело.

— Еды бы еще какой... но это, наверное, в другой лавке искать надо?

— Что ты, зачем куда-то идти, когда на одном месте все можно сделать? — замахал руками купец и стал снова по лавке туда-сюда и вытаскивать на прилавок всякое-разное.

— Мясо вяленое? Бобы? Лепешки?

— Да нет, мне бы только сейчас поесть. Только то, что готовить не придется. Мясо вяленое возьму.

— Лепешки сухие возьми, вода да мука, а желудок хорошо набивают.

— Возьму. Фляга для воды есть?

— Конечно! — На прилавке тут же появился нужный мне товар.

— Хватит, пожалуй.

Купец улыбался, как сытый кот. Ох и хороший у него день выдался, однако ж.

— Сколько с меня?

— Два серебряных.

До сих пор я был уверен в Руне, но сейчас запаниковал. Я попытался сделать уверенное лицо и засунул обе руки в карманы штанов. В правом мои пальцы наткнулись на пару больших монет. Я вытащил их — обе серебряные. С тем же невозмутимым видом протянул купцу.

— Благодарю, почтенный, благодарю, заходи еще, коли нужда будет, — заулыбался он так широко, что я забеспокоился за его щеки.

Поблагодарив и попрощавшись, я вышел из лавки. Мешок за плечами стал куда тяжелее. Плащ я сразу накинул на себя.

— Где ты взяла монеты? — спросил я у Руны, когда мы отошли от лавки на приличное расстояние.

— Хм... не важно...

— А ну признавайся, откуда деньги? — повысил я голос.

— Какая тебе разница? Тебе нужны были вещи — спасибо лучше скажи, олух неблагодарный!

— Руна!

— Ну ладно, ладно... Стащила у купца этого.

— Руна! — возмутился я вне себя от негодования.

— Ну а что? Ты же в итоге вернул ему эти монеты.

— Но я унес его товар!

— Он тебе необходим! Хочешь вернуть? Так иди — топай и говори купцу: простите, милейший, я тут случайно вас обокрал.

Я скрипнул зубами от злости.

— Ты согласился на мою помощь, а теперь возмущаешься?

— Но я думал, что ты одолжишь мне собственные монеты!

— Ага, как же! Нет у меня их, ясно? Бессмертным золото ни к чему.

— Ах, чтоб тебя... Указующая путь, блин...

— Так, слушай внимательно, говорю один раз, — вещала Руна в мое ухо.

Мы стояли на деревянной пристани. Да, город оказался портовым. Везде витал ужасающий запах рыбы, буквально впиваясь в ноздри. Туда-сюда сновали матросы, портовые шлюхи пытались продать на час или на ночь свои тела — по большому счету, уже не первой свежести и лишённые привлекательности.

— Куда это ты смотришь? — спросила Руна.

— Куда я смотрю? Да на море.

— Нет, ты чуть не сделал дырку вон в той девице древнейшей из профессий. Что, понравилась?

— Тебе-то что? Завидуешь?

— С ума сошел?! — возмутилась она, и я едва не свалился от сильнейшего дуновения ветра, направленного исключительно на мою скромную персону.

— Ну ладно, прости.

Руна молчала.

— Хватит дуться.

Нет ответа.

— Руна, ты что, меня бросила?

— Отлучалась по делу. Так, ладно, не отвлекаемся. Ты высадишься на острове Альмтаха. Он в двух неделях плавания отсюда. Тебе придется раскрыть весь свой артистический потенциал и притвориться торговцем.

— С ума сошла? — на этот раз возмутился я.

— А что ты хотел? Высадиться, сказать «Привет, дайте мне погостить на вашем острове» — и якобы тебя примут с распростертыми объятиями?

— Ладно, торговец так торговец. Но кто же мне поверит? Где товар?

— Вон товар. Обрати взор к своим ногам.

Я послушался и увидел у своих ног деревянный сундук средних размеров.

— Это еще что и откуда?

— Да от торговца само собой. Некто Джон Уотсон должен был отплыть сегодня на этом судне вместе с этими товарами в сундуке и обменять их на пряности у островитян.

— Да ты просто чудовище какое-то, — простонал я. — Ты сперла сундук у торговца?

— Ага. А самого усыпила на время, чтоб отплытие проспал.

Я протяжно вздохнул.

— Дальше что? Надеюсь, Джоном называться мне не обязательно?

— Не обязательно. Когда поладишь с островитянами — ищи пещеры. Они в глубине леса. Вход, разумеется, запечатан, но вот это — протяни ладонь...

Я сделал то, что сказала Руна.

— ...откроет для тебя вход.

Тут же на моей ладони материализовалась квадратная пластина из неизвестного мне металла.

— Это ключ к Источнику. С местными будь покладист — у них суровый норов.

— Они вообще знают, что такое Альбит?

— Островитяне обменивают золото и пряности на товары королевства, так что да — знают. Да, чуть не забыла — ты прибыл за их восхитительными, ароматными пряностями, о которых ходят легенды по всему королевству.

— Как я удеру от них обратно? — задал я главный вопрос.

— Корабль вернется на остров через месяц.

— Месяц жить с варварами? — ужаснулся я.

— Ой, сам не далеко от них ушел, — беспощадно заявила Руна. — Потерпишь. Тебе еще Источник искать.

— А местные знают о том месте?

— Пещеры — да. Но сам Источник никто не может отыскать и увидеть без ключа.

В это время матросы уже начали грузиться на корабль. Я заранее договорился с капитаном о пассажирском месте для себя. Мне пришлось согласиться на то, чтобы Руна сперла еще у кого-то — даже не хочу знать, у кого! — два золотых, которые обеспечили мне билет на судно. Звездец просто — куда я скатываюсь.

— Давай, бывай, крошка. Старайся не сдохнуть, разозлив вождя племени или будущи съеденным хищником в лесу — на острове я тебе на помощь уже не приду.

— Почему ты все это сделала для меня? — спросил я. — Почему помогала столько?

Она долго молчала. Наконец задумчиво протянула:

— Будем считать, что чувствую свою вину за то, что не сумела одарить тебя магией, крошка. Не справилась со своей прямой обязанностью, не выполнила работу. Так хоть так помогу тебе, хотя бы обеспечу возможность стать одаренным самому.

— Спасибо, Руна.

— Ага.

— Нет, я серьезно. Спасибо тебе.

— Вот не сдохнешь и станешь магом — тогда и благодарить будешь. А теперь марш на корабль, а то уплывут без тебя.

Я попросил одного из матросов помочь мне затащить сундук на палубу, а затем спустить в каюту. Еще некоторое время — и мы отплыли.

— Пока, Руна, — прошептал я в пустоту, глядя на удаляющийся от моих глаз берег.

Две недели я бездельничал. Каюта-палуба-каюта. Я совершал эти переходы и все время думал и тревожился. В своем мире я не бывал на море никогда, так что сейчас наслаждался бескрайними просторами, по которым, будто игрушка, несся наш корабль.

Питался я вместе с матросами. Больше всего радовался тому, что эти ребята были просты, как топор, и не донимали меня никакими вопросами. Я слушал их морские рассказы и похабные шутки и думал о том, что некоторые вещи во всех мирах одинаковы — вот

моряки, например.

Мы действительно доплыли до острова приблизительно за две недели. С одной стороны, я уже привык, что вокруг меня только небо и море, отделенные друг от друга только линией горизонта, с другой — был рад вновь оказаться ногами на твердой земле. Я попрощался с экипажем корабля.

На берегу были две женщины и мужчина. От Руны я узнал, что язык, на котором говорят в Альбите — общий, знакомый многим народам, в том числе островитянам. Поэтому я без опасений подошел и заговорил с местными. Выглядели они несколько иначе, чем альбитцы: смугловатая кожа, черные прямые волосы, резко очерченные скулы. Одеты были дамы в обыкновенные платья, но с этническими особенностями... нечто напоминающее стиль наших индейцев, пожалуй.

Я, подавляя в себе желание сбежать, заговорил с островитянками. Объяснил им, кто я, что здесь делаю, цель прибытия. Руна говорила, что они обмениваются товарами с Альбитом, но я все равно удивился, насколько женщины спокойно, как нечто само собой разумеющееся восприняли мои слова. Меня пригласили следовать за ними вглубь острова — в местную общину.

Мужчина помог мне нести сундук.

Мы потопали вглубь леса. Шли минут десять, после чего взору моему открылась колоссальных размеров поляна, тут и там утыканная глинобитными хижинами. Племя островитян занималось своими делами. Я видел и кучу детей, бегающих, лазающих по деревьям, ползающих по земле малышей. Видел женщин, которые что-то варили в котлах над кострами; рослых крепких мужчин с длинными волосами. К слову сказать, женщины племени тоже были крепко сбитыми, с телами далекими от изящной и женственной хрупкости, которая так ценилась в том мире, где жил я.

Все члены племени с любопытством окружили нас. Среди них выделялся высокий, сухощавый старик в разноцветных накидках, с седыми волосами, беспорядочно разбросанными по плечам.

— Пройдем со мной, чужестранец, — он махнул рукой и зашагал к одной из хижин.

Вождь, решил я и поспешил за ним.

— Из королевства Альбит прибыл? — спросил старик, садясь на скамью, не приглашая меня присоединиться к нему.

— Верно, господин... — я замялся.

— У нас нет здесь господ, — резко отрезал мужчина. Суровый, однако, человек у них вождь! — Мы тут все равны. Вождь — первый среди равных.

— Да, конечно, вождь, — попытался я исправить оплошность.

— Вождь? — неожиданно рассмеялся старик. — Ты решил, что перед тобой — вождь? Ты, странник, видать, ничего не знаешь о нашем острове. Пойдем, покажу тебя вождю.

Я, не переставая изумляться тому, что могло вызвать смех, двинулся обратно за стариком.

— Я колдун племени, чтобы ты знал. Мы тоже не лишены связи с магией.

Вот уж все чудесатее и чудесатее становится. Руна не предупреждала, что у племени свой маг имеется.

Мы прошли к одной из хижин — она ничем особенно не отличалась от других.

— Постой здесь.

Колдун вошел в хижину один. Спустя минуту он вышел и жестом пригласил меня

следовать внутрь. Я вошел, прикрыл за собой деревянную дверь. Сквозь проем в стене в помещение попадал солнечный свет, и я смог разглядеть вождя, стоявшего передо мной и пристально глядевшего в мои растерянные вконец глаза.

Передо мной стояла неземной красоты женщина — высокая, с таким же крепко сложенным телом, как у других, но аппетитные формы придавали ее фигуре женственность. Черные прямые волосы до пояса обрамляли суровое, жесткое лицо, на котором сияли глубоко посаженные большие темные глаза.

Глава 14. Да что за шиза здесь творится?!

Сказать, что я был удивлен — значит ничего не сказать.

Община островитян была матриархальной и матрилинейной. Нет, конечно, такие племена и в моем мире были, а возможно, есть и сейчас, но чтобы в средневековом магическом мире — я попросту такого поворота событий не ожидал.

Вождя-красавицу звали благозвучно и величественно — Улла. Сама женщина тоже выглядела очень величественно вопреки своей принадлежности к примитивному обществу и простоте наряда. Улла носила платье в одном стиле: широкий лиф одеяния закрывал грудь, но оставлял обнаженным живот (у вождя был такой пресс — закачаться, у меня такого нет!), длинная юбка платья доходила до щиколоток. Во всяком ее движении чувствовались одновременно сила, властность и грация, женственность, чувственность. Не буду лукавить — я наслаждался, глядя на эту женщину, не женщина, а ярко пылающий огонь.

Когда я впервые увидел ее, потерял дар речи от изумления. Женщина-вождь? Серьезно?

— Чувствуй себя как дома, ты — наш почетный гость, чужестранец по имени Дан. Тебе будет выделена отдельная хижина, чтобы ты не ощущал себя в тесноте. С какими дарами ты явился к нам? — спросила она меня тогда певучим, глубоким голосом.

— Вот... эмм... вождь, — я указал на сундук, чувствуя себя последним придурком во всех мирах.

Как обращаться к женщине-главарю средневекового племени?

— Называй меня по имени — Улла.

По ее призыву колдун открыл сундук. Я с любопытством смотрел вместе с ними, что же за дары я им привез. Да, как-то пофиг было, пока плыл на корабле, да и из головы вылетело.

Ткани, какие-то стеклянные безделушки в виде бус, браслетов и прочей хрени.

Ах да, забыл упомянуть, что Улла, судя по всему, обожала эти безделушки. Ее изящную шею украли как минимум три пары безвкусных бус, а на запястьях висела целая тонна браслетов. Но даже эта вульгарная безвкусица не портила естественной красоты женщины.

Пока вождь и колдун разглядывали «мои» дары, я в свою очередь разглядывал хижину главного человека племени. Ничего выдающего особое положение Уллы здесь не было: все просто, скромно, минималистский стиль, короче: деревянный стол, деревянная скамья, покрытая плетеной циновкой, большой сундук в углу — тоже деревянный. Короче, на королевские покои это место и близко не было похоже.

Улла рассыпалась передо мной в благодарностях, а затем отправилась устраиваться под предводительством колдуна, которого звали странно — Миск Тафкид. Видать, колдунам полагалось зваться сложнее, чем простым смертным. А может, это только в этом племени так, в королевстве я ведь еще их не встречал.

Как раз пока мы шли в хижину для почтенного гостя, то бишь меня, Миск Тафкид и поведал мне о матриархальности и матрилинейности их племени. Я слушал с открытым от шока ртом.

— А что же мужчины? Они на каком положении здесь?

— У нас всех уважают. Но мужчина не может быть выше женщины, ибо мать-земля из своего лона первыми выпустила женщин. Женщина рождает детей так же, как мать-земля родила первое племя людей.

Тут уж у меня совсем отвисла челюсть. Нет, я не дурак, я в своем мире был одержим

философией, искусством, теорией культуры и прочими подобными областями знаний. Я, короче, шарил в этой теме. Но одно дело, когда ты знаешь теорию; живя в цивилизованном обществе, рассуждаешь о каких-то там странностях, которые были присущи некоторым племенам/народам в определенные исторические временные отрезки; но совсем другое дело — когда тебя тыкают носом в какую-то совершеннейшую дичь и говорят — вот, смотри и запоминай, такова наша реальность, мы такие и мы так живем.

— Чем у вас занимаются женщины, а чем мужчины? — продолжил я допрос, стараясь не показывать, что все больше офигеваю от них.

— Земледелием — только женщины. Эта привилегия — навсегда в их руках.

Логично. Удобно, вообще-то. Я — всего лишь мужик, я не достоин копать огород, этим великим и знаменательным делом только женщина может заниматься. Хорошая же отмазка, чтобы отлынивать от работы? Просто и гениально!

— А мужчины охотятся.

Нет, лучше уж огород копать.

Мы дошли до хижины. Я прошел внутрь, положил мешок на скамью.

— Располагайся, чужестранец. Скоро отправлю к тебе Уга, чтобы принес тебе пищу.

— Благодарю.

Старик ушел. Вскоре явился Уг — он оказался юным парнишкой — который принес мне какие-то отваренные овощи, фрукты и чай с необычным травяным привкусом.

Я же сел на скамью и вытащил из нагрудного кармана плаща ключ к Источнику. Множество раз я рассматривал его на корабле и уже с закрытыми глазами видел выгравированное на металле изображение дерева с раскидистыми ветвями. Я стал очень близок к цели своего похода. Осталось сделать последний шаг и самый сложный — отыскать Источник.

Я уже полторы недели жил в общине и почти предался отчаянию. Первые дни я просто находился среди членов племени, общался с вождем, с колдуном, пытался всем своим видом источать тонны дружелюбия. Потом стал потихоньку удаляться в лес, шастать по нему, но ни на какие пещеры не набредал. Осторожно и намеками пытался выведать у местных, но те разводили руками, делали непонимающее лицо, в общем — совершенно не желали облегчить мою задачу.

Дней до моего отплытия с острова становилось все меньше, а я так и не достиг своей цели. Из-за этого мне хотелось рвать и метать.

Вчера в общине умерла женщина, довольно молодая еще — какая-то болезнь сломила ее тело. Мне было жаль и ее, и ее мужа, сломленного горем, и ребенка, осиротевшего наполовину. И я был совершенно потрясен, когда узнал, что этот ребенок после смерти матери перейдет жить в хижину дяди со стороны умершей, а не останется с отцом. Матрилинейное, блин, общество! Я все больше офигевал от местных обычаев.

Сегодняшний вечер не предвещал ничего ужасного, но оно случилось.

Я сидел, в миллион первый раз разглядывая ключ к Источнику, когда в хижину вошел Миск Тафкид.

— Сейчас случится важное для племени событие. Погребальный костер для Лоры (умершая вчера женщина) уже готов. Пойдем со мной, почтишь ее память и проводишь ее душу в лоно матери-земли.

Я встал, накинул плащ и вышел за колдуном. Кстати, я так и не смог узнать, какой же магией он владеет. Ответы на этот вопрос всегда были весьма туманными, как от самого старика, так и от его соплеменников.

Погребальный костер действительно был готов. Тело умершей лежало в каких-то бесконечных слоях одежды — видимо, похоронный обряд.

Колдун толкнул речь, потом Улла, они оба выражали свою скорбь, но в то же время надежду, что во чреве матери-земли (при всем уважении к умершей и сострадании я не смог не закатить глаза и не вздохнуть тяжело) их соплеменнице будет лучше. А потом... потом случилось такое, что глаза у меня едва не вывалились из орбит. Муж Лоры взошел на костер и лег рядом с трупом!

— Этот почтенный муж, Барди, давший своей супруге клятву в вечной верности, не сумеет побороть свою скорбь от разлуки с любимой, он не может оставаться на земле и страдать, когда его супруга блаженствует во чреве матери-земли, потому по законам нашего племени Барди последует за женой в обитель радости и упокоительной темноты. Я, как человек, наделенный властью и привилегией видеть суть вещей, торжественно заверяю вас, что свершив это действие жертвенной любви, Барди поступит единственно правильным способом. — Миск Тафкид закончил свою речь.

— Да будет так! — вскричало племя разом.

Улла взяла факел из рук одного мужчины и подошла к будущему костру. Барди лежал, не шевелясь, но я заметил на лице бедолажки выражение первобытного ужаса. Тут уж я не выдержал:

— Что вы творите? — вскричал я, выскакивая вперед. — Нельзя же так! Это же убийство! У Барди сын остается!

— Ты не знаешь наших обычаев, чужестранец, не вмешивайся, — холодно проговорила Улла.

К слову сказать, она всегда разговаривала очень любезно, но таким тоном, который явно выдавал в ней чувство собственного превосходства над остальными.

— Барди будет счастлив последовать за женой. А сын его останется со своим настоящим наставником — дядей. Уйди, чужестранец, не выказывай перед нами своего невежества и затуманенности своих воззрений на мир!

Улла подошла к костру, я кинулся туда, чтобы попытаться стащить Барди на землю, но не тут-то было — меня тут же схватили, скрутили и унесли в хижину.

— Ты попытался помешать исполнению нашего закона, — сурово сказала Улла, входя ко мне в хижину спустя несколько часов. — Пойдем, сейчас будут пляски, чтобы достойно проводить души Лоры и Барди во чрево матери-земли. И я всем сердцем уповаю на то, что впредь ты будешь вести себя благоразумно, чужестранец.

Я вышел вслед за вождем. Все это время я сидел в хижине, охраняемой двумя мужиками — злой и опечаленный. Да я попал просто к чудовищам каким-то! К извергам!

И что еще за пляски, чтобы проводить души умерших? Варвары хреновы! Звездец какой-то!

Ночное небо было усыпано звездами. В центре поляны был разожжен костер. Вокруг него уселись мужчины племени. А девушки — в нарядных платьях, венках и обвешанные кучей украшений стояли в стороне.

Я присоединился к мужикам.

Колдун опять толкнул речь о чем-то там про провод душ весельем и танцами, а затем эти самые танцы и начались. Несколько мужчин извлекали грубые звуки, стуча по барабанам и дудя в дудочки, а все женское население пустилось в пляс.

Но самый трэш начался, когда пляшущие начали снимать с себя элементы одежды. Челюсть у меня потихоньку стала отвисать все ниже и ниже. Вскоре девахи — всех возрастов и разной степени привлекательности — остались совершенно обнаженными. Но даже это не было лимитом трэша на сегодня.

Дамы буквально набросились на мужиков. Они просто подбегали, кто к кому хочет, опрокидывали бедолаг (правда, они как будто бы не были против) на землю, срывали с них одежду и... ну вы поняли.

Я выпал в осадок. Тут ко мне подбежала дама старше меня примерно вдвое и хотела совершить надо мной акт насилия, но я жестко воспротивился.

— Ну уж нет, отвали от меня! — заорал я, вскакивая на ноги. — Я не из вашего племени и в ваших оргиях участвовать не намерен!

Дама огорчилась.

— Оставь чужестранца, — сказала Улла, которая, кстати, уже изнасиловала кого-то там из мужиков.

Тут неожиданно для всех разразилась гроза.

«Сама природа в шоке от происходящего», — подумал я.

Гремел гром, и небо рассекали молнии. Я не успел ничего понять. Только увидел вспышку, которая врезалась в мою грудь, а потом потерял сознание.

Открыв глаза, я увидел потолок хижины. Вроде жив. Вроде цел. В меня что, ударила молния?

— Как себя чувствуешь, чужестранец? — услышал я голос Уллы.

Сев на скамье, я взглянул на нее. Женщина сидела на другой скамье у стола.

— Да живой вроде. В меня попала молния?

— Да. И это был знак.

— Что?

— Мне был явлен знак.

— Какой еще знак? — тут же занервничал я, не зная, что ожидать от этих чокнутых.

— Я долго ждала его. Того человека, на которого мне укажут. И вот дождалась. Молния не напрасно попала именно в тебя.

— О чем вы говорите? Я ничего не понимаю!

— Я давно искала себе мужа.

— Чтоооо? — Глаза у меня округлились от ужаса и очередного шока. — И вы думаете, что я подхожу на эту роль?

— Конечно. Знакам надо верить.

Да она что — прикалывается? Я поглядел в глаза вождя — самые серьезные глаза, какие только могут быть. Так что нет, не прикалывается.

— А мое согласие вам случаем не требуется? — не сдержал я сарказма.

— Ты не можешь противиться знаку. — Она встала и направилась к двери. — И моей воле.

Ко мне в хижину вошли четыре мужика. Дело было следующим утром. Все на одно лицо для меня — смуглые, черноглазые, с высокими скулами.

— Пойдем с нами. Ты должен пройти испытание, — сказал один.

— Какое еще испытание? Никуда я не пойду.

— Испытание, которое докажет, достоин ли ты стать мужем нашего вождя, достоин ли стать одним из нас.

— Зачем мне становиться одним из вас?

— Так ведь мы тоже удостоились чести быть мужьями великой Уллы.

— Таааак... — выдохнул я, пытаясь понять, точно ли верно услышал их слова. — То есть вы все — мужья Уллы?

— Да, чужестранец.

— А я типа должен стать пятым мужем?

— Правильно мыслишь.

— Я отказываюсь от этой... чести.

— Тебя никто не спрашивает. Знакам надо следовать. Воля вождя непоколебима.

— Только не для чужестранца, — отрезал я.

Те просто молча схватили меня за руки и, не обращая внимания на мои сопротивления, вывели из хижины. Пришлось мне согласиться самому идти на испытание, иначе волоком бы потащили. Путь пролегал в глубину леса.

— Зачем туда?

— Убить зверя. Улла не может взять себе в мужья слабака, который не способен победить врага. Так что докажи, что ты достоин той чести, что оказана тебе.

Да ладно??? Опять??? Вот дерьмоооо...

Зверь оказался фэнтезийным. Хотя вряд ли мне было бы легче, окажись он волком или медведем.

Длинное тело, короткая, но жесткая серебристая шерсть, заостренные кверху уши, клыкастая пасть. Он, пожалуй, немного напоминал тигра телосложением и мордой, только длиннее, другой расцветки, с другой шерстью, с другими ушами.

Как только мы набрели на зверя, мне вручили короткое копьё. Четыре муженька Уллы отошли и встали с копьями, направленными на зверя. Только вот помогать мне они явно не собирались — только собственные жизни защищать, коли чего.

Я покружил вместе со зверем, а потом он прыгнул на меня, я упал и кувыркнулся между его лапами. Фууф, пронесло пока. Тигроподобный повторил попытку, я отскочил и ткнул в его бок копьём — неудачно. Не ожидая очередного прыжка на меня, сделал выпад копьём куда-то в морду и... попал! Пробил нижнюю часть челюсти, не сильно, правда. Я был настолько удивлен своим попаданием, что упустил момент, когда зверь опять прыгнул на меня, и на этот раз уложил на лопатки. Не дожидаясь, пока он сомкнет пасть на моем горле, я со всей дури ткнул ему копьём куда-то в лапу. Зверь взвыл, но не отскочил, а, напротив, попытался отгрызть мне часть плоти, но я успел вытащить свой нож, который уже выручал меня в беде, и воткнуть зверю в глаз. Он взвыл еще сильнее, но умудрился клацнуть зубами по моей руке. Она взорвалась болью, я заорал и попытался перекатиться на бок, потому что

тигроподобный заметался, воя от боли.

И тут мой взгляд наткнулся на ключ к Источнику, который валялся рядом со мной на траве. Ох, чуть не потерял! Наверное, выпал из кармана, когда зверь повалил меня. Я схватил ключ и хотел уже вскочить, но тут зубастый враг набросился на меня. Живучий какой! С ножом в глазу, с раной в лапе — вот это боец так боец.

Морда тигроподобного стремительно приближалась к моему лицу, и я не придумал ничего умнее, кроме как упереться руками в его шею. Будто удержать такую тушу смогу.

А дальше случилось такое, что вы мне ни за что не поверите, потому что я и сам себе не верю. В том месте, где квадратная пластина в моей руке коснулась шерсти зверя, та задымилась, а затем резко вспыхнула, уже через миг вся туша тигроподобного была объята пламенем, а еще через несколько мгновений его вой оборвался, потому что бывший зверь осыпался на землю горкой пепла.

Я заворожено перевел взгляд с него на пластину в своей руке. Что-то важное я упустил. Что-то очень важное. Точно! От пластины к туше зверя метнулась крохотная искорка света, вспышки — будто мини-молния. Меня озарила гениальная мысль, и я улыбнулся. Не видать тебе меня в своих мужьях, дорогая Улла, вынужден я отказаться от такой чести. И я тебе докажу, что никакого знака не было. Осталось только надеяться на то, что в головах этих шизанутых людей осталась хоть капля здравомыслия.

Глава 15. К такому меня не готовили!

— Как ты посмел усомниться в правдивости моих слов? — возмущенно напирал на меня Миск Тафкид. — Был знак, и тому есть подтверждение — мое видение! Да, у меня было видение, что именно ты, чужестранец, должен стать супругом нашей великой Уллы.

— Пятым, — вставил я с иронией, но затем спохватился. Откровенно насмеяться над этими поехавшими — себе дороже. — Я могу объяснить, почему удар молнией в меня — это никакой не знак, а всего лишь наука. — Я вытащил из кармана ключ к Источнику. — Видите эту штуку? Она сделана из металла. Молния ударила меня ровно в то место, где я хранил эту вещь — в область груди слева.

— И что ты хочешь этим сказать? — нетерпеливо спросил горе-колдун.

— Молния бьет в металл.

Ой, не подумайте, что я такой неуч, я прекрасно знал, что вероятность того, что молния ударит в такой крохотный предмет — близка к нулю. Но я был почти уверен, что ключ сам притянул к себе заряд вспышки. Возможно, у него свойство такое. Пластинка-то магическая — всякое может быть. Но островитянам должно хватить и более простого объяснения, мои мысли о предполагаемом свойстве ключа им знать вовсе не обязательно. Боялся ли я, что они могут заподозрить в пластине нечто особенное? Почти нет, Руна ведь говорила, что про Источник племени неизвестно.

— Молния бьет в металл... — протянула медленно Улла.

Мы сидели втроем в ее хижине. Женщина-вождь после нашего возвращения из леса похвалила меня за победу над тигроподобным и торжественно сообщила, что теперь я достоин стать ее супругом. Вот уж радость-то какая! И в самых страшных снах о таком «мечтать» не мог!

Кстати, победа над зверем хоть и была в целом чудом для меня и поводом радоваться, но плохую службу она мне тоже сослужила. Многочисленные мужья Уллы, прекрасно видевшие, как хищник за несколько секунд обратился в пепел, взбудораженно сообщили об этом своей жене, и та при поддержке авторитетного мнения колдуна тут же вынесла вердикт, что это еще один мистический знак, говорящий о моем предназначении для Уллы. Мне оставалось только скрипеть зубами от злости и пытаться достучаться до их пустых голов.

Раненую руку мне обложили какими-то листьями и перевязали.

— Ты несешь вздор, чужестранец! — наконец с холодным пренебрежением отчеканила Улла.

— Я говорю правду, — с нажимом произнес я. — Поверьте мне, я изучал науки, мне известен этот факт.

— Тебе не удастся провести нас, Дан. — Улла сурово глядела на меня, говоря это. — Даже если допустить, что ты прав по поводу молнии, твоя необычная победа над зверем говорит о многом — и это даже важнее, чем удар молнии, потому что пройти испытание смог бы лишь тот, кто по-настоящему достоин меня и кто призван стать моим верным спутником по тропам жизни.

Я мысленно закатил глаза и испустил тяжелый вздох.

Дело плохо. Улла всю готовилась к брачной церемонии (со мной, ударь в меня молния, со мной!!!), а меня тщательно охраняли два ее супруга. Женщина посчитала, что два мужика вполне способны меня удержать, если вздумаю творить глупости типа попытки к побегу. А попытки у меня были — целых две. Потом я, наконец, смирился с тем, что это бессмысленная трата энергии, и стал лихорадочно шевелить мозгами, пытаюсь придумать, как их всех обхитрить. Но в конце концов нас всех обхитрила сама жизнь — и меня, и племя. Точнее, жуткая тень смерти, легшая на нас.

Улла заболела. Помимо нее, еще несколько человек в племени. Болезнь имела те же признаки, которые были у Лоры: вначале сильная слабость, лихорадка и сыпь по телу, затем сыпь проходила, но больной начинал кашлять кровью, вскоре после чего умирал. Один из заболевших уже отправился в иной мир.

На четвертый день после того, как Улла заболела, Миск Тафкид зашел ко мне и присел на скамью.

— Наша великая Улла тяжело больна.

— Я очень сожалею об этом.

— Она не желает дожидаться кончины, хочет уйти сама, — печально провозгласил старик.

— В каком смысле — уйти?

— Не ждать, пока смерть придет к ней, а самой отправиться к смерти.

— О! — Я не нашелся, что сказать.

Какие слова могли быть правильными в этой чудовищной ситуации?

— И ты последуешь вместе с ней.

— Куда это? К смерти, что ли? Как тот несчастный Барди?

— Именно так, чужестранец. Супруг не должен оставаться на брэнной земле, когда его супруга блаженствует в лоне матери-земли.

— Да плевать я хотел, что вы там думаете о моей смерти! — повысил я голос. — Я не хочу умирать. И вы меня не заставьте добровольно последовать за Уллой.

— Значит, пойдешь не по своей воле, — спокойно сказал гнусный недо-колдун и ушел.

Для нас с вождем соорудили деревянные носилки и погрузили на них. Улле потому, что сама она уже не в состоянии была двигаться, меня потому, что я отчаянно дергался, пытаюсь вырваться из железной хватки мужей умирающей женщины-вождя.

— А вы тоже последуете за своей любимой в обитель смерти? — иронично спросил я, когда они, наконец-то, затолкали меня на эти сраные носилки рядом с Уллой, которая лежала на них.

— Нет. Женщины нашего племени имеют право жить с несколькими мужьями, но перед встречей с матерью-землей они выбирают себе того мужа, который наиболее угодил ей, — сухо пояснил один из супругов. — Знал бы ты, чужестранец, какая честь тебе выпала, и с какой огромной радостью я бы поменялся с тобой местами.

— Так давай меняться! — вскричал я. — Я только «за»!

— Довольно разговоров... — слабо оборвала нашу беседу Улла, но ее тихие слова были тотчас исполнены, и нас подняли и понесли куда-то в лес. Впрочем, тут и так вокруг был только лес.

Шли мы очень долго, я потерял счет времени. Когда мужья Уллы уставали нести

носилки, их подхватывали другие мужчины племени, и путь продолжался. Вся община сопровождала нас в последний путь, вся община то безутешно рыдала, прощаясь с любимым вождем, то истерически веселилась, все время повторяя, что Улла вскоре вернется в лоно матери-земли и обретет там тьму, что было равнозначно для племени этих чокнутых покою.

Вышли мы в путь на рассвете, а был уже полдень, когда племя остановило ход. Я тут же заозирался по сторонам. В уме я все время прокручивал разные варианты побега, искал лазейку, в которую мог проскочить — пока ничего не находил.

Нас продолжали держать на поднятых носилках. Две женщины подошли к колоссальных размеров дереву с роскошной густой кроной, которая почти целиком закрывала ствол, опускаясь ветвями почти к самой земле. Женщины раздвинули ветви, схватились за кору и... и я едва не свалился с носилок, потрясенный увиденным. Ствол дерева был проемом. Не знаю, как такое возможно, не знаю, не брежу ли я, но я видел, как женщины отодвинули кору дерева, словно дверь, и в стволе теперь зияло огромно отверстие.

— Вход в лоно матери-земли, — торжественно и громко провозгласил Миск Тафкид.

Вся община ручейком потекла внутрь — внутрь, блин! — дерева. Вниз вели каменные ступени. Спуск был долгим — мы оказались в большой пещере.

— В древности здесь смерть забрала многих вождей. Но не через огонь, как других членов племени, а через яд. — Миск Тафкид вытащил из кармана своей накидки две фляги.

Одну протянул Улле, вторую — мне. Я отшатнулся от него.

— Не противься судьбе, мой милый супруг, — улыбнулась мне Улла.

Болезнь оставила ужасный отпечаток на ее внешнем облике, Улла выглядела плохо, но мужественно храбрилась, чтобы не пасть лицом в грязь перед своими верными подданными. Только вот я не считаю самоубийство признаком храбрости, скорее — совершенно провальной попыткой доказать себе, что ты не боишься смерти.

— Я тебе даже супругом не успел стать, отпусти меня, — попросил я, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не опускаться до унижительной мольбы перед чокнутой.

— Раз был явлен знак и ты прошел испытание — значит стал. Испытание куда важнее брачной церемонии. Не страшись, мой милый супруг, следуй моему мужественному примеру. — Улла открыла флягу и...

— Не надо! — Я выбил ее из рук вождя, яд расплескался по полу.

— Мы предполагали, что такое может случиться, — невозмутимо сказал Миск Тафкид и выудил из кармана еще одну флягу. — Держите его!

Мои руки заломили за спину, а Улла, взяв из рук старика вторую флягу, залпом осушила ее.

— Твой черед, мой супруг.

Подлец Миск Тафкид открыл флягу и стал приближаться ко мне. Я что есть силы пнул ногой стоящего сзади мужика, держащего меня за руки. Страх и ярость придали мне сил. Мужик отпустил мои руки. Я перекатился на край носилок и свалился на каменный пол, пребольно ударившись башкой.

— Поднимите его! — приказал лже-колдун. — И откройте ему рот!

Неужели конец? Паника затопила мое сознание. Я упирался лицом в пол и за несколько секунд до того, как меня схватили, увидел прямо под своим взглядом глубокий отпечаток изображения дерева на камне. Точь-в-точь то самое, что на моей пластине!

Я вытащил ее из кармана и приложил к изображению на полу. Не знаю, как успел, все произошло молниеносно! Но нет, не успел: меня схватили сзади и рывком подняли на ноги.

— Откройте ему рот!

Один мужик держал мои руки, второй вцепился в лицо, но тут пол под ногами содрогнулся, и меня от удивления отпустили. Пол снова содрогнулся, на этот раз островитяне уже по-настоящему испугались. А уж когда камень подо мной треснул и разъехался в стороны, разверзая пропасть подо мной, люди и вовсе застыли с выражением смертного ужаса на лице. Меня поглощала темная глубина. А сдвинувшийся с места пол стал сдвигаться обратно, закрывая отверстие над моей головой. Я четко это видел, когда летел в пугающую неизвестность пропасти.

Я пришел в себя довольно болезненно. Тело и башка раскалывались. Разодрав веки, я увидел каменный потолок пещеры. Было светло.

С трудом опираясь на ушибленные руки, я поднялся.

Ого! Я что, попал в сказку?

Свет исходил от Древа-великана. Оно реально было просто громадным — с десятков метров в высоту и метра четыре в ширину. Раскидистые ветви опускались до уровня моего лица. Я видел корни дерева, которые частично проходили по полу, концами уходя вглубь. Ствол был испещрен глубокими бороздами, по которым текло что-то разноцветное. Это сок?

Я с непреодолимым любопытством коснулся одной борозды, по которому переливалось что-то зеленоватое. Пальцы нащупали лишь сухую и твердую кору. Это что, свет течет по бороздам?

С ветвей тоже свисали разноцветные... лучи. Я не могу подобрать для них более точного слова. Они мерцали, освещая тьму вокруг, переливались разными оттенками, то темнели, то светлели, создавая иллюзию чего-то совершенно волшебного. Хотя почему иллюзию? Ведь я находился возле Источника магии, значит, Древо и впрямь волшебное. И кто бы сомневался, что Источник — это Древо?

Несмотря на то, что ситуация была предельно нештучная, я закатил глаза. Иногда все происходящее со мной в этом мире казалось мне грандиозным розыгрышем или остроумной насмешкой.

Как же мне взять дар от дерева? Что я должен сделать, чтобы стать магом?

Словно отвечая на мой вопрос, один из лучей — бело-синего оттенка — замерцал еще ярче. Я должен коснуться его?

Медленно я стал протягивать руку к мерцавшему лучу. Ух, страшновато! Просто сделай это, Дан — будь что будет, путь до этого древа был так труден, безумен и долог.

Дрожащими пальцами я коснулся луча. В первые мгновения он затрепетал, затем стал... втягиваться в меня. Влился в пальцы, пошел вверх к локтю, к плечу, распространился по груди, стал захватывать остальные части моего тела и головы. Я не знаю, как, но я ощущал движение этого пучка света внутри себя. Когда он распространился по всей моей плоти, тело взорвалось болью.

Я упал, как подкошенный. Я чувствовал себя так, будто меня сейчас пытали одновременно всеми орудиями пыток. Я стал болью — стал изнывающим от страдания куском мяса!

Вот мою плоть разрывают на части.

— Ааааааа!

От моего тела отрывали кусок за куском, и меня становилось все меньше и меньше, я

уменьшался, пока не исчез, а затем возродился для новой попытки.

Меня протыкали каленым железом. И моя плоть сгорала участок за участком, сантиметр за сантиметром, и вскоре от меня осталась лишь горсть пепла.

Затем меня казнили на гильотине. И вот я видел, как моя отсеченная голова откатывается в сторону от тела. Но затем я снова стал целым для очередной пытки.

Какая эта по счету? Я устал. Закончите со мной скорее. Я не могу больше.

Но меня еще протыкали тысячью клинками, сдавливали горло так, что я не мог вдохнуть, снова разрывали на части, снова душили... наконец меня оставили в покое. Если эта пустота смерть, то лучше она, чем снова становиться куском боли.

Когда глаза мои открылись, я увидел чистое, ясное небо над головой. В ветвях деревьев гулял ветер. Пели птицы. Я лежал на зеленом мшистом ковре в лесу.

— Что же произошло? — вслух спросил я.

— Ты стал магом.

Чей это голос? Женский. Приятный и ласковый.

— Хочешь знать, кто я?

Я сел и огляделся. Никого.

— Раньше я слышал только голос Руны. Ты, как она?

— Вроде того, — очередная невидимая девица усмехнулась. — Но я могу принять свой человеческий облик, если пожелаешь.

— А у тебя он есть?

— У всех Бессмертных он есть.

— Ну давай, принимай свой облик.

Почти в то же мгновение передо мной возникла... дева неслыханной красоты. Тело, которое могло свести с ума любого мужчину, было облеплено черным платьем. Длинные волосы были чернее самой темной ночи, они волнами спадали до пояса. На бледном лице призывно сияли темные большие глаза. Левую щеку пересекал красивый черный узор, сплетенный из плавно очерченных линий — это была татуировка.

— Ты кто такая?

— Новый Страж Источника.

— Страж Источника?

— Руна не говорила тебе, кто она?

— А куда она подевалась?

— Ее отстранили.

— Что? — удивился я. Стража Источника магии уволили, блин? — Почему?

— Она еще юная Бессмертная, потому совершила кучу ошибок.

— Но с ней все хорошо?

— Конечно. Что станет с Бессмертной? Просто теперь вместо нее я. И я могу тебе пригодиться.

— Да что ты? И почему же?

— Я могу сделать тебя сильнее. — Брюнетка соблазнительно улыбнулась.

— Я и так стал магом, спасибо, мне больше сила не нужна, как-нибудь сам справлюсь.

— Магом-то ты стал, но мои советы тебе все равно пригодятся. Ты ведь из другого мира. Освоиться без помощи в магии будет непросто. К тому же, я имела в виду, что могу

сделать тебя еще сильнее, чем ты есть.

— Кто я есть теперь, кстати? Какой дар я обрел? И кто меня вытащил на поверхность? И что стало с Уллой и остальными островитянами?

— Как много вопросов, мальчик мой.

Я поморщился. Неужто у всех Стражей эта тупая привычка давать слащавые прозвища?

— На поверхность тебя вытащила я. Улла мертва, яд ее убил. Остальные вернулись в общину. Они полагают, что тебя приняло лоно матери-земли в себя. — Брюнетка расхохоталась.

— Почему Руна не могла принять человеческий облик? — внезапно вспомнил я любопытный вопрос.

— Почему же не могла? Могла — не захотела.

— Почему?

— Потому что не столь красива, как я, возможно. — Ее губы снова растянулись в искушающе-призывной улыбке.

— Так что с племенем? Там были смертельно больные.

— Некоторые умерли, есть и новые заболевшие. Эпидемия у них. Только они не ведают, что это, и не знают, как лечить. Возможно, лекарь с королевства справился бы, но доставить его сюда, конечно же, невозможно.

— Они все умрут? — похолодел я от ужаса.

— Не знаю, — равнодушно пожала девушка плечами. — Не беспокойся, ты не заражен. К тому же, я знаю, как можно помочь племени. Ты можешь им помочь.

— Я? Как?

— Своей новообретенной силой, — улыбнулась она еще более ослепительно, чем прежде. — Ведь ты обрел магию созидания.

Глава 16. Созидание и разоблачение

— Магию... чего? Это что же, значит...

— Это значит, что в твоей душе теперь живет созидательная сила, способная восстанавливать разрушенное.

— Хм... информативно.

— Не обольщайся — речь не идет о масштабных вещах: таких, как оживление трупа, например. Но вылечить некоторых дикарей ты сможешь. Должен суметь, — задумчиво добавила... Страж.

— Как тебя зовут?

Я, наконец, поднялся с земли и стал разминать затекшее тело.

— Мист, — выдала она свою фирменную улыбку.

— Почему я смогу вылечить только некоторых дикарей? И почему вообще смогу это сделать? Я, конечно, не спец в магии, но всегда думал, что для лечения кого-то существует отдельный вид магии.

— Так и есть. Лекари, целители, врачеватели — называй, как хочешь — это отдельный пласт магов. Созидательная сила куда обширнее. Она не включает в себя магию целительства, нет, но в некоторых случаях болезней может помочь. Но только в некоторых — в тех, когда тело было подвержено разрушению насильственным путем.

— Ты о чем это? Ведь в племени эпидемия. Какое еще насилие?

— Ох, Дан, какой же ты наивный. — Мист снисходительно улыбнулась. — Их ложный маг не так прост, как кажется.

— Ты хочешь сказать, что Миск Тафкид отравил собственных соплеменников?

— Именно это я и хочу сказать.

— Откуда ты знаешь? — с сомнением спросил я.

Мне, конечно, не нравился старик, он был с поехавшей башней, как и все тут, но чтобы подозревать его в таком вероломстве — мне такое в голову не приходило.

— Я сама видела, как он мешал яды, как он потихоньку подливал их людям. Не веришь? А ты поговори с ним. Поверь мне, он трус, не станет отпираться, если к стенке прижмешь. Припугни его, ведь ты теперь настоящий маг, в отличие от старика-пустозвона.

— Но зачем ему травить собственное племя?

— Не все, только небольшую часть, чтобы потом всем дать противоядие и торжественно объявить о своем могуществе и избранности. Понимаешь ли, Дан, лже-колдун тихо ненавидел Уллу и вообще всех женщин, которые верховодили мужчинами в их племени. Старику не нравится подчиняться, не нравится быть на вторых ролях. В свое время ему удалось обманом, хитростью и уловками заработать себе репутацию мудреца и одаренного, но лидерами все равно всегда были женщины. Миск... как ты сказал, его зовут? Неважно. В общем, этот старик хотел свергнуть женскую власть в племени и забрать звание вождя себе. Он отравил и некоторых мужчин, но все же по большей части тех женщин, которые могли стать вождями после гибели Уллы. Остальные, как стадо послушных и покорно блеющих овец, не стали бы противиться становлению старика вождем. Конечно, некоторые могли возроптать, многие были бы в сомнениях, но все же тот факт, что самозванный колдун якобы вылечил людей и спас все племя от верной гибели, стал бы решающим. К тому же, старик непременно объявил бы, что его власть одобрена самой матерью-землей.

Я слушал и хмурился все больше. Я не был за то, чтобы рулили женщины: мне совсем не понравилось то, что они насиловали мужиков, устраивая оргии, брали себе нескольких мужей, забирали тех с собой в могилу раньше времени. Я был за равенство, все же из двадцать первого века ведь сюда явился. Не нравилось мне не то, что Миск Тафкид задумал свергнуть женское иго, а то, какими способами он пытался этого добиться. И теперь, когда я знаю правду, я должен его остановить.

— Но как? — вслух спросил я, нервно прохаживаясь взад-вперед. — Как же мне его остановить?

— Ты знаешь, — она обнажила ровные белоснежные зубы, хищно улыбаясь.

— Предлагаешь убить его?

— А ты видишь другой вариант? Нет, вообще-то говоря, проще просто свалить из этого острова. Мне вообще без разницы. Думаешь, эти дикари стоят того времени и сил, которые ты хочешь на них потратить?

— Да, стоят. Признаюсь, я не испытываю к тем, кто намеревался меня убить и едва не сделал это, горячей симпатии, но они — люди. И я должен им помочь. — Непреклонно посмотрел я ей в глаза. — И вообще, ты же сама сказала, что я могу вылечить их. Чего теперь заднюю даешь?

— Я сказала, что ты можешь вылечить их потому, что ты переживаешь за них, мне хотелось тебя утешить и дать понять, насколько ты теперь силен.

— И насколько же?

— Очень силен. Нет, не то чтобы ты великий маг, не заблуждайся на этот счет. Но все же чуть повыше среднего уровня.

— Руна говорила, что моя душа способна вместить лишь средненький дар.

— Она ошиблась. Руна была юным Стражем с малым опытом. Она не увидела в тебе тот потенциал, что разглядела я.

— Как мог Страж Источника ошибиться, если его прямая обязанность — раздавать магию всем, кто способен ее принять? Разве ее подобные ошибки не могли оказаться роковыми? Что, если бы она одарила кого-то не той магией, какой надо?

— Нет-нет, — махнула рукой Мист. — Ты меня неверно понял. Руна прекрасно видела, какой дар положен тому или иному человеку, но только если тот из этого мира. Ты ведь не отсюда. С тобой все куда сложнее и запутаннее. Так что ее ошибка вполне простительна. В отличие от всего того, что она натворила, связавшись с тобой.

— Давай-ка поподробнее с этого места. — Я остановился прямо напротив девушки и выжидающе заглянул в глаза.

— Дан, ты только не психуй. Я уже успела немного узнать твой характер, поэтому вначале не хотела тебе говорить про это...

— Так, стоп! Узнать мой характер? Когда это?

— Следила за тобой, — без зазрения совести заявила Мист.

— Зачем?

— К этому мы еще вернемся позже. Давай все обсудим по порядку.

— Хорошо. Рассказывай про Руну.

— Да что там рассказывать... Она нарушила кучу законов Бессмертных: помогала тебе сто раз, вмешивалась в людские дела — опять-таки, вытаскивая твою задницу из всякого дерьма. Но самое чудовищное, что она сделала и из-за чего ей теперь никогда снова не стать Стражем Источника — это то, что она указала тебе путь к этому самому Источнику. Это

строжайше запрещено. Смертные не имеют права видеть Источник и уж тем более не имеют права самостоятельно забирать его дары.

Я со стоном схватился за голову и упал на колени.

— Так ее наказали по моей вине?

— Нет, из-за ее собственной глупости и недалёковидности.

— Но почему она помогала мне, если знала, что нарушает законы? Или не знала?

— Знала, конечно, но не предполагала, что наказание может зайти так далеко.

Надеялась вылезти сухой из воды, глупышка наивная.

— Зачем же она помогала мне, дура... — сокрушенно повторил я, сжимая кулаки и до боли впиваясь в них ногтями.

— Влюбилась, может, дурочка такая, — совсем как девчонка хихикнула Мист.

— Ты это серьезно сейчас? — удивленно поднял я на нее взгляд.

— Без понятия, Дан. Руна мне не подружка. Просто нелепое предположение. Но все это не важно. Не волнуйся ты так, ничего с твоей Руной не случится. Ты лучше подумай, что дальше делать будешь. Про лже-колдуна я тебе все-таки предлагаю подумать — убрать его, и нет проблемы. Если в живых оставишь, он снова что-нибудь придумает, когда ты отчалишь от острова.

— Ты права, конечно.

— Тогда почему ты не хочешь его убивать? Забыл, что старик по локоть в крови? — беспощадно привела Мист железный аргумент в пользу своих слов.

— Не забыл. И не собираюсь оставлять его безнаказанным. Но убивать старика я не вправе. — Я уже принял решение, обдумал его еще раз и озвучил: — Открою правду местным о нем, и пусть судят его сами.

— О, Дан, да ты куда более жесток и кровожаден, чем пытаешься казаться, — расхохоталась Мист. — Они же линчуют старика. Но так даже лучше — получит по заслугам, лжец и лицемер проклятый.

— А теперь рассказывай, как мне лечить людей.

— Влить в них силу восстановления, которая находится внутри тебя.

— Отличное объяснение, — начал я закипать. — Как это сделать?

— Тебе нужен опыт, Дан. Нужны тренировки. Ты должен научиться чувствовать свой дар и управлять им. Иди сюда. — Мист присела на землю.

Я подошел и опустился рядом.

— Видишь? — Она раздвинула изящными пальцами примятые травинки, и я увидел крохотный, растоптанный цветок алого цвета. — Протяни руки, попробуй создать в ладонях тот пучок света, который ты видел в Древе и который вошел в тебя. Сотвори этот пучок света в мыслях — и попробуй мысленным взором, силой разума воплотить его в собственных ладонях.

— Уму непостижимо, что за дичь я собираюсь сделать... — пробормотал я, а затем попытался сосредоточиться.

Для удобства закрыл глаза. Попытался отогнать лишние мысли, целой стайкой говорливых птичек поющих в моей голове. Так, Дан, соберись! Пучок света, луч, как я его тогда назвал. Я вообразил бело-синий луч, попытался взглянуть в него мысленно, увидеть его как можно четче. Затем вообразил то же самое уже с открытыми глазами и представил, будто сдвигаю пучок света к своим ладоням. Не выходит!

— Проклятье!

— Спокойно, Дан, с первого раза и не должно получаться. Ты же только-только обрел свой дар, наберись терпения, — успокоила меня Мист.

Я еще с десятков раз повторил свои умозрительные манипуляции.

— Да что ж такое! Не думал, что это окажется так сложно! — Я уже весь вспотел от напряжения и устал воображать то, что никак не желало появляться в моих ладонях.

— Пробуй еще, — безжалостно отчеканила девушка.

Я закрыл глаза и сконцентрировался настолько, насколько мог в этой дикой ситуации. Напомнил себе, что от моего успеха могут зависеть жизни людей. И это помогло! Пучок света, когда я открыл глаза, слабенько, но явно мерцал сине-белым у меня в ладонях.

— Да ладно, у меня реально получилось? — даже не сразу поверил я от счастья.

— Молодец, Дан. Теперь направь свет в цветок.

Я приблизил ладони как можно ближе к цветку и взглядом велел лучу перейти на цветок. Получилось со второго раза — пучок света медленно и плавно поплыл к цветку, а затем просто растворился в нем. Несколько секунд ничего не происходило, затем цветок распрямился, лепестки его распустились и будто стали ярче. Цветок выглядел так, словно выбрался из почвы только что. Я был в шоке. Нет, не так — я был сражен наповал.

— Это что, я сделал?!

— Ты, Дан, — улыбнулась довольно Мист.

Но ее довольство и рядом не стояло с моей радостью... нет, не так — с моей эйфорией, с моим экстазом. Я — маг?! Охренеть! Охренеть, как это странно и охренеть, как это круто!

— Хочу еще! — заявил я, улыбаясь, как debil.

— Успеешь еще натренироваться. Не хочешь вернуться в племя и указать лже-магу на его место?

— Да, ты права. Надо возвращаться, пока он там всех не прикончил. Мне же надо лечить людей, Мист! — При воспоминании об умирающих прежней радости как не бывало. — Это делается так же, как с цветком?

— Ээ, нет, Дан. Точнее, да, но не обольщайся, что будет так же легко — силы нужно куда больше. Люди — это тебе не растения. Ты сумел создать пучок света, но крохотный и слабый. Нужно больше силы вкладывать, иначе никого не вылечишь.

— И как мне этого добиться быстрее? Ведь люди умирают!

— Только тренировками. Пошли давай в общину. Надо старика остановить, пока еще кого не отравил.

Мы двинулись в путь.

— Мист, зачем ты мне помогаешь? Тебя разве тоже не могут отстранить от Источника, если будешь вмешиваться в людские дела?

— Нет, Дан, ты теперь маг, и я имею право просто общаться с тобой. А помогаю я тебе ровно столько, сколько безопасно для меня самой.

— И все же — это странно. Какую цель ты преследуешь, Мист?

Не то, чтобы этот вопрос не возник у меня раньше, но я его откладывал, потому что надо было обдумать более важные на тот момент вещи.

— Мне просто любопытно, Дан. Хочешь, верь, хочешь, нет, но ты из другого мира — и мне любопытно, какой путь тебя ожидает в этом.

Я не стал продолжать допрос, хоть и не поверил ей на сто процентов. Потом разберусь. Сейчас главное — вылечить племя.

— А что ты говорила про то, что можешь сделать меня еще сильнее?

— Могу. Ты, Дан, даже не представляешь, насколько ты уникален для этого мира.

— Да ладно? — скептически спросил я. — Руна говорила обратное, и я склонен ей верить.

— Руна несмышленное дитя в сравнении со мной, — даже немного обиделась Мист. — С моим опытом и знаниями я куда выше ее.

— Сколько тебе лет?

— Тебе достаточно знать, что очень много, мальчик мой.

— Так как же ты можешь мне помочь? И чем это я, по-твоему, уникален?

— Тем, что можешь вместить в свою душу еще один дар.

— Лжешь! — Я даже остановился, услышав эту дичь.

— Не лгу! — отчеканила девушка, в упор глядя на меня.

— Откуда ты знаешь? И почему тогда в Источнике сильнее других мерцал лишь один луч? Ведь мерцание означало, что он предназначен мне, верно?

— Верно. Я не знаю ответа, Дан. Но я, как Страж Источника, точно знаю, что тебе подвластен еще один вид магии. И я могу наделить тебя ею.

— Сомнительно все это...

— Не хочешь — не верь. Глупец.

— А ты мутная и подозрительная. С какой стати я должен доверять тебе?

— Стражи Источника не лжецы, Дан.

— Обсудим это позже. Что стало с ключом от Источника? Его больше нет при мне.

— Он вернулся туда, где и должен быть, после того, как ты им воспользовался. К Бессмертным.

— Ты сказала, что людям запрещено приближаться к Источнику. Эти ваши Бессмертные не превратят меня случайно в лепешку кровавую за то, что я нарушил этот закон?

— Не превратят. Они были в ярости, но ты — маг, а Источник не может, просто по своей сути не может отказать в даре тому, кто был рожден, чтобы стать магом.

— И на том спасибо, а то как-то задолбался уже оттого, что все, кому не лень, пытаются меня угробить.

— То ли еще будет, — усмехнулась Мист. — И вот поэтому ты должен принять в себя второй дар — с ним не пропадешь.

— Какой это дар? — Хоть мне вся эта тема со вторым даром и казалась подозрительной, мне все же было дико любопытно.

— Давай обсудим это позже, сам же предлагал. Сейчас твоя ближайшая цель — старик.

Когда мы добрались до общины, был уже вечер. Несколько раз мы останавливались на привал, чтобы я потренировался создавать в ладонях пучок света. Во второй раз опять долго не получалось, а вот в третий раз успехом увенчалась уже вторая попытка. А потом и вовсе с первого раза стало получаться. Правда, лучик все еще был крохотным и мерцал слабенько. Мист вернулась в свой невидимый образ, потому что Бессмертные, по ее словам, не особо-то привыкли разгуливать среди людей, хотя такое возможно и в общем-то иногда допускается.

Я пошел напрямик к костру, вокруг которого сидели мужики и плясали дамы. Опять оргиастические проводы умерших к матери-земле? Вот задолбали со своей дичью, честное слово!

Когда в поле зрения островитян появился я, пляски прекратились. Наступила гробовая тишина.

— Ты, — Миск Тафкид поднялся с земли и ткнул в меня длинным тощим пальцем, — посмел явиться после того, что сделал?

— А что я сделал? — спросил я с вызовом. — Не захотел умирать?

— Не знаю, что за фокус ты там применил, но если у тебя хватило глупости явиться сюда... Взять его! — крикнул старик.

Я, не мешкая, вытянул перед собой ладони и, сконцентрировавшись на них, соткал взглядом мерцающий пучок. Увидев это, мужики, двинувшиеся ко мне, чтобы схватить, остановились, как вкопанные. Другие островитяне выглядели не менее потрясенными. Более того — лица всех сковал тот самый смертный ужас, который был, когда они увидели пол подо мной в пещере разверзающимся.

— Во мне пробудился магический дар, — громко заявил я, слегка подняв ладони кверху и демонстрируя всем мерцание в них. — Я — маг. А вот этот человек, — я опустил ладони и пальцем указал на лже-мага, — не маг вовсе, он все это время притворялся и водил вас за нос. Но самое чудовищное, что сотворил этот человек — он травил вас! Он подливал вам какой-то яд, отчего ваши соплеменники заболели и умирали. Миск Тафкид убил Лору и Уллу! Он отравил и других! Он задумал подлостью заполучить себе место вождя в племени!

Минуту висела гробовая тишина. А затем община взорвалась: ор, ругань, проклятия срывались с уст людей. Кто-то был в ужасе, кто-то не поверил, кто-то предлагал лже-колдуна тут же разорвать на куски.

— Вы верите этому чужестранцу? — возопил Миск Тафкид, обращаясь к разъяренной толпе. Вы, мои соплеменники, моя семья, мои друзья, верите этому негодяю, прибывшему с дальних, чужих земель? Друзья мои, я столько лет отдал на то, чтобы верой и правдой служить вам! Не думаете ли вы, что откровенная и нелепая ложь этого подлеца смутит меня?

— Просто обыщите его хижину! — крикнул я, не теряя ни секунды, которые могли стать решающими для меня или старика.

Мои слова возымели нужный эффект. Толпа ринулась к хижине старика, который замахал руками, завопил, как резаный, о том, что на все племя обрушатся все кары матери-земли, если они сейчас же не остановятся.

Я остался стоять на месте. Долго ждать не пришлось. Вскоре взбешенная толпа вернулась к костру. В руках несколько женщин несли склянки с мутной жидкостью.

— Это лекарственные отвары! — чуть ли не завизжал Миск Тафкид. — Никакой там не яд! Это лечебные отвары! Верните их на место, они пригодятся, когда необходимо будет лечить кого-то от простуды.

— Держите его, — велела одна из женщин, и тут же старика схватили стоящие поблизости мужчины, скрутили ему руки за спину. — И откройте ему рот.

— Нет! — заорал старик.

— Если это лекарство, пей же, Миск Тафкид — и мы тогда уверимся в том, что ты говоришь правду. А если нет — ты испытываешь на себе всю силу нашего гнева. — Женщина влила в рот сопротивляющегося старика мутную жидкость.

Глава 17. Из презренного в великого мудреца

Плохо ложному магу стало утром. Симптомы были те же самые, что и у других заболевших. Островитяне, как только узнали об этом, страшно взъярились. Все-таки до этого у большинства из них оставались серьезные сомнения, потому что они давно знали Миск Тафкида, в отличие от чужака-меня, которому не доверяли и которого считали странным и неправильным (ну разумеется, я же не разделяю их диких взглядов на мир!).

Некоторые из племени предложили удавить старика (это считалось у них позорной смертью, в отличие от сожжения на костре), но женщина, которая теперь временно (до совета, на котором должно было решиться, кто станет новым вождем) верховодила общиной, твердо заявила, что отравитель умрет своей смертью — в таких же муках, в каких умирали отравленные им соплеменники. Но кто-то из семьи заболевших все-таки нарушил приказ временного вождя и ворвался к старику, чтобы ускорить его отход из этого мира. Не успел он отомстить за свою семью: увидели его и оттащили от Миск Тафкида. Я виделся с ним один раз: убийца умолял пощадить его и помочь ему сбежать. Я, не ответив, покинул его хижину.

Я чувствовал себя подавленным из-за этой ситуации. Было ли мне жаль старика? Иногда — да, но тут же я вспоминал отравленных и убитых им людей, вспоминал, что убитым мог оказаться и ребенок — и сострадание сменялось яростью.

Следующие пару дней после возвращения в общину я проводил за неустанными тренировками. К моему облегчению, никто меня не трогал и не досаждал мне: после разоблачения с моей подачи лже-мага отношение островитян ко мне заметно улучшилось. Я часами сидел в хижине, создавал в ладонях пучок света, пытался его увеличить по размеру и по яркости, но ничего не выходило. То, что сам процесс его создания был доведен до автоматизма и теперь давался мне легко, радовало, но мысль, что скоро отравленные люди перемрут, если я не помогу им, ввергала в отчаяние.

Вот и сейчас я сидел и с упорством барана смотрел на мерцающий свет в ладонях, пытаюсь заставить его силой мысли и взгляда расшириться.

— Тебе нужен толчок, — сказала Мист, материализовавшись из воздуха.

Я вздрогнул от неожиданности.

— Никогда так не делай!

— Извини. Вы, смертные, такие неженки.

Мист куда-то исчезла на эти два дня, я даже не особо верил, что она вернется.

— О чем так сосредоточенно думаешь, Дан? — спросила брюнетка, присаживаясь рядом почти вплотную ко мне.

— А ты разве мысли мои не читаешь? — спросил я в свою очередь, косясь на ее бюст, которым она бесстыдно касалась моего плеча.

— Вот прямо сейчас? — хитро прищурилась она.

— Вообще. — Я решил не поддаваться на дешевые уловки флирта.

— Нет, не читаю, не у всех Бессмертных есть эта способность.

— А Руна читает, — в очередной раз вспомнил я бывшего Стража — и в очередной раз ощутил чувство какой-то... потери, что ли. — Правда, меня бесила эта ее манера. Что ты там говорила про толчок?

— Кризисные ситуации и интенсивные эмоции зачастую способствуют пробуждению

или развитию дара. Предполагаю, если тебе устроить хорошенькую встряску, ты сможешь продвинуться в своем развитии.

— О какой встряске речь?

— Если уверен, что хочешь попробовать, вставай и иди сюда. — Мист встала, улыбаясь и протягивая мне руку.

Ох, что-то мне совершенно не по душе эта ее улыбка.

Я поднялся.

— Закрой глаза.

Повиновался.

Прошла минута или около того. Я ощущал все это время что-то странное вокруг себя... сгущение воздуха, может? Что-то густое словно обволакивало меня, скользило по мне и тянуло куда-то. Я едва поборол искушение раньше времени открыть глаза.

— Смотри, — наконец скомандовала девушка.

Я распахнул веки. То, что я увидел, казалось то ли сном, то ли наркоманской фантазией, то ли бредом безумца, то ли вырезкой из фильма ужасов. Уж не знаю, какой из этих вариантов наиболее подходящий. Меня будто погрузили в воплощение абсурда.

Небо этого места — мира? реальности? иллюзии? — было сплошь затянуто густыми тучами. Тучи были столь темны, что казались почти черными. Ни единый луч солнца не пробивался сквозь них. Светло, как днем, не было, но видимость все же была хорошая. Из-за деревьев. Да-да, дело снова в них.

Деревья здесь были донельзя странными (но меня разве уже удивишь этим?). Эти гиганты словно страшные великаны взирали на нас и будто следили за происходящим. По бороздам их коры переливалось нечто кроваво-красное. Крона почти почернела, листья не были зелеными, они были либо темными, либо отсутствовали вовсе на засохших деревьях. Впрочем, все они выглядели... мертвыми. Более точно и не скажешь.

В листве некоторых деревьев сидели какие-то совершенно безобразные птицы с топорщащимися перьями, острыми длинными клювами и темной окраской. Вороны в сравнении с ними просто милахи.

Травы не было. Мы стояли на голой, выжженной степи.

— Советую тебе вытащить твой меч, — шепнула Мист, а затем... исчезла.

Я, думая, когда начинать паниковать, вытащил свой ржавый меч — и вовремя. Почти мгновенно после этого в нескольких шагах передо мной возник... точнее, возникли очертания какой-то непонятной хрени. Оно словно бы состояло из тумана — темного, переливающегося несколькими оттенками, начиная от темно-серого, заканчивая абсолютно черным. Это нечто имело фигуру, похожую на человеческую, но человеком это нечто никак не могло быть. Вместо пальцев на туманных руках чудовища были длинные туманные щупальца, вместо головы — как будто дымящийся клубок тьмы, на котором поблескивали красные глаза без зрачков. Когда оно издало холодящий душу вой, мне показалось, будто по моим ушам прошлись ультразвуком. Я чуть не выронил меч, чтобы заткнуть уши, но вовремя спохватился и сжал его крепче в обеих руках. Эх, как же сожалею, что в прежней жизни не увлекался фехтованием.

Оно поплыло ко мне с молниеносной скоростью. Я тут же сделал выпад мечом, и острое проникло в тварь так, как нож проникает в подтаявшее масло. Монстр слегка

дернулся, но хрен туман убьешь ржавым человеческим мечом — это я, конечно, понимал все это время. Но зачем же тогда Мист велела вытащить оружие?

Оно снова кинулось ко мне, огибая с боку, я развернулся, но туманное нечто было быстрее, и оно коснулось моего плеча своими щупальцами. Плечо тут же обдало... диким, просто невыразимым холодом. Я отшатнулся в сторону. Тварь стала подплывать снова. Разворот к ней, выпад мечом, прошелся по ее щупальцам, те рассеялись на миг по воздуху, но затем снова собрались воедино.

— Используй дар, — услышал я голос Мист.

Как? Как мне, по-твоему, дрянная ты девица, использовать дар, если я подумать не успеваю, а это чудовище уже оказывается возле меня?!

Но я все-таки прислушался к ее совету.

Выкинул меч в сторону. Концентрация (непросто это, когда на тебя плывет по воздуху нечто чудовищно-противоестественное), пучок света в ладонях и буквально бросаю его на монстра. И свет... попал в него! Чудовище дернулось, но увернуться не успело: пучок света попал прямо в грудь твари. «Раненое» место зашипело, темный дым сначала сгустился до предельной черноты, затем рассосался, оставляя в облике монстра дыру, сквозь которую я теперь мог лицезреть пейзаж. Но этого было недостаточно. Оно так и осталось висеть в воздухе, а через миг снова поплыло ко мне. Я тут же создал в ладонях еще один комочек света и кинул в противника. Тот увернулся на этот раз. Повторил все в третий раз, но кинуть не успел, монстр меня настиг. Он бы буквально впечатался в меня, если бы состоял из плоти. А так оно коснулось меня, и тут же меня проморозило до костей — не буквально, но ощущения были такие, будто ледяные щупальца проникли в самые мои внутренности. Тварь напирала, на секунду я подумал, что сейчас пройдет сквозь меня, но нет — ее тело, состоящее из сгустившегося тумана, облепляло меня, как будто заворачивая в кокон. Я ужаснулся, паника накатила волной. Это ладно умереть, попав под машину, или в шахтах, или еще от какой естественной причины... но чтобы тебя убило нечто... ирреальное — мне стало дико не по себе от этой мысли.

Монстр свалил меня с ног, я не мог шевельнуться, извивающиеся щупальца сжимали в смертельное кольцо мое тело.

— Мист, помоги... — прохрипел я, начиная задыхаться.

Я пришел в себя уже в хижине. Мист сидела рядом на скамье, где я лежал.

— Что это было? — спросил я, с тревогой ощупывая горло — мне казалось, что на нем до сих пор ощущается ледяное прикосновение иррациональной твари.

— Это была иллюзия. Я ее наслала на тебя.

— Что? — заорал я, вскакивая. — Охренела совсем? Я чуть не помер в этих щупальцах!

— Это была иллюзия, Дан, ты бы не умер. Я просто хотела тебе помочь развить дар, но пока не получилось. Даже ужас смерти не толкнул тебя к развитию. Кстати, меч я тебе велела достать не просто так: думала, додумаешься, что его можно облечь в собственную силу созидания.

— Вот уж извините, не додумался! Как-то не до генерации идей было в тот момент, — ярился я.

— Дан, не психуй. — Мист поглядела на меня, как на умственно отсталого.

— Вот уж спасибо за помощь такую, — все еще сердито проговорил я, садясь. — И что

теперь делать?

— Ждать. Дар обязательно разовьется. Продолжай тренировки.

— Но люди умрут раньше, чем я научусь их лечить!

— Да, умрут, — холодно бросила Мист. — И тут уж я ничем не могу тебе помочь.

В этот момент в хижину постучались. Мист тут же исчезла.

— Войдите.

Дверь распахнулась, и вошла женщина-временный вождь — Нанна.

— Пришлась сообщить, что Отама умирает, чужестранец. Ты ведь маг, ты не можешь ей помочь?

— Я хотел, — кивнул я. — Но боюсь, моих сил пока недостаточно. Остальные больные как?

— Пока держатся.

— Веди к Отаме. Я попробую что-нибудь сделать.

Нанна повела меня в одну из хижин. Там лежала умирающая. Выглядела она еще хуже, чем Улла перед смертью. Грязные спутанные волосы разметались по скамье, лицо, покрытое сыпью, высохло так, что видны были кости. Тремор рук бросался в глаза даже с порога.

Я подошел к больной. Я помнил эту женщину — лет тридцати-тридцати пяти на вид была. Но теперь ей можно была дать на десяток лет больше.

Выставив ладони перед собой, я создал в них пучок света. Медленно поднес руки к голове женщины. Глаза ее заметались в ужасе, но отшатнуться сил не было. Свет с моих рук плавно перетек в голову больной. Ничего не происходило.

— Ты ничем не сможешь ей, Дан, — услышал я голос Мист. — Для нее слишком поздно. Ты всего лишь маг, а не вытаскивающий тех, кто одной ногой стоит в могиле.

— Я не могу вам помочь, простите... — выдохнул я и убежал из хижины.

— Ты должен научиться не только созидать, но и чувствовать разрушение, — вещала мне Мист поздним вечером в хижине. — Той женщине было поздно помогать, потому что распад внутри ее тела стал слишком глубоким. Ты не настолько могущественен, чтобы останавливать смерть, а смерть уже протянула к больной свою жадную длань.

— Как чувствовать разрушение?

— Сложно объяснить. Однажды ты поймешь. Почувствуешь — и поймешь, что это оно.

— Завтра пойдешь со мной по больным и будешь говорить мне, кому их них я еще могу помочь, — сказал я и лег спать.

— С каких это пор я у тебя девочка на побегушках? — язвительно поинтересовалась Мист.

— Я думал, ты хочешь помочь.

— Так и есть. Но не смей говорить со мной в такой манере, мальчик мой. — Она под села на край моего ложа и провела рукой по шее, скользя все ниже под рубашку.

— Ты что делаешь? — убрал я ее руку.

— Я тебе разве не нравлюсь?

— Что? — я даже поперхнулся от удивления. — Ты что, серьезно? Предлагаешь мне... себя? Это слишком мелко для Бессмертной. Иди спать, Мист.

— Бессмертные не спят, дурень, — сказала она, но все же исчезла.

Следующий день был днем обхода больных. Их, не считая Отамы, было еще шесть человек. Двоим уже не помочь, а в остальных разрушение не достигло той точки, когда помогать бывает поздно. Так сказала Мист.

Я впустил со своих ладоней пучок света в голову одному пожилому мужчине, но этого было недостаточно. Энергия необходима была более сильная. Я упрямо пытался и пытался, пока деду это не надоело, и он не прогнал меня прочь от себя.

С остальными я пытался столь же упорно, но результат не стал лучше. Островитяне стали смотреть на меня с откровенным презрением.

Вечером, когда я сидел в хижине и предавался унынию, ко мне ворвался юнец и крикнул:

— Малька укусила ядовитая змея!

Я побежал за юнцом. Мальк был мальчуганом лет десяти — Агнар выглядел ненамного его старше. Пацан лежал на земле и корчился в судорогах. Рядом рыдала его мать.

Я рухнул на колени рядом с мальчишкой и взял за укушенную руку, на которой алело красное пятно. Затем применил свой дар, но мерцание в ладонях было таким же слабым.

Позволить умереть ребенку?!

— Могу ли я ему помочь? — спросил я, зная, что Мист где-то рядом и слышит.

— Можешь. Яд смертелен, но действие его очень замедленное, и он еще не успел распространиться по телу.

Я уперто стиснул зубы и начал заново. Концентрация, свет. Тот же жалкий комочек, едва мерцающий во тьме ночи. Ну же! Ребенок может погибнуть! Давай, сука!

Пацан задергался в конвульсиях еще сильнее. Холод пробежал по моей спине. И тут произошло чудо. Мерцание в ладонях стало ярче, пучок расширился и уже не умещался в ладонях. Я, боясь своим дыханием спугнуть это чудо, приблизил ладони к руке мальчика, и мерцание перетекло в ранку. Прошло несколько секунд, минута, две, пять... и судороги прекратились. Пацан стал дышать спокойно и ровно.

— Неужели... помогло? — спросил я, обращаясь к Мист.

— Помогло, — ответила она, и в ее словах прозвучала улыбка.

— Тебе лучше знать, маг, — сказала Нанна.

Мать пацана, все это время сидевшая ни жива ни мертва, кинулась ко мне на шею и едва не задушила в порыве благодарности.

На следующий день я вылечил четверых из тех, кто был отравлен лже-магом. Кстати, сам он с каждым днем становился все ближе к могиле.

Да, я смог повторить те же манипуляции, которые проделал с мальчиком, и с остальными. Пацан был на ногах уже рано утром, а вот на полную поправку жертв Миск Тафкида ушло чуть больше времени.

Настал самый счастливый день моего пребывания на этом чокнутом острове: во-первых, я убедился, что мои «пациенты» в полном порядке (местные теперь глядели на меня с благоговейным ужасом), во-вторых, настал день моего отплытия обратно в королевство.

Провожали меня всей общиной. Мы стояли на берегу моря и ожидали прибытия корабля.

— Может, останешься и займешь место Миск Тафкида? — на полном серьезе спросила

Нанна.

— Спасибо, но не могу, — ответил я, стараясь скрыть радость в голосе, чтобы не обидеть женщину. — Мой дом не здесь.

— Понимаю, — кивнула она. — Прости нас, чужестранец, мы едва не погубили тебя, но пойми — мы не желали тебе зла.

— Да чего уж там, — махнул я рукой. — Прощаю.

— Мы все убедились в том, что ты великий мудрец, — продолжила Нанна. — Ты не удостоишь нас напоследок своими советами?

— Да какой я муд... — Я запнулся, а затем сделал суровое лицо и сказал: — Отправлять мужей вслед за умирающими женами — это большое зло, Нанна. Никто не вправе отнимать чужую жизнь.

— Но как же так? — У нее глаза расширились на пол лица от удивления. — Супруг не может быть счастлив, когда...

— Да-да, я помню, но поверь, Нанна, так вы губите свои души. Ты спросила совета, я его дал. И еще: женщина должна иметь лишь одного мужа, а мужчина — одну жену.

— Что ты такое говоришь, чужестранец? — замахала руками Нанна. — Наши предки проклянут нас за такие пороки.

— Ты спросила — я сказал, — строго ответил я.

А затем увидел вдали корабль. Камень, висевший на моей шее очень давно, свалился, и мне стало легко и свободно. Неужто я пережил это лютое безумие? Блин, расскажи я кому на Земле про все эти вещи — в дурку бы запихнули.

Глава 18. Торговля, местные трущобы, бордель и сделка

Две недели мне предстояло быть в море. С капитаном корабля я по подсказке Руны свое возвращение в Коронам обговорил заранее, поэтому с этим проблем не возникло. Два золотых, которые надо было заплатить за место в каюте, Руна мне тоже тогда предоставила — обокрав кого-то, и мне очень хотелось навсегда забыть этот эпизод своей жизни.

Эти два золотых, к счастью, уцелели на острове — никто их не стащил, я их не потерял, они все время лежали в одном из внутренних карманов плаща, который я благоразумно зашил на всякий случай.

Теперь двух золотых нет, и я снова нищевод. Без имени, без дома, без работы, без средств к существованию. На ближайшие две недели хотя бы пропитанием и ночлегом обеспечен — и на том спасибо. Но необходимо было уже начинать разрабатывать план, как и на что жить дальше.

Я должен отыскать и вытащить из рабства Агнара. Но я не смогу ничего сделать, пока не встану на ноги. И еще мне надо срочно встретиться с Руной, ведь она обещала мне сообщить, где Агнар.

А насчет встать на ноги... Вообще-то была у меня одна идея... Островитяне, как мы и договаривались при моей высадке на остров, снабдили меня за товары обворованного купца своими легендарными пряностями. Так что теперь я счастливый обладатель мешочка с измельченными травами, очень ароматно пахнущими, кстати. Эти пряности не растут в королевстве. Следовательно, они там востребованы. Следовательно, их можно продать, и наверняка выгодно. Только вот кому? Я знаю только того торговца, в чьей лавке затарился за его же деньги. Сходить, что ли, к нему?

На корабле делать было нечего, поэтому я усиленно тренировался. Мист объявлялась иногда, чтобы учительским тоном напоминать мне о важности тренировок, будто я сам этого не понимал.

— Что за дар ты мне предлагала? По-моему, пришла пора обсудить этот вопрос, — заявил я ей однажды.

— Нет. Ты еще не готов.

— Ой, да ладно тебе, выкладывай давай.

Но Мист просто молча исчезла.

Я остерегался слишком увлекаться беседами с ней. Особенно после того, как однажды один из матросов заявил, что слышал, как я говорю во сне. Каюта матроса была соседней. Мист тогда заявлялась ко мне поздно вечером.

Пучок света получался у меня все такой же, как в последние разы на острове, но Мист сказала, что его можно сделать еще больше и ярче. И я пытался изо всех сил. Похоже, есть какой-то порог тренировок, который необходимо преодолеть, чтобы перейти на ступень повыше в своем развитии.

Коронам встретил меня изнуряющей жарой и многолюдными улицами, по которым стекались толпы потных людей.

Первым делом по прибытию я отправился к владельцу лавки, чтобы решить самый

главный на этот момент вопрос — деньги. Лавка была открыта, торговец — за прилавком.

— О, здравствуй, дорогой друг, — поприветствовал он меня с улыбкой. — Рад, что ты снова пришел ко мне. Что изволишь купить на этот раз?

— Да мне бы не купить, а продать, — сказал я, вытаскивая мешочек с пряностями.

Открыл мешочек и позволил торговцу заглянуть внутрь.

— А аромат-то какой. Такие травы не растут в нашем королевстве. Откуда они у тебя?

— Я побывал на острове Альмтаха. Знакомое название?

— А как же, — деловито кивнул мужчина. — Альбит скупает у них золото. Эти дикари такие наивные. Золото обменивают на какие-то безделушки и ткани.

— А зачем золото на острове, где нечего купить? — резонно заметил я. — Так что насчет пряностей? Не подскажите, кому их продать можно?

— Зачем же кого-то искать? — тут же всполошился торговец. — Я могу их у тебя купить. Отдам за них хорошую цену... два золотых. — Он в ожидании уставился на меня.

— Согласен, — тут же согласился я.

Лишь бы быстрее деньги получить и свалить отсюда, пока не осыпал новыми вопросами.

Торговец делано равнодушно улыбнулся, но я заметил, как он едва слышно в облегчении выдохнул. Облапошил меня, кажись, торгаш. Впрочем, пусть так — я ему должен был, теперь мы, надеюсь, в расчете.

Я обменял мешочек на два золотых (попросил сразу разменять на серебро и медь) и убрался прочь из лавки. Теперь надо найти жилье. Вряд ли мне светит снять его в каком-то более приличном районе. Я все-таки из касты червей. И пока я могу позволить себе обитать только в месте, подобном этому. Пожалуй, тут и попробую обосноваться.

Только как же это сделать? Вот блин, тяжело людям жилось без интернета. Щас бы глянул объявления на авито и снял комнатку за короткий срок. А как это сделать, не зная никого в городе и не понимая, куда идти?

Я долго бродил по длинной широкой улице, полной народа. Кстати, в первое свое посещение этого места я все-таки поторопился с выводами. Нечистоты сливали в канавы, вырытые по двум сторонам улицы. Тогда, когда при мне кто-то вылил свой ночной горшок прямо на дорогу — это, наверное, был просто максимально некультурный человек, которому пофиг на правила. Пока бродил по улице, ни разу не видел, чтобы подобное повторилось. Но в любом случае грязь и вонь были основными характеристиками этого места.

— Сын мой, сын... — донеслось где-то в паре шагов от меня, и уже через несколько секунд меня за подол плаща схватили чьи-то дрожащие слабые руки.

От неожиданности я отпрянул. Это был немощный старик, склонившийся к земле. От моего резкого движения он разжал пальцы и упал.

— Простите... — Подбежав к старику, я помог ему подняться.

— Сын мой... — снова пробормотал он, хватаясь за мой рукав.

— Простите его... — К нам подбежала запыхавшаяся молодая женщина. — Он недавно потерял сына и обезумел от горя. — Пойдем, пойдем, отец...

Но старик упорно не хотел отпустить моей руки.

— Извините... — Женщина, виновато глядя на меня, силой разжала пальцы старика и стала уводить его от меня.

— Стойте! Не подскажите, где можно снять жилье?

Женщина остановилась и в раздумье поглядела на меня.

— Можете жить у нас, — наконец ответила она медленно, будто сомневаясь. — Места мало и... удобств не будет. Но мы дешево возьмем, — быстро добавила она.

— Я согласен. — А что, у меня был широкий выбор?

— Пойдемте.

Я отправился вслед за странной парочкой.

— Это ваш отец? — спросил я, немного погодя.

— Отец моего мужа. Умершего.

— Но вы назвали его...

— Да, я называю его отцом. Он стал мне им.

— Как умер ваш муж?

— Зачах от болезни. — Она заметно помрачнела от разговора.

— Простите меня, — запоздало пожалел я о своей не деликатности.

— Вам незачем просить прощения.

Мы шли минут десять, и то потому, что старик не мог идти быстро. Остановились возле двухэтажного дома. Архитектура этой части города удручала: темная, угрюмая, неуютная. Будто даже дома в этом месте хмурились и были недовольны жизнью. Дом был не очень большим, с двускатной крышей, с маленькими оконцами. Мы поднялись на крыльцо, зашли внутрь. Здесь смердело не только вонью мочи и грязи, но и отчаянием, безысходностью, тоской.

Мы поднялись на второй этаж и пошли по узкому темному коридору. Женщина остановилась возле самой последней двери справа. Отперла замок. Я вошел вслед за хозяевами.

И в этой каморке нам всем вместе жить?!

Комнат было две — и обе крошечные. Вторая, видимо, кухня. В ней стояли стол, два обшарпанных стула, деревянные полки, прибитые к стенам, дровяная печь.

В жилой комнате три деревянные кровати, которые кое-как уместились в этом спичечном коробке. И... все. Никакой мебели больше. М-да... скромненько.

— Вы можете устроиться на кухне, если не против, — сказала женщина, покраснев и опустив голову. — В этой комнате мы все не поместимся.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату ворвалась девчонка лет двенадцати с двух- или трехлетней на руках.

— Мама, она утомониться не может, плачет.

— Дай ее мне. — Женщина взяла малышку на руки. — Это мои дочки.

М-да... чувствую, тесновато нам тут придется. Ладно, перекантуюсь хотя бы ночь, а там погляжу.

— Сколько с меня?

— Десять медяков... в сутки, — пролепетала несчастная.

Совсем, видать, нищета за горло их семью схватила. Мне стало невыносимо жаль женщину. Все в ее доме просто кричало о нищете. Одеты все члены семьи были плохо: одежда покрыта бесчисленными заплатами, обувь изношена.

Я вытащил серебряный и протянул ей.

— Не надо... — отшатнулась она, будто испугавшись.

— Держи, — твердо заявил я и насильно сунул монету ей в руку.

Сутки продлились на двое, потом на трое, итак далее. В итоге я жил у Виам (так звали женщину) уже неделю. Старика звали Укаб, девчонку-подростка — Вали, малышку — Нур.

Виам была красивой, но неухоженной женщиной. Волосы ее были густыми и длинными, но часто грязными. Лицо осунулось, под глазами пролегли непроходимые круги.

Семья действительно нищенствовала. Впрочем, когда я дал серебряный Виам, она отправилась куда-то, а через час вернулась с корзиной, нагруженной едой. У Вали и Нур заблестели глаза.

Я понял, что они живут впроголодь. Возможно, давно не ели. Мы не заслуживаем такого мира.

Один серебряный в этом мире равнялся пятидесяти медякам. Один золотой — двадцати серебряным. На каждой монете было изображение дерева с пышной кроной.

На следующий день после заселения я протянул Виам еще двадцать медяков, в итоге по столько и платил за сутки.

Я просыпался на рассвете, дольше поспать не удалось бы в любом случае, потому что на кухне начиналась возня: Виам готовила завтрак, если было из чего, дети шумели. Старик в основном лежал на своей кровати. Он был не в себе, к тому же, как будто болен. Всех моих вопросов Виам старалась избегать, поэтому я не досаждал ей ими. Я думаю, имя болезни старика — это горе. Вали ухаживала за ним и за малышкой, пока мать занималась домом и уходила на какие-то подработки.

А я слонялся по городу, тренировался, если удавалось уединиться, и все время ждал Руну. Только вот она все не появлялась, Мист, кстати, тоже.

Спустя неделю Виам стала куда-то уходить поздними вечерами — не ежедневно, но часто. Возвращалась она ночью. Мне это не нравилось. Не то, чтобы я тут почувствовал себя командиром, просто как-то беспокоился за женщину. Как за сестру, что ли. Она вызывала желание позаботиться о ней. Хрупкое, несчастное, раздавленное жизнью существо.

В очередной вечер, когда она ушла, я решил проследить за ней. Крался, укрытый темнотой, и чувствовал себя преступником. Шли долго, минут сорок точно. Пересекли пару улиц, и оказались в той, которая была чуточку получше, чем наша, но все-таки тоже бедная. Это было видно по домам и грязи вокруг.

Виам зашла в трехэтажный дом. Я, выждав несколько минут, хотел зайти следом, но только открыл дверь и наткнулся на мужика, перегородившего путь.

— Куда идем?

— Так, это... — Я неопределённо махнул рукой, указывая внутрь дома.

— Цену знаешь?

— Эм... нет.

— Пять медяков за вход.

Я вытащил одну монетку и протянул мужику. Меня пропустили. Я был в чем-то вроде... холла. Обшарпанно, неудобно, грязно. Меня проводили дальше в большую залу, и я застыл на месте, раскрыв рот от изумления. Я был в борделе. Тут и там за столами сидели мужики, попивали спиртное и лапали голых девиц, бесстыдно крутящих перед их глазами всеми своими прелестями. Я обшарил взглядом все помещение, но не увидел Виам.

Справа от меня была лестница на этажи повыше. Я быстро взбежал наверх. На втором этаже влево уходил длинный коридор. Виам была на его середине, она остановилась возле одной из дверей.

— Виам! — крикнул я.

Она испуганно обернулась. В глазах застыл ужас.

— Не делай этого!

— Уходи, Дан!

— Не надо, Виам!

Тут дверь перед женщиной распахнулась, и к нам выглянул обнаженный по пояс мускулистый высокий мужик со шрамами на лице. Правая его рука была перебинтована в области локтя.

— Чего застыл, недоумок? Проблемы какие-то? — Взгляд его не выражал ничего хорошего.

— У тебя проблемы, — кивнул я, не понимая, зачем сам же подписываю себе смертный приговор.

Но мы ведь сначала делаем, а потом думаем, да, Дан? Так что отступать, как всегда, поздно.

Шрамированный направился ко мне. Я — к нему навстречу.

— Оставь эту женщину, — сказал я на ходу.

— Это ты оставь нас, кусок говна.

— Послушай, давай...

Договорить я не успел. Шрамированный двинул мне кулаком в морду, и я отлетел к стене. Встал и ударил его в ответ, но промазал. И снова получил по морде. В глазах у меня поплыло, а голова страшно заныла.

— Идиот, я в стольких сражениях участвовал, а вот твои нежные ручонки, похоже, только баб ласкать умеют, — глумливо сказал он и поднял руку для последнего удара, который, скорее всего оглушит меня.

И тут я увидел. Буквально за пару мгновений. Его рука. В ней было разрушение. Я увидел в области локтя, под слоями бинтов, под коркой крови нечто нехорошее — черное, сгущающееся, гноящееся и постепенно распространяющееся по всей руке. Я увидел это смутно и сам не понял, как это получилось. Но зато понял, что это.

— Ты умрешь, — сказал я и закашлялся, выплюнув... сломанный зуб.

— Ты это говоришь мне? — Мужик от удивления даже опустил руку, а затем расхохотался. — Смотри, сам умрешь, если не свалишь отсюда, щенок.

— Нет, твоя рука... в ней нагноение.

Шрамированный с еще большим удивлением посмотрел на меня. А затем снова рассмеялся.

— Шутки вздумал шутить. Я поцарапал ее об нож одного недоумка, когда объяснял ему, почему со мной связываться плохо. На мне все заживает, как на собаке.

— Но это не заживет. Я знаю, поверь мне.

— Знаешь что, идиот... — Он схватил меня за рубаху и, стукнув об стену, шмякнул на пол. — Иди-ка ты отсюда подобру-поздорову...

— Ты умрешь от заражения крови... — прохрипел я, ощупывая ноющую голову. — Но я могу помочь тебе.

Виам не разговаривала со мной. Ну почти. Только бытовые какие-то моменты обсуждала, а так играла в молчанку. Она даже почти не глядела на меня, а если случайно встречалась со мной глазами, тут же отводила взгляд. По ночам она больше не пропадала. По

крайней мере, пока.

— Послушай, — решил я однажды покончить с этим спектаклем, уже порядком надоевшим мне, — я просто хотел помочь тебе. Не надо вести себя так, будто я враг тебе.

— Ты не знаешь, почему я это сделала, — прошептала она и даже на пару секунд задержала на моем лице взгляд. — Мы умирали от голода, когда... когда мой муж покинул нас. Мы даже похоронить его не смогли, потому что на это нужны деньги. Мне пришлось выбросить его труп в море. — Она заплакала, закрыв ладонями лицо. — Вали приходится попрошайничать на улице. До того, как ты снял место у нас, мы загибались от голода.

— Ну, ну... успокойся, Виам... — Я неуклюже погладил ее по голове. — Все образуется. Я помогу вам, слышишь? Виам, я помогу! Ты только перестань ходить... в то место.

— Не пойду... — прорыдала она. — Думаешь, мне нравилось этим заниматься? Думаешь, нравилось предавать память моего мужа? Я только... ради детей... чтобы от голода не померли.

— Иди ко мне. — Я притянул ее изможденное тельце и прижал к себе. — Все образуется, вот увидишь...

Вечером того же дня к нам заявился шрамированный. Виам с девочками ушли в лавку за продуктами, дома были только я да старик, который спал.

— Как ты нашел дом? — спросил я, хватаясь за рукоять меча, который висел на стене.

— Да брось ты это дело, — махнул он рукой и вальяжно устроился на стуле. — Я по делу. А дом найти не проблема, ведь здесь я и увидел впервые Виам. Понравилась она мне.

— И ты воспользовался ее беспомощностью и безвыходностью ее ситуации, — процедил я сквозь зубы, жалея, что не достаточно силен, чтобы приложить его шрамированную морду об стену.

— В моей жизни всегда были только кровь и выпотрошенные кишки, — сказал мужик без тени иронии или насмешки, — и потрахаться с хорошенькой бабой — единственная радость в моей жизни.

Я брезгливо поморщился.

— Зачем явился?

— Ты сказал, что поможешь мне. Гляди. — Он закатал рукав рубахи, и я увидел плоть в области локтя — на нее жутковато было глядеть.

Я понял, что заражение началось.

— Так поможешь?

— Не знаю. Надо попробовать. Но не бесплатно.

— Сколько? — спросил он без раздумий.

— Нет, не за монеты.

— Тогда что же?

— Я хочу научиться драться.

Глава 19. Копашение червя в грязи продолжается

Спустя несколько дней после того, как меня посетил Кристер (так звали прамированного), у нас с ним состоялась первая тренировка.

В тот день, когда он пришел в дом Виам, мы с ним заключили сделку. Мужчина согласился на мое предложение: я убираю разрушение с его руки, он в ответ учит меня искусству боя.

Кристер, как он сказал, был наемником. Не удивительно, что он хороший боец.

Для начала пришлось мне, конечно, заняться его рукой. Я предполагал, что наемник, как человек, лишенный совести, может меня кинуть, взяв то, что ему надо. Но у меня не было особо вариантов, так что пришлось рискнуть.

Мне было погано связываться с таким выблядком. Он использовал Виам, способствовал ее падению. Не заставлял, конечно, но нормальный мужик разве поступил бы так с женщиной, которая ради куска хлеба для детей опустила до... подобного? Только кусок дерьма мог воспользоваться ситуацией Виам.

Еще более погано мне было из-за того, что я сам с собой пошел на сделку. Поливаю сам Кристера потоком презрения, а сам взял его в учителя. Тоже мне, Мистер Благородство. Я утешал себя тем, что мне позарез надо научиться владеть мечом. На базовом уровне, по крайней мере. Иначе подохну в этом мире. Да и Агнара с сыном Маха искать лучше, будучи готовым ко всякого рода приключениям и опасностям.

Кристер, разумеется, видел, как именно я «лечил» его локоть. Дал клятву, что он — могила. И снова мне пришлось рискнуть, поверив ему на слово. Когда локоть на глазах начал приобретать здоровый вид и цвет, наемник взглянул на меня приблизительно с таким же благоговейным ужасом, как островитяне. Что ж, по крайней мере, теперь он хотя бы будет воспринимать меня всерьез.

Тренировки он решил устраивать на пустынном берегу моря, в том месте, где шансов натолкнуться на кого-то было мало. Я, конечно же, с радостью принял такой расклад — другого более подходящего места и придумать было нельзя с нашими-то отсутствующими возможностями.

— Начнем мы с элементарного — со стойки, — начал Кристер, прохаживаясь передо мной с деревянным мечом в руке: точно такой же он достал и мне. — А перед тем запомни: меч — не просто оружие, не просто средство для рубки врагов или защиты, меч — это часть тебя, это не придаток к твоей руке, а ее продолжение, смертельный коготь, который ты должен срастить со своей плотью. Ты должен чувствовать свой меч так же, как чувствуешь свою плоть, ты должен приручить свой меч, обуздать его, подчинить себе, если хочешь. Ты должен научиться управлять им так, чтобы он беспрекословно повиновался тебе. А теперь смотри и запоминай.

Кристер показал мне правильную стойку. Я повторил. Он объяснил, в каком положении должен быть корпус тела, ноги, как именно держать меч, под каким углом сгибать локоть. Я повторил все в точности, как он показал. По крайней мере, я на это надеюсь.

Затем он вкратце рассказал о видах блоков и уже только потом, исходя из той информации, что он выдал про блоки — про виды ударов. Как я понял, они — и блоки, и удары — ставились в одинаковом положении, только с разной целью.

Наконец, наступила сама тренировка. Кристер показывал мне элементарные вещи —

для него — для меня они вовсе не были элементарными. Я ощущал себя младенцем, которого учат переставлять ножки.

Мы находились на берегу три часа. К концу у меня ныло все тело, а рука, в которой я держал меч, казалась негнущейся отбитой деревяшкой.

— Ты еще очень слаб, ты как незащитный ребенок, и человеку мало-мальски умеющему владеть мечом, ничего не стоит зарубить тебя в первую же секунду битвы, — беспощадно заявил Кристер.

Ну спасибо, а то я не знал, насколько плох. Мне было до жути обидно. Одно дело — знать самому свои слабости, другое — когда в них, как в лепешку говна, ткнул тебя носом посторонний человек.

— Но и из такой бабы, как ты, можно человека сделать, — продолжил Кристер без тени насмешки в голосе.

— Эй, ты помой изо рта немного фильтруй, а то обратно гноем руку твою напитая, — буркнул я, не желая выслушивать позорную правду о себе.

— А ты можешь? — В подозрении скосил он глаза на меня.

— Шутка. Просто, знаешь ли, я в отличие от тебя с пеленок меча в руке не держал.

— Ничего, упорство — и все будет. Как я, конечно, сталью махать не сможешь, но хотя бы кишки себе наружу потенциальному врагу не дашь выпустить.

Тренировки с Кристером были ежедневно по несколько часов в день, в зависимости от наличия свободного времени у наемника. Живых мест на моем теле оставалось все меньше. Примерно на третий день тренировок я превратился в сплошной синяк. Мне было тяжело, хотелось бросить все и махнуть рукой, но я уперто стиснул зубы и продолжал учиться «махать сталью», как говорил мой учитель.

Мист долго не посещала меня, но однажды объявилась. К тому моменту я уже около пары недель учился драться. Она пришла тогда, когда дома был только Укаб. Старик глубоко спал.

— Как жизнь, мальчик мой? — спросила Страж. — Получается дар развивать?

— Пока так же, — нахмурился я тут же, вспомнив, что в отличие от развития тела, развитие магической силы у меня застыло на одном уровне.

— Учись, упорствуй, — жестко сказала девица. — Ты можешь быть сильнее.

— Я нанял себе фехтовальщика, — сказал я, сворачивая на другую тему.

— Это хорошо, — кивнула Мист. — Это тоже нужно. К тому же, тебе надо овладеть навыком оборачивать оружие своим даром, а для этого надо научиться как минимум это оружие в руках правильно держать.

— Этому я уже научился.

— А мы сейчас это проверим. Возьми меч и давай руку.

— Ты что опять задумала? — Не торопился я протягивать свою руку в ответ.

— Создам снова иллюзию. Тебе полезно тренироваться с иллюзорными монстрами — все как по правде, и сила будет расти по правде, зато вреда тебе — ноль.

— Ты уверена?

— Конечно. Это же мои иллюзии. Не трясись, Дан. Уж я позабочусь о том, чтобы моего дорогого мальчика не покалечил воображаемый монстр. — Мист, усмехнувшись, провела пальцем по моей щеке.

Меня бесили подобные вольности с ее стороны, поэтому я грубо оттолкнул ее руку.

— Давай, насылай своего иллюзорного монстра. — Я, взяв меч со стены, протянул девушке другую руку.

На этот раз она не просила закрыть глаза, и я все видел. Вокруг нас действительно происходило сгущение чего-то — какой-то как будто энергии. Черные клубы, похожие на дым, окружили нас, завихрились вокруг наших тел, а затем рассеялись, как туман. И мы снова стояли в той же выжженной степи, с теми же жутко-странными деревьями и птицами, с тем же угрюмым небом.

— Приготовься, — скомандовала повелительница иллюзий. — Попробуй свою силу направить на клинок. Твои ладони — не единственный проводник для создания сгустка света. Ты можешь сделать это просто в воздухе перед собой. Да, это куда сложнее, но вполне возможно. Упорствуй, Дан!

Я, крепко держа меч, выставил его перед собой. Пусть драться надо с иллюзией, а все равно как-то не по себе. Особенно с учетом того, что иллюзия выглядит за пределами жутко.

Туманный чувак появился через несколько секунд и тут же поплыл ко мне. Я сконцентрировался и попытался соткать комочек света перед собой в воздухе.

Ах, чтоб тебя развеяло по ветру, гадина туманная!

Враг, как и в прошлый раз, «врезался» в меня и повалил на землю. Где уж тут концентрироваться?

Облепить меня, как в прошлый раз, он не успел, Мист развеяла иллюзию.

— Дан, соберись! — зло крикнула она. — Вставай!

Я поднялся.

— погоди минуту. Я не могу вот так на ходу все делать. И без рук мне это пока не удастся. Мне нужно время для тренировок.

— У тебя было достаточно времени! Пора действовать!

Передо мной тут же возник новый туманный монстр, но на этот раз далеко — в паре десятков метров от меня. Я сконцентрировался и попытался вытащить из недр своей души хотя бы крошечную частичку энергии. Давай же, давай!

Нет!

Монстр опять успел раньше. Но я хотя бы увернулся от него. Он подплыл сбоку, я взмахнул мечом по его корпусу, который на пару мгновений растекся по воздуху.

Я услышал противный звук сверху и поднял глаза: надо мной кружила одна из уродливых птиц и издавала звуки куда неприятнее вороньего карканья. Затем птица опустилась и... какого хрена? Ключнула меня в макушку! Пребольно, между прочим! Я даже не подумал отскочить, потому что не ожидал такой подставы от иллюзии.

А дальше все пошло совсем уж наперекосяк. Туманный монстр, воспользовавшись моей тормозностью и растерянностью, свалил меня с ног и, как в первую нашу встречу, начал облеплять со всех сторон в злоедей, темный кокон.

— Доброе утро, мальчик мой!

Я открыл глаза и увидел склонившееся надо мной лицо Мист.

— Какого хрена там произошло? Меня ключнула та мерзкая птица!

— И что? Не убила же.

— Да речь не об этом. Это было настолько... реалистично.

— Но ведь когда та темная тварь вьется вокруг тебя и валит тебя на землю, тебе тоже все кажется реалистичным, верно? Дан, это просто иллюзии с правдоподобным эффектом. Вреда причинить не могут, но кажется, что они — настоящие. Я слышала стоны старика. Боюсь, мне лучше уйти сейчас, а то увидит еще. Но я буду приходить, когда ты один, и ты снова будешь тренироваться в иллюзиях.

— Хорошо. Мист, у меня к тебе вопрос. Ты не знаешь, как найти Руну?

— Я ей не мамочка, Дан, — ухмыльнулась она только в ответ и исчезла в своем стиле — внезапно и не попрощавшись.

— И тебе до свидания.

Я прожил у Виам приблизительно полтора месяца, когда с ужасом понял, что деньги кончились. Серебряный в самом начале, данный Виам, ежедневная плата за место в квартире по двадцать медяков в сутки — и вот, пожалуйста, нету двух золотых динаров (да, так золотая монета здесь называлась). Я еще хотел вначале накидывать за еду сверху, но Виам категорически отказалась брать дополнительную плату и в итоге кормила меня просто так, или, точнее, в счет тех самых двадцати медяков в сутки. Я пытался прикинуть, сколько стоит один медяк в отношении к российским рублям в моей бывшей реальности. Для понимания я как-то купил маленький, самый дешевый, пирожок с капустой на местном рынке — 1 медяк. В итоге я пришел к выводу, что за место на полу кухни Виам я даже чутка переплачиваю. Но сожаления я не испытывал. Виам не хотела столько брать, я сам настоял. Мне было безумно жаль ее и ее семью, жестокая судьба не пощадила их и обрушивала на их головы удар за ударом. Я по-братски привязался к Виам, полюбил, как племянников, ее дочерей, испытывал к Укабу что-то близкое к тому, что испытывал к Маху и Анвару. Эти люди стали очередной моей семьей в этом новом мире. И мне хотелось помочь им выбраться со дна жизни, разгрести кучу дерьма, в котором они тонули.

Но для этого мне срочно нужны были деньги, и я начал искать работу. С этим было проблематично. Документов у меня не было. Я потихоньку разузнал у Виам, что у каждого, кроме касты червей, должен быть документ — адресный билет, в котором указывалось имя человека, город (или деревня) жительства, каста, место работы. Кстати, семья Виам была из касты корней. Я удивился. До этого я полагал, что корни — это только крестьяне, оказалось, нищие горожане тоже.

Так вот, без адресного билета устроиться на нормальное место было нереально. Прохаживался я как-то в порту, и пришла мне в голову мысль спросить у одного из матросов, не найдется ли здесь подработка. К моей огромной радости, он сообщил, что в порту всегда нужны грузчики. Я, конечно, тут же попросился на подработку. В итоге потратил два часа на погрузку на торговое судно каких-то тяжелых ящиков. Все тело вопило от усталости, я еле передвигал ноги, но был доволен, как кот, нарвавшийся на банку сметаны. С улыбкой я подошел за расчетом к капитану, и тот вручил мне... десять медяков. Что? Какого хрена?! Я возмутился, но капитан велел проваливать, добавив, что желающих подработать в порту всегда найдется целая толпа. Пришлось уйти восвояси, проглотив злость и желание кинуть ему эти несчастные десять медяков в рожу.

Вечером я решил обговорить с Виам сложившуюся неприятную ситуацию.

— Слушай, Виам... похоже, что придется мне съезжать от вас, — вздохнул я тоскливо.

— И куда же ты пойдешь? — встрепелась она тут же.

Мне показалось, что на ее лице появилась грусть.

— Не знаю, найду... что-нибудь.

— Почему, Дан? Я знаю, у нас тут не хоромы и...

— Стой, Виам. Дело не в вас. У меня попросту... начались проблемы со средствами. Я не смогу оплачивать жилье.

— Дан, послушай, — Виам, до этого хлопотавшая у печи, села напротив меня на стул и взяла мои руки в свои, — я тебя прошу — оставайся. Не уходи. С тобой наша жизнь пошла куда легче. Ты помогаешь мне с тяжелыми делами по дому...

Это была правда. Я таскал дрова, продукты с рынка, устранил кое-какие поломки в мебели.

— ...в общем, ты помогаешь нам, а мы поможем тебе. Оставайся и живи у нас так. Будут деньги — отдашь, не будут — не страшно. Оставайся, пожалуйста.

Я пристально заглянул в ее добрые, усталые от тяжелой жизни глаза.

— Спасибо, Виам. Я найду деньги.

Теперь мои тренировки с Кристером перемежались с тренировками в иллюзиях. Последние были куда реже — не чаще раза в неделю. Но все было безрезультатно! У меня не получилось за все время ни разу создать пучок света в воздухе, ни разу не получилось растворить свет в клинке. И каждый раз туманный монстр одерживал надо мной верх и начинал заворачивать в свой мерзкий, туманный кокон, а затем я пробуждался в реальности и видел рядом с собой жутко недовольную и злую Мист. Я был удивлен, зачем она столько возится со мной. Разве это не странно? С другой стороны, Руна тоже много мне помогала. Мист утверждала, что ею движет желание помочь и любопытство. Ведь с человеком из иного мира она еще ни разу не сталкивалась. А еще, как уже говорила мне Руна, большинство людей не могут ощущать присутствия Бессмертных в их истинном, невидимом то есть, облике. И это тоже было очко в мою пользу. Без помощи Мист мне было бы тяжелее овладеть собственным даром.

Наемник учил меня драться три месяца. Я уже уверенно держал меч и освоил простейшие приемы. Конечно, в серьезном бою с нормальным мечником мне даже надеяться не на что, но хотя бы на то, что мне никогда не предстоит участвовать в таком бою, я надеяться мог.

И вот мы с Кристером попрощались. Я напомнил ему, что не стоит болтать о моем даре. Оставалось только верить в то, что в темной душе наемника есть хоть капелька честности, и что он сдержит слово.

Виам знала о моих занятиях с наемником. Кажется, она обрадовалась, когда узнала, что мы покончили с тренировками. Она больше не ходила в бордель и вообще выглядела куда спокойнее и радостнее, чем в былое время. Хотя трудностей у нее не сильно убавилось.

Я не мог больше платить ей за жилье. Я подрабатывал время от времени грузчиком на порту и отдавал эти несчастные десять медяков Виам на продукты. Питались мы простой, но вполне сытной пищей — овощные супы, каши, тушеные овощи, изредка — рыба. Из овощей здесь были старая-добрая капуста — дешевый овощ во всех мирах, похоже; лук, что-то наподобие репы и клубни, по виду и вкусу очень напоминавшие картофель. Познакомившись впервые с этим овощем, я ужасно обрадовался. Что может быть вкуснее жареной картохи с морской рыбкой, правда, последняя, как я уже сказал, доставалась редко. Пили либо просто воду, либо травяные чаи, которые стоили дешево в отличие от кофе. Какое-то время у меня

была кофейная ломка, а потом прошла, привык. Только в городских трущобах я понял, насколько лучше люди жили в деревне Анвара — еды там было вдосталь, не было всей этой городской вони и грязи, каждое утро пили ароматный кофе. Эх, вот была, оказывается, жизнь!

Однажды вечером, когда я возвращался с порта, где снова подрабатывал грузчиком, возле входа в дом меня подловила какая-то девушка в плаще с капюшоном, надвинутым до половины лица.

— Ты — Дан? — спросила она красивым, мелодичным голосом.

— А ты кто? Откуда меня знаешь?

— Мне рекомендовал тебя Кристер. Сказал, что ты сможешь помочь.

Вот гад шрамированный! Язык бы тебе отрезать!

Глава 20. Хватит, девки, вешаться на Дана

— Мы можем поговорить в уединенном месте? — спросила моя посетительница.

— Иди за мной.

Я отправился в сторону морского берега — туда, где проходили наши с Кристером тренировки. Незнакомка последовала за мной. Всю дорогу она молчала, я тоже раньше времени вопросов не задавал, хотел сначала добраться до места, где не будет лишних глаз и ушей.

Вот и берег. Волны накатывали на низенькие скалы, обрушивая на них всю свою мощь, но те веками держали оборону.

— Кто ты? — Резко остановившись, обернулся я к девушке.

Она сняла капюшон, и я увидел необыкновенной красоты лицо, обрамленное копной волос цвета крыла ворона: белая, почти прозрачная кожа обтягивала тонкие скулы, будто вырезанные рукой искусного скульптора; аккуратный нос; нижняя губа была пухлее верхней; черные брови очерчены красивыми четкими линиями; глаза цвета моря, плескавшегося в нескольких шагах от нас, могли оказаться для любого мужчины цепким капканом. Взгляд незнакомки выражал одновременно невинность и твердую решимость, наводящую мысль о сильной воле. Но было в облике девушки что-то... нездоровое. Вот буквально. На красивом лице отчетливо различался отпечаток то ли какой-то хвори, то ли сильной утомленности.

— Меня зовут Эйдин. Меня прислал Кристер.

— Это я уже слышал. Зачем он отправил тебя ко мне?

— Мне нужна твоя помощь. Кристер сказал, что ты умеешь... выводить скверну из тела.

— Вот как! — Каков гад наемник, а! Могила он, значит!

— Ты мне поможешь? — Она с мольбой заглянула в мои глаза, но при этом в голосе ее вовсе не было заискивания.

— Кто ты вообще такая? Ты мне сначала развернутую картину ситуации предоставь.

— Я работаю в... элитном заведении — «Оживи свои грезь».

— Что за заведение?

— Хм... Туда приходят богатые мужчины, знать в том числе... и самые прекрасные и искусные девушки города позволяют их самым дерзким фантазиям стать явью.

— Так это... оу! — Я завис на несколько секунд. Что-то слишком много в последнее время в моей жизни столкновений с дамами древнейшей из профессий. — Откуда у Кристера деньги на... элитные развлечения? Как его впустили туда, куда ходит знать?

— «Есть золото — входи» — таков принцип владельца заведения. Аристократы всегда проникают туда инкогнито или под чужими именами. Наш хозяин за большие деньги какие угодно желания клиентов исполняет, в том числе и обеспечивает сохранность их имен в неизвестности. Ну а что касается Кристера: он же наемник, когда ему удастся хорошо заработать, он иногда навевается к нам, нечасто, правда. Точнее, он предпочитает всегда брать только меня. — В ее взгляде что, гордость засветилась?! Нашла, блин, чем хвастаться! — И в этот раз мне повезло, что он пришел.

— Вот уже везение так везение...

— Он вовремя подсказал мне твое имя и где тебя искать. Я очень больна и скоро умру, если ты мне не поможешь.

— Я не лечу обыкновенные болезни, я не лекарь. Боюсь, Кристер навел тебя на ложный

след. Иди к лекарю, Эйдин.

— Нет, Дан, лекарь не поможет. Мне нужен ты! Я знаю, что со мной. Точнее, почти уверена, что знаю. Я была у нашего лекаря. Он лечит нас, хозяин его держит при заведении, он свой человек. Только вот он не нашел в моем теле никакой болезни. Сказал, что я просто переутомилась, и посоветовал хозяину дать мне недельный отдых. Но я знаю, что я очень больна! И знаю, что за гадина отравила меня этой неизвестной заразой!

— И почему ты не пошла с такими заявлениями к своему хозяину? Он бы помог.

— Нет, не помог бы. У меня нет доказательств. Хозяин меня ценит, я приношу ему хороший доход, но если буду вести себя как истеричка с паранойей, он меня вышвырнет. — Эйдин сжала кулаки и поджала губы.

Неужто так дорожит своей... работой? Впрочем, что это я? «Заведение» же элитное, наверняка бабла загребает побольше, чем местные судомойки.

— И кто же твой злостный враг? — не сдержал я насмешки. — Обозленная, ревнивая жена кого-то из твоих клиентов?

— Это не смешно! Нет, это моя конкурентка, Клара. Один из ее самых богатых клиентов переметнулся ко мне. Он полгода ходил только к ней, осыпал подарками сверх той платы, которая положена по правилам. А затем кобелю захотелось разнообразия. Клара возненавидела меня и решила сжить со свету.

— Такими обвинениями можно разбрасываться, только если уверена в своей правоте... — засомневался я.

— Я уверена... почти. Других вариантов нет. Прошу, помоги!

— Допустим, помогу, если смогу. А что потом делать будешь? Как станешь уживаться с этой Кларой?

— Это уже только моя проблема, — снова поджала красавица губы.

Она выглядела при этом одновременно сурово и мило. И вообще, как может девка с такими невинными глазами быть шлюхой в борделе? Да, мир, ты не перестаешь меня поражать самыми неприятными способами.

— Дан. — Девушка уверенным, но мягким движением коснулась моего плеча. — Я умею быть благодарной. Все, что захочешь. Поверь, я могу одарить тебя так, что ничего подобного ты в жизни больше не испытаешь.

— Э, нет, милочка, мои грезы оживлять не надо, я как-нибудь иначе их оживлю. — Я таким же мягким, но твердым движением скинул ее руку с плеча.

Честно признаться, меня задолбало, что все девки этого мира пытаются стянуть с меня штаны либо чтобы отблагодарить, либо чтобы добиться чего-то от меня. Не то, чтобы я всю жизнь был таким уж праведником, но мне было тошно от навязчивой мысли, что каждый раз меня просто пытаются использовать. Как тех же шалав, например.

— Тогда чего ты хочешь? — В голосе Эйдин зазвенела сталь.

Не привыкла слышать отказы, милочка? Привыкла, что каждый с радостью использует тебя, как подстилку, да? И надула свои красивые губки оттого, что нашелся кто-то, кто отказался от такой подстилки, отказался вытереть об тебя ноги? Хм, чего-то я в этом мире определенно не понимаю.

— Информации.

— И что это значит?

— Ты сказала, что у вас самые богатые клиенты...

— Не все.

— Но многие. Мне нужно, чтобы ты стала моими ушами. Они ведь делятся с вами чем-то... интересным? Или это только тупой стереотип такой?

— Хм... — Эйдин задумалась. — Ты слишком наивен, мальчик, если полагаешь, что знать вываливает на шлюх ценную информацию. Но доля правды в твои слова все же есть. Нас клиенты не считают за людей. К тому же, они и предположить не могут, что мы можем представлять опасность для их репутации, ведь среди шлюх нет самоубийц. Так что да, случается, хоть и редко, что какой-нибудь зазнавшийся аристократишка рассказывает кому-то из нас такие вещи, о которых посторонние не должны знать. Для них это то же самое, что откровенничать со стеной или бессловесной скотиной. Но, Дан, не строй иллюзий: я вряд ли сумею таким способом отблагодарить тебя.

— И все же. Давай остановимся на этом варианте платы.

— И зачем тебе это? Даже если я узнаю что-то интересное... тебе что, жит надоело?

— Это уже не твоя проблема.

— А если я ничего не узнаю?

— Значит, получится, что я помог тебе бесплатно. Не парься — я не в обиде буду, хоть и огорчусь. Но я, конечно, буду очень надеяться на то, что ты сдержишь свое слово.

— Что значит «не парься»? — удивленно вскинула брови красавица.

— Это значит — не беспокойся. Давай осмотрю тебя, что за зараза там в тебе поселилась...

— Мне обнажиться?

— Не надо.

Не буду лукавить — я бы не отказался от визуального наслаждения лицезреть то, что скрывается под плащом этой «исполнительницы желаний», но я поборол себя.

Я прикоснулся ладонями к плечам девушки. Ничего. Пустота под внутреннем взором.

— Ты уверена, что болеешь? Я ничего не вижу.

— Мне плохо. Меня рвет по несколько раз в день. Я не просто болею, я умираю, Дан. Сейчас я едва стою на ногах.

— Не похоже, видать, сильная воля у тебя...

Я сосредоточился сильнее. Закрыв глаза. Попытался включить концентрацию до максимума. И увидел.

Эйдин вся состояла из... тьмы. Все ее тело было охвачено какими-то темными сгустками. Ее организм распадался изнутри. В нем почти не было «чистого» участка. Меньше всего темных сгустков было в голове, больше всего — во внутренних органах.

— Оно слишком сильно захватило твое тело... — тихо сказал я, открывая глаза. — Я вряд ли смогу тебе помочь, Эйдин, прости.

— Ох... — сорвалось с ее губ.

Впервые за весь разговор стальные невидимые доспехи уверенности и воли девушки дали трещину.

— Но если ты не попытаешься, я точно обречена. А так хотя бы есть шанс. Прошу, Дан, попробайся! — Ее глаза молили, а голос был пропитан отчаянием.

— Ладно, попытаюсь... — вздохнул я.

Ну как тут отказать? Она бы еще на колени упала для пушшего эффекта.

Я медленно осмотрел территорию вокруг. Поздний вечер накрыл город, и это была дикая часть берега, тут редко кто-то ходил. Вот и сейчас ни единой души не было видно. Но рисковать все равно было страшновато. В мои планы не входило палиться перед кем-то, что

я маг. Но делать нечего. Не вести же девку из борделя в дом к Виам.

— Думаю, лучше нам присесть и укрыться под твоим плащом.

Эйдин тут же повиновалась. Мы опустились на колени, девушка сняла свой плащ и накрыла нас им. Не то, чтобы полная изолированность от потенциальных глаз, но лучше, чем на открытом пространстве. Пусть уж лучше думают, что я тут трахаю ее, а не пучки магической энергии в нее запихиваю.

Я выставил ладони прямо перед своим лицом, так как места было мало, и соткал пучок света. Он позволил мне увидеть в глазах Эйдин изумление вперемешку с ужасом. Стандартная реакция. Неужто настолько редкий дар среди магов? Надо будет спросить у Мист.

Я «влил» энергию в грудь девушки. Свет за несколько секунд растворился в ее теле.

— И это все? — спросила она с надеждой.

— Я не знаю, Эйдин. Надо ждать, — вздохнул я.

Я лгал. Я был почти уверен, что это не поможет. Распад организма был слишком обширным.

Мы откинули плащ, Эйдин завернулась в него, как в одеяло, закрыв даже лицо.

Прошло минут десять.

— Ты не чувствуешь себя лучше? — спросил я.

— Так же, — прошептала она дрогнувшим голосом.

Ревет, похоже. Вот дерьмо: ревущая женщина — хуже, чем нападающий на тебя в лесу алоуш.

Прошло еще минут пять.

— Дан, мне... ах...

Девушка упала на спину, плащ распластался под ее телом. Грудь больной тяжело поднималась и опускалась. В горле слышались хрипящие звуки. Эйдин резко перевернулась, и ее вырвало сгустками гадости вперемешку с кровью.

— Да, плохо дело... — хмуро сказал я, придерживая ее волосы, чтобы она могла вытереть лицо платком, который выудила непонятно откуда.

— Я же говорила... умираю.

Эйдин откинулась обратно на спину и... потеряла сознание. Какого хрена?! Что мне делать с ее бессознательной тушкой теперь? Ах, дерьмо за дерьмом! Кажется, в такой жопе я еще впервые в этом мире!

— Эй, Эйдин, очнись давай, — легонько потряс я девушку за плечи.

Больная лишь слабо застонала в ответ.

Ну и подставила же ты меня, Эйдин!

Словно в ответ на мои мысли несчастная начала снова хрипеть и задыхаться. Да она ж тут помереть может! Ах, все еще хуже, чем я думал несколько секунд назад!

Я выставил ладони перед собой и крепко зажмурил глаза. Давай, давай, душа моя, ну выдели ты мне из своих недр побольше энергии, не жадничай, ты ж своя, родная!

Эйдин захрипела совсем уж люто. Меня пробрала ледяная дрожь от страха, что девка реально помрет. Я открыл глаза и напряг свои ментальные силы до предела. И тут... оно произошло. Я увидел. И я был в глубоком шоке.

Это уже был не комочек света. Это был огромный ком, мерцающий, переливающийся бело-синим. Он не умещался в моих ладонях, он буквально переливался через край, он охватывал пространство раза в два больше, чем образовывали мои сложенные вместе ладони.

Это было столь чарующее, волшебное, невообразимое, захватывающее зрелище, что на миг я даже позабыл об Эйдин, и мне даже стало плевать, что кто-то мог увидеть меня таким. Я был счастлив. Этот мерцающий сгусток энергии я выудил из своей души — да я понятия не имел, что она может вместить в себя такую мощь и такое величие!

Но первая волна эйфории откатилась, и я вернулся в угрюмую реальность. Я осторожно поднес ком к телу Эйдин, и тот плавно перетек в него.

Минута. Две. Пять. Не знаю, сколько их прошло, по ощущениям десять или около того, когда Эйдин открыла глаза и слабо, но счастливо улыбнулась мне.

— Ты справился, Дан. У тебя получилось.

— Ты как? Тебе лучше?

— Да я чувствую себя так прекрасно, как не было уже давно. Последнюю неделю я ощущала себя на грани обморока почти все время. А теперь это чувство ушло, я будто... освободилась от какой-то дряни внутри себя. Мне очень хорошо и легко. Слабость только ощущаю, но это пройдет. Главное, болезнь покинула мое тело. Спасибо!

Девушка рывком села и захватила меня в плен тонких, изящных рук.

— Ну ладно, ладно... — засмутился даже я.

Честное слово, помогать кому-то вылезать из глубокой задницы приятно и... странно.

— Я ужасно перепугался, когда ты потеряла сознание.

— Я его не теряла.

— Чего-чего?

— Пришлось притвориться. Я слыхала, что молодые маги могут в первое время плохо владеть своим даром, и что хороший толчок в виде потрясения или какой-то другой эмоции может им помочь.

— Ах ты ж засранка такая! — сказал я удивленно. А затем расхохотался. — Право слово, не знаю, затрещин тебе надавать за такое или расцеловать.

— Расцеловать можешь. Или я тебя, — томно вздохнула хитрая лиса.

— Ну ты даешь, — покачал я головой. — Я ведь реально поверил. Выглядело ну очень натурально.

— Я умею добиваться от мужчин того, что хочу, — улыбнулась она безо всякой насмешки или лукавства. — Профессия обязывает.

— С такими проблемами нафига тебе эта профессия сдалась? Уйди и займись чем-то другим.

— Чем? Я ничего не умею, кроме этого. Полы драить у какой-нибудь зажавшейся аристократической тетки? — Ее взгляд заискрился яростью.

— Твоя жизнь, твой выбор, — поднял я руки в знак того, что сворачиваю с болезненной темы.

— Спасибо тебе, Дан. — Эйдин поднялась и завернулась в запыленный плащ. — Я помню про наш уговор.

— Гораздо важнее другой его пункт: о моем даре ни слова, — твердо сказал я.

— Я — могила, — кивнула девица.

Да-да, конечно. Все вы так говорите.

Жизнь с момента помощи Эйдин текла размеренно и без происшествий. Я махал мечом в иллюзиях, созданных Мист, пытался облечь свой клинок в свет, но не получалось.

Повторить тот трюк, который помог мне вылечить Эйдин, я мог, но получалось еще не каждый раз. Тренировки помогали, но до автоматизма я создание большого кома энергии еще не довел.

Прошел примерно месяц с тех пор, как я помог Эйдин. И вот она явилась ко мне. На этот раз зашла в дом. Я был один: Виам увела все свое семейство на прогулку, в том числе Укаба.

— Я пришла вернуть тебе долг, — вместо приветствия проговорила девушка. Выглядела она куда здоровее и бодрее, чем в первую нашу встречу. — У двух сынков мелких баронов намечается дуэль. Так, ничего серьезного, мерились своими членами, не буквально, конечно, и не нашли способа умнее разрешить спор, чем биться на мечах. Только вот один из них использует темную магию в битве. Тайно, разумеется. И он победит — в этом нет сомнений. Они бьются лишь до того, как один более менее серьезно ранит второго, ну или пока кто-то не сдастся. Тот, что приходил ко мне, с удовольствием поделился со мной подробностями своего плана. Он сказал, что заплатил темному магу, чтобы тот напитал его клинок убийственными темными чарами. Первая же рана, нанесенная сопернику, станет смертью для того. Но этот, который приходил ко мне, останется чист, никто не заподозрит его в обмане. Маг поклялся ему, что любой обыкновенный лекарь подтвердит, что раненый барон умер от заражения крови, а не от самого ранения. Даже если тот, который с зачарованным мечом, будет ранен, он все равно успеет хотя бы маленькую дырочку проколоть в своем сопернике — и этого будет достаточно. Барону не принципиальна победа в одной дуэли, ему куда важнее полностью уничтожить противника. Ну что, тебе сгодится эта информация? — Моя осведомительница с надеждой взглянула на меня.

— Это очень интересно. Как минимум — это надо обдумать... — проговорил я задумчиво.

Темная магия, значит. Разрушительная. А моя — созидательная. Хм...

Глава 21. Хочешь еще золота? Создай!

Я стоял за деревом и наблюдал. А смотреть было на что.

Я пришел в одну из самых приличных улиц Коронама. Не в самую роскошную — в самых роскошных обитает высшая аристократия — но в очень и очень ухоженную, красивую и благоустроенную. Здесь жили мелкие бароны и прочие зажиточные люди, пусть даже и без титулов.

Эх, разве это место сравнится с той смрадной помойкой, в которой ютимся мы? Вот бы Виам, Укаба и детишек перенести жить в такой район. Они завизжали бы от восторга. Но это лишь большие фантазии копошащегося в грязи червя. По крайней мере, пока.

Мне было некомфортно разгуливать в своей поношенной и грязной одежде среди шикарно одетых людей, потому что все смотрели на меня с отвращением и презрением. Меня уже пытался прогнать слуга какого-то местного богатея, когда я чуть не попался под их повозку, но я сбежал поскорее из поля их зрения. Спасибо хоть, камнями побить не пытались, паразиты зажавшиеся.

Стоя в этом чистом и красивом месте, я впервые максимально отчетливо осознал ту пропасть, что пролегла между такими, как я и Виам, и между теми, у которых сейчас в рабстве находятся сын Маха и Агнар. Непреодолимая пропасть. Но я обязан перепрыгнуть через нее, чтобы забрать у зажавшихся титулованных свиней то, что им не принадлежит. Забрать и вернуть свободу. А для этой цели мне очень, ну очень нужны деньги. Золото. Много золота. Вот почему я стою сейчас за деревом и гляжу на ворота барона Бренда, за которыми стоит его великолепный огромный дом в два этажа. В этом доме живет и сын барона — Ларс Бренд. Он мне и нужен.

Эйдин сообщила мне имя баронского сына, приблизительный адрес, а уж зная примерно, как ориентироваться, с помощью языка можно до любого человека в городе добраться, тем более до барона, которого многие знают.

Та же Эйдин сообщила мне, что на сегодня на полдень назначена дуэль Ларса с его врагом — сыном барона Крога.

Я намеревался посоветоваться вначале с Мист, но она не появлялась уже несколько дней, а ждать я больше не мог. И так дотянул до самого дня дуэли. Я хотел спросить у Мист, нет ли такого артефакта, который мог бы защитить Ларса Бренда от темной магии, заключенной в меч его противника. Ну что ж, раз нет лучшего плана, буду действовать, используя исключительно свои мозги. Очень надеюсь, что Ларс Бренд не вышвырнет меня, как последнего бродягу, и хотя бы выслушает.

Вся моя затея от начала до конца была невероятно рискованной и сомнительной. Я не желал светиться, больше всего я хотел оставаться в безопасной тени, но делал все для того, чтобы как можно больше народу узнало о моем даре. Меня это бесило. Но в то же время я прекрасно понимал, что без золота я не помогу Виам, не отыщу пацана, который стал мне дорогим человеком, сына Маха, и уже тем более не смогу освободить их от рабства. Мне нужна была хоть какая-то свобода, мне нужно было встать твердо на ноги, а это мне могли обеспечить только деньги.

Я подошел к высоким деревянным воротам, по обе стороны которых вырастали такие же высоченные каменные стены. И это всего лишь дом мелкого барона! Впрочем, титул — это одно, а размер богатства — совсем другое, и не всегда они зависят друг от друга.

Постучал с помощью металлического кольца по воротам. Спустя минуту крохотное оконце на уровне моего лица раскрылось, и я увидел недружелюбное лицо стражника.

— Чего надо? Подаяние опять клянчите, свиньи вонючие? Пшел вон отсюда, бродяга!

— Прошу вас, скажите его благородию Ларсу Бренду, что я по важному делу — это касается сегодняшнего события, которое должно случиться в полдень. Он поймет, о чем я говорю.

Благородие, блин. Я заранее выведал у Виам (окольными, конечно, путями), как обращаться ко всяким высокопоставленным лицам. Фуф, главное, к герцогу не обратиться, как к барону, хотя с герцогами мне повидаться вряд ли придется. Если только Агнар или сын Маха не у одного из них в рабстве.

Стражник молча захлопнул окошко. Так, ладно, подождем, вдруг он пошел докладывать хозяевам, на что я очень надеюсь?

Прошло минут десять, прежде чем ворота раскрылись, и меня впустили внутрь. Тот же стражник, угрюмо подождав меня взмахом руки, повел меня внутрь дома. Мы попали в огромный, нет — в ГРОМАДНЫЙ — зал, обставленный статуями и обвешанный гобеленами. Эхо разлеталось по помещению от наших гулких шагов. Мы пересекли зал, попали в коридор, прошли по нему, попали в большую комнату, вышли из нее в очередной коридор и, наконец, меня провели в большую комнату, внутри которой были двери еще и в другие комнаты.

— Покои его благородия. — Стражник, сказав это, исчез.

Передо мной за большим столом сидел молодой мужчина, разодетый примерно так, как рисуют средневековых аристократов в исторических книгах. На нем был зеленый кафтан с белым стоячим воротником и серебристыми пуговицами. У сына барона были аккуратно стриженные светлые волосы, усы, светлые голубые глаза и подозрительно поджатые губы. Он пристально смотрел на меня, и во взгляде его не было и тени доброжелательности.

— Кто таков и зачем явился? Тебя Крог подослал?

— Нет. Напротив, я пришел, чтобы предотвратить беду, предупредить вас о подлости, которую замышляет этот человек против вас. Он не позволит вам выжить в дуэли.

— Что ты такое болтаешь, голодранец? — презрительно скривился Бренд. — Откуда тебе знать такие вещи? Как ты вообще посмел заявиться сюда и угрожать мне?

— Разве я угрожаю? Я пытаюсь помочь вам. Я узнал, что ваш противник хочет победить вас темным способом, и решил, что вас может заинтересовать эта информация. Но если я ошибся, прошу меня простить.

Я слегка склонил перед выскочкой голову и сделал вид, что собрался убраться.

— Стой, голодранец. Откуда у такого, как ты, такая информация, если она правдива?

— У такого, как я, тоже есть уши, ваше благородие, — холодно отозвался я.

— А тебе палец в рот не клади. — Ларс задумчиво оглядел меня с головы до пяток, будто бы мой внешний облик мог помочь ему понять мою суть. — Рассказывай, что знаешь, и проваливай, пока не получил за свою дерзость.

— Нет, ваше благородие. Я не расскажу ничего просто так.

— Ты это серьезно сейчас? — нехорошо прищурился выскочка. — Не много о себе возомнил?

— Прошу меня простить за дерзость, ваше благородие... — блин, аж скулы сводит от этого бесконечного пресмыкательства, но иначе никак нельзя — нарвусь на неприятности и цели не достигну, — ...но я вынужден обменять информацию на золото, потому что

голодаю.

Выскачка задумчиво посверлил меня взглядом, а затем спросил:

— Сколько ты просишь золота?

— Тридцать золотых.

Ларс Бренд поперхнулся от негодования.

— С огнем играешь, голодранец. Тридцать золотых для такого, как ты — целое состояние.

— А для такого, как вы — нет. Простите меня за дерзость, ваше благородие, но нищета и голод заставляют даже самых рассудительных людей идти на полные безрассудства. К тому же, я продаю вам не только информацию, но и свою помощь, а помощь вам понадобится, если вы не откажетесь от дуэли.

— Что-то ты совсем заговорился, приятель, — нахмурился мой собеседник. — Выкладывай все, что знаешь — и получишь золото. А если узнаю, что солгал, что водишь меня за нос — несдобровать тогда тебе.

Я поведал Ларсу о плане его врага, упустив момент, связанный с Эйдин, разумеется.

— Откуда у тебя эти сведения? Говори, голодранец.

— Не могу сказать, ваше благородие. Сведения мне предоставил человек, которому я доверяю. И я не намерен подставлять этого человека под удар — даже под страхом смерти. Вы можете верить моим словам.

— Это мы еще проверим...

— Ваше благородие, прошу вас, откажитесь от дуэли, иначе вы можете погибнуть.

— Знаешь, что я думаю... — Бренд подошел ко мне почти вплотную и прожег меня своим взглядом, в котором вспыхивали искры ярости, — ...я думаю, что тебя подослал сам Круг, чтобы я отказался от дуэли, уронил свою честь и позорно заклеил имя всей своей семьи. Отец не простит мне такого позора. Пошел вон отсюда, пес, пока я не передумал и не велел отрезать твой поганый язык.

— Ваше благородие...

— Пошел вон, я сказал!

— Но вы обещали...

— Золота тебе, да? Иди и работай, червь! И будет тебе золото! Скажи спасибо, что отпускаю тебя целым и невредимым. Знаешь, а ведь я уже готов был поверить тебе. Я знаю, что Круг — тот еще подлец и способен на всякое, дабы получить свое... Но когда ты всерьез предложил мне отказаться от дуэли, сомнений у меня не осталось — это все подстроено Кругом. Иди же, возвращайся к нему и скажи, что я не позволю посрамить свою честь!

— Я уйду. Но сегодня ровно в полночь я буду ждать вас у ваших ворот. Если вы почувствуете себя плохо, отправьте за мной одного вашего человека, которому вы целиком доверяете — я приду и помогу.

— Даже если допустить, что все это правда — как же мне может помочь нищий голодранец?

— Узнаете. Только очень вас прошу не говорить обо мне никому — только одному человеку, кому вы полностью доверяете. Я не хочу, чтобы о моей возможности помочь вам узнали другие. Мне слава ни к чему, я только хочу из нищеты вылезти — не более.

— Слишком ты складно говоришь для нищего... — Ларс задумчиво провел по подбородку. — Ты из касты червей?

— Нет, из корней, ваше благородие.

— Ладно, ступай отсюда...

Я слегка склонил голову и покинул выскочку, который через несколько часов собирался отправиться, чтобы подписать себе смертный приговор.

Боялся ли я? Очень. У меня сердце в пятки уходило от мысли, что Эйдин может пострадать из-за того, что рассказала мне то, что не предназначалось для моих ушей. Я боялся, что Ларс Бренд велит проследить за мной, а затем придет ко мне домой и причинит зло Виам и ее семье. Просто чтобы наказать меня за наглость. Я ужасно боялся, что весь мой плохо продуманный план полетит в тартарары, и тогда я не доползу до своей цели. Но другого плана у меня не было, и цели другие я ставить не желал, потому что для меня были важны именно эти — помочь семье Виам, найти и освободить Агнара и сына Маха. А уж потом, если все удастся осуществить, можно задуматься и о том, чем мне заняться в этом мире, в каком направлении шагать и к чему применить свой полезный дар.

Ночью в сказанное Ларсу время я явился к воротам его дома. Остановился, конечно, не рядом, а подальше, чтобы не вызывать подозрений. Впрочем, я целенаправленно выбрал такое время, чтобы не натолкнуться на улице ни на кого, но предосторожность еще никому не мешала.

Я ждал, сидя, прислонясь к дереву. Вокруг было тихо. Не было слышно скорбящих воплей внутри дома Брендгов, не было видно суматошной беготни. Но, видимо, еще не все плохо. Эйдин сказала, что темная магия убьет Ларса по истечении двух суток, времени прошло еще не много. Но симптомы уже должны были явно проявиться. Я не знал, смогу ли вообще помочь парню, хватит ли у меня сил, усею ли — проверить это можно было лишь одним способом.

Я не знал, который час, но уже почти светало, когда ворота Брендгов открылись, и на улицу вышел высокий, худощавый старик в серой накидке. Я отчего-то был уверен, что он непременно за мной, и двинулся ему навстречу.

— Господин умирает, — тихо оповестил меня старик. — Если ты действительно можешь помочь, идем со мной. Если же нет — лучше бы тебе тогда не родиться на этот свет...

Хм, неплохое начало. Воодушевляет и мотивирует как минимум.

Я двинулся за стариком, и вскоре мы оказались в покоях Ларса. Баронский сын лежал на своей роскошной кровати и тяжело дышал. Лицо его опухло. На правое плечо была наложена повязка, и через нее обильно сочилась кровь. Часть руки, не скрытая повязкой, выглядела жутко: будто там развилась гангрена.

Рядом с сыном стоял статный пожилой мужчина с тронутыми сединой волосами и суровым лицом. Одет он был просто, но дорого. Думаю, это сам барон.

— Ларс сказал нам, что ты ждешь у ворот, что ты можешь помочь, — сухо проговорил барон, глядя на меня. — Мы вызывали лучшего лекаря города, он сказал, что все хорошо, что рана несерьезная. Но Ларсу становится все хуже. Пару часов назад он еще связно мог говорить, а теперь он все чаще проваливается в забытие, его трясет лихорадка. Спаси моего сына — и я щедро вознагражу тебя. Если же ты нас обманешь — не видать тебе больше неба над головой.

С уст этого человека даже угроза смерти звучала не так омерзительно, как она обычно звучит.

— Ты — лекарь? — спросил барон.

— Нет, ваше благородие, я маг. И прежде чем попытаться помочь вашему сыну, я попрошу вас дать мне клятву сохранить в тайне то, что у меня есть дар, а также не дать Кругу повода думать, что ваш сын узнал о его подлости через другого человека. Иначе мой информатор пострадает.

— Клянусь, только спаси моего сына! Но ты сказал, что попробуешь... ты не уверен, что сумеешь помочь?

— Конечно, нет, ведь я не Бог. Я просил вашего сына отказаться от дуэли, но он оскорбился на это.

— И правильно сделал. Он защищал свою честь на этой дуэли.

Я мысленно закатил глаза. Как задолбал этот аристократический пафос. Лучше бы Ларс мозги свои так хранил, как честь, а то помрет ведь еще из-за тупости своей.

Я подошел к кровати и сел рядом со стонущим баронским сыном. Выставил руки перед собой, сконцентрировался, на ладонях возник родной, полюбившийся мне мерцающий ком света. Маловат будет. Я напряг волю до предела. Давай же, давай... Да! Ком разросся до тех размеров, до которых вырос, когда я помогал Эйдин. Я аккуратно переправил его в раненое плечо Ларса.

Минуты стали проплывать одна за другой, но хрипы и стоны больно все не прекращались.

Барон долго молчаливо ждал, но, наконец, не вытерпел:

— Что все это значит?

— Погодите. Дайте мне время.

Что же не так? Неужели я опоздал?

Я всмотрелся в Ларса. Не как обычно, а заглянул вглубь его тела. Вот оно — гниение его плоти. Гниение сосредоточилось в области раненого плеча, но распространялось и дальше, только медленно. Я увидел, как щупальца тьмы тянутся во все стороны тела мужчины. А если попробовать, не отключая внутренний взор, вытащить из себя энергию и влить ее в больного?

Я сконцентрировался на том, чтобы продолжать видеть разрушение в теле баронского сына и в то же время соткать магию у себя в ладонях. Тяжело распределять внимание в две стороны и следить за тем и другим одновременно. Получилось! Мерцающий ком возник у меня в руках, я его вложил в тело Ларса. Свет впитался в его плечо, поплыл по его ране, растворился где-то в глубине организма. Щупальца тьмы укоротились спустя несколько секунд, но не исчезли совсем. Похоже, требуется больше энергии.

Я проделал все то же самое снова. Я воссоздавал в организме Ларса то, что было разрушено темной магией. Я восстанавливал здание его здоровья из руин, возвращал раненому тьмой его целостность.

Мне приходилось повторять снова и снова свои манипуляции. На четвертый раз я ощутил слабость, у меня слегка задрожали руки. На шестой раз я подумал, что скоро свалюсь в обморок от истощения. Но мне пришлось проделать все в седьмой раз, и после этого спустя несколько минут я увидел, что ядро тьмы, сосредоточенное на месте раны, рассосалось. Зло ушло из тела Ларса. Спустя еще несколько минут у мужчины выровнялось дыхание, прошла лихорадка и спал отек с лица. Ларс открыл глаза:

— Что произошло? — Он удивленно оглядел нас, остановился глазами на мне.

— Я вытащил тьму из вас. Восстановил то, что с помощью темной магии разрушил Круг.

После того, как я сказал это, моя тушка без сознания рухнула на кровать. По крайней мере, именно так мне передал барон после моего пробуждения.

В себя я пришел в покоях в доме барона. Я лежал на простой, но крепкой и большой кровати. Служанка, завидев, что я очнулся, упорхнула, а спустя минут десять вернулась с подносом в руках. У меня заурчало в животе при виде ароматно пахнущих и восхитительно выглядящих лакомств. На подносе были фрукты, мясо, большие ломти сыра, сладкий пирог и какой-то отвар из трав, от которого у меня внутри мгновенно стало невыразимо тепло и хорошо.

После трапезы меня провели к барону. Он, расспросив о моем самочувствии, дал мне мешочек с золотом.

— Ты спас жизнь моего наследника. Я не забуду об этом.

— Я вас очень прошу, ваше благородие, не упоминайте о моем даре. Забудьте, что он есть у меня.

— Ты боишься, что за тобой придут? Но ты мог бы хорошо устроиться с таким даром. Тебе хорошо платили бы.

Все-то они измеряют золотом, подумал я, а вслух сказал:

— Мне не по нраву идея служить кому-то, ваше благородие. Я привык хоть и к нищей, но вольной жизни.

— В таком случае подозреваю, что ты откажешься от места в моем имении. Я бы подыскал тебе непыльную работенку там.

— Это честь для меня, ваше благородие. Но я не могу принять ее.

— Что ж, у тебя, видно, есть на то основания. Не смею возражать тебе, ты спас моего сына, и я уважаю твой выбор.

— Спасибо, ваше благородие. Я могу идти?

— Да, конечно.

Я покинул дом барона.

Мешочек я рискнул открыть только ночью дома, когда все спали. При свете свечи я сосчитал золотые монеты и надолго застыл на месте от потрясения. В мешочке было пятьдесят золотых динаров.

Глава 22. Не возжелай служанку свою

В моем сознании до сих пор не помещалось то, что барон одарил меня пол сотней золотых! Уму непостижимо! Да ведь я теперь богач! Беглый раб с целым состоянием — это настолько абсурдно, это такое предельное безумие, что я, когда подумал об этом в первый раз той ночью, когда пересчитывал монеты, так смеялся, что едва не перебудил всех дома.

С той ночи прошло два дня. Я все еще пребывал в ступоре и попросту раздумывал, как быть дальше. Пятьдесят золотых динаров! всю жизнь переменить можно. Похоже, что пришла пора начать это делать.

Мне очень хотелось первым делом увезти из этой вонючей дыры Виам, Укаба и детишек, но меня одолевали серьезные сомнения на счет здравости этой мысли. В Альбите жесткая кастовая система. То, что я не раб — это просто чудо, причем вполне обоснованное, ведь я не из этого мира. То, что тогда удалось вытащить Маха и Агнара из рабства — это очередное чудо, за которое стоит благодарить Руну. Причем, ей эти жесты благородства в мою сторону обошлись дорого — лишением должности, а возможно, и еще каким-то наказанием, я ведь не знаю наверняка.

Нельзя просто взять и сменить касту — это очевидно даже для меня, человека, попавшего сюда совершенно из другой реальности.

Виам и ее семья принадлежали к касте корней. Корни — это крестьяне и бедные горожане, у которых есть хоть какой-то угол для житья и которые хоть как-то проявляют себя в социуме. Если человек безработный и бездомный — он бомж, а бомжи — это уже черви, как и рабы.

Мне категорически не хватало информации. Все, что я знал, было слишком поверхностно и фрагментарно. Я решил пополнить свои познания о королевстве с помощью Виам. Только вот как это сделать основательно, но не вызвав подозрений?

— Скажи, а ты бы хотела переехать отсюда? — зашел я издалека, отпивая травяной чай.

Мы с хозяйкой дома сидели вдвоем на кухне. Укаб спал: старик был слишком слаб и большую часть времени проводил в постели. Нур тоже спала. А Вали играла с соседскими детьми где-то в коридоре за пределами квартиры.

— Переехать? Как это? — Виам изумленно посмотрела на меня.

— Ну как... в другой дом, например, или в другой город даже...

— Скажешь тоже, — покачала она головой, но улыбнулась, словно я ребенок, ляпнувший невероятно наивную, но умилительную вещь. — Ты ведь знаешь, Дан, что у нас нет денег на это.

— Но ведь мечтать никто не запрещает.

— Какой смысл в мечтах... — грустно вздохнула Виам. — Мечты — это побег в мир грез для сломанных душ.

— Давай сбежим ненадолго в этот мир, а? — заговорщицки подмигнул я, нагибаясь к ней поближе через стол. — К тому же, мы ведь не рабы, а свободные люди, в теории мы могли бы покинуть город...

— Конечно, могли бы, но куда идти? Да и зачем? Города везде одни и те же, и дома такие же, и люди. Нищета одинакова во всех уголках мира.

— А ты вообрази, будто мы стали богачами. Что бы с нами стало тогда, как думаешь?

— Думаю, нас схватили бы власти и вытрясли бы из нас души, чтобы выпытать, откуда в

нищете богатство завелось.

— Какая же ты зануда, Виам. — Я по-братски потрепал ее по щеке. — Все мечты рушишь.

— Не привыкшая я мечтать, Дан, — снова вздохнула она. — По юности, с мужем дурачились, воображая, что однажды выйдем в люди, а потом... — Она махнула рукой и отвернула помрачневшее лицо в сторону.

— Как звали твоего мужа?

— Акиль.

— Я понимаю, что тебе сильно не хватает его...

А понимаю ли я на самом деле? Я не любил так, как любила Виам своего мужа.

— Ты не думала о повторном замужестве? — спросил я осторожно, боясь, что от этого разговора ее рана может снова начать кровить.

— Что ты такое говоришь? — У Виам глаза широко распахнулись от изумления. — Как я могу предать его память, выбрав себе другого спутника? Ведь брак — это навсегда. Мы клятвы давали. И вообще... люблю-то я его. — Ее глаза наполнились слезами.

— Прости меня, Виам, не стоило мне касаться этой темы... — Я взял ее за руку и нежно погладил.

— Все в порядке, Дан. Ты стал мне, как брат, и я рада поделиться с тобой тем, что на душе.

— Спасибо, Виам. Вы тоже стали мне родными.

— Хочу, чтобы ты знал... — она замаялась на мгновение. — Я не хочу, чтобы ты считал себя обязанным нам чем-то. Я про жилье... Ты стал одним из нас, Дан. И с этого дня ты здесь не съемщик жилья, а... член нашей семьи.

Я ощутил прилив горячей благодарности, мощным потоком хлынувший прямо в сердце. И мне стало жутко не по себе оттого, что я вынужден лгать Виам. Неправильно это как-то.

— Скажи, Виам... если бы ты узнала обо мне нечто... ну, не знаю... особенное, что ли... если бы я открыл тебе свою тайну, ты бы смогла относиться ко мне так же хорошо, как прежде?

— Что ты хочешь мне сказать, Дан? Прошу, не пугай меня. — Виам вся побледнела.

— Я не беглый преступник, не волнуйся, — улыбнулся я, сомневаясь, надо ли было затевать этот разговор, но отступить поздно, да и надоели уже все эти хитросплетения и бесконечная ложь. — Я не из Альбита, Виам. Я явился сюда из очень и очень далеких земель.

— Из каких, Дан?

— Я не могу открыть тебе всей правды — для сохранения твоего душевного равновесия, милая моя. Но я тебе клянусь — тебе нечего опасаться меня! Все это время я был совершенно искренен с тобой, и в наших отношениях ничего не поменяется, если только ты не передумаешь и не захочешь меня выгнать.

— Не захочу. Но к чему вся эта загадочность, Дан? Что ты такое скрываешь и почему?

— Мне нельзя открывать перед другими людьми то, что я не из Альбита, Виам. Прошу тебя сохранить это в тайне.

— Поэтому ты иногда задавал странные вопросы? — догадалась женщина. — Я еще думала, что ты порой задаешь такие вопросы, ответы на которые и младенцы знают, но как-то не придавала этому большого значения.

— Да, Виам, твое наблюдение было верным. Я очень мало знаю об Альбите, плохо

ориентируюсь в ваших законах и традициях. Попав в королевство, я оказался в касте червей, а теперь я — никто. У меня нет ни документа, ни фамилии, ни работы. И мне очень нужна твоя помощь, Виам. Мне нужны знания об окружающей меня реальности.

— Но как же ты попал сюда, Дан? И почему покинул свои края?

— Так получилось. Это очень долгая и сложная история, милая моя. Прости, но нам лучше не обсуждать это. Ты только верь, что я не опасен для твоей семьи. Ты мне веришь, Виам?

— Конечно, Дан! Я изумлена, у меня тысяча вопросов в голове, но я доверяю тебе, и если ты говоришь, что лучше не поднимать этот разговор...

— Спасибо, милая! — Я благодарно сжал ее тонкие, измученные тяжелой работой, пальцы. — А теперь я повторяю свой вопрос: если бы у тебя появилось золото, чтобы переехать — в другой дом, город, не важно — это было бы возможно?

— О чем ты спрашиваешь, Дан? Зачем? — На этот раз в ее глазах был настоящий испуг.

— Просто ответь.

— Касту сменить нельзя, ты знаешь это. Люди из корней могут позволить себе дом не лучше этого. — Она обвела рукой помещение. — Мы могли бы продать наш дом и купить другой, но какой в этом смысл, если он будет не лучше, а то и хуже?

— А если подыскать что-то получше? Попросторнее, например?

— Да откуда же у бедняков золото на то, чтобы расширить свой угол для житья? К нам тотчас же появились бы вопросы у властей.

— Понятно... — разочарованно протянул я.

Будто верил, что может быть иначе. Только не в этом мире.

— Проверка властями, а дальше что?

— Как бы я объяснила им, откуда золото? — как младенцу начала втолковывать мне Виам. — Если бы они нашли его, отобрали бы, потащили бы в суд, обвинили бы в краже...

— М-да... значит, с домом плохая идея.

— К чему все это, Дан? Неужто ты предлагаешь мне украсть золото?

— Что ты! Неужто ты думаешь так плохо обо мне? — Потрепал я ее по руке, которую до сих пор держал в своей. — Я вынужден открыть тебе еще одну свою тайну, Виам. Но я тебя предупреждаю: если о ней кто-то узнает, мне спокойной жизни не видать.

— Я поняла. Ты меня пугаешь, Дан.

— Не бойся, я никого не убил. Дело всего лишь в том, что я — маг.

— Маг? — Глаза Виам в очередной раз округлились от потрясения. — Настоящий?

— Конечно, какой же еще. — Мне даже доставило удовольствие сказать это.

Я — маг. Блин, круто звучит!

— И что ты умеешь?

— Вот это.

Я продемонстрировал женщине свои способности. Увидев у меня в ладонях переливающийся сине-белым ком света, Виам вскрикнула и закрыла рукой рот.

— В жизни подобного не видела.

— Да ладно? — удивился я. — Я думал, тут такие фокусы каждый второй маг умеет вытворять.

— Один раз доводилось увидеть мага огня, издалека, правда, на городской площади. Но с его руки сорвалось пламя — оранжевое такое. А такого, как у тебя, ни разу не видела. Что это?

— Это магия созидания.

— Ты можешь что-то сотворить?

— Хм... вообще-то нет. Только восстановить разрушенное. Кажется... — Я глубоко задумался. — Слушай, Виам, ты гений. И как я раньше не копнул глубже в этом вопросе...

— Ты о чем это?

— Почему мой дар называется даром созидания, если я лишь восстанавливаю разрушенное? Надо это обдумать.

— А так ли это важно? — улыбнулась женщина. — По-моему, Дан, то потрясающе!

— Согласен, — я тоже довольно улыбнулся. — Только прошу тебя, не говори об этом девочкам и Укабу. Девчата — дети, могут проболтаться кому-то, а Укаб...

— Я тебя поняла, Дан, ты прав. Конечно, я буду молчать. Почему ты спрашивал у меня про переезд?

— Потому что хотел увезти вас из этого ужасного места.

— Но как? — ахнула Виам.

Кажется, сегодня у нее день сплошных потрясений.

— Я помог одному барону, и он заплатил мне за это золотом.

— Много?

— Очень много, Виам.

Она тихонько так выдохнула. Глаза женщины были полны испуга и тревоги.

— Не волнуйся. Золото чистое. Я вылечил его сына после дуэли.

— Мне стоит бояться за тебя, Дан?

— Нисколько. Значит, говоришь, нельзя просто взять и начать жить лучше, оставаясь при этом незамеченными?

— Никак. — Виам мотнула головой.

— Тогда останетесь жить здесь, но голодать вы больше никогда не будете. Я дам тебе золото, милая моя, а ты купишь на него все необходимое для вас: лекарства, если нужны, одежду, девочкам что-нибудь... И сладости и игрушки — обязательно. — После этих моих слов женщина схватилась за лицо. У нее задрожали губы. — Только помаленьку, чтобы внимания не привлекать. Лучше всего сделать это не здесь, а в другой части города...

— Бедняки с золотыми монетами везде привлекут внимание, — разумно заметила Виам, унявшая свои эмоции.

— Золото мы, конечно, разменяем... Да и вообще, есть у меня один знакомый владелец лавки. Надо подумать над этим...

— Дан...

— Да?

— Не стоит.

— О чем ты?

Виам опустила глаза.

— Не стоит давать нам золото. Ты не должен. Это не правильно.

— Так, — я поднял ее лицо за подбородок, — во-первых, о какой гордости может идти речь, когда ты сама десять минут назад говорила, что мы теперь семья? Во-вторых, неправильно — это когда малые дети голодают и годами ходят в одной и той же одежде, ясно?

— Да... спасибо, — прошептала женщина, а затем глухо разрыдалась.

— Ну-ну, полно тебе плакать... — Я подошел к ней и прижал ее голову к себе. — Ну,

хватит, Виам, все же хорошо...

— Прости... я просто... не ощущала такой защищенности с тех пор, как умер Акиль.

— Теперь все наладится. Я вас в обиду не дам... Обещаю!

— Что значит, ты заработал пятьдесят золотых?! — вскричала во второй раз Мист.

— Я уже все рассказал тебе, — возмутился я. — Ты что, не веришь мне?

— Да я просто в ярости оттого, что такое веселье пропустила!

— Так сама виновата, что шлялась не пойми где столько времени.

— Шлялась?! — Она стукнула меня ладонью по затылку.

— Эй!

— У меня вообще-то свои дела могут быть, я тебе не нянька!

— Тогда нечего ныть!

— Ладно... А ну покажи золото! Не поверю, пока не увижу своими глазами.

Я вытащил мешочек из-под соломенного матраса и высыпал монеты на кровать.

Мист, как и всегда, выждала, когда я останусь дома один, чтобы посетить меня, так что мы не опасались ничьих любопытных взглядов.

— Ого-го! Да ты оказался куда шустрее, чем я думала, мальчик мой! — Мист быстро забегала глазами по монетам. — Здесь только сорок монет.

— Да. Я отдал часть Виам.

— Рассудок где-то выронил? — завопила Мист. — С какой стати золотом раскидываешься? Самому пригодится!

— Ты мое золото не считай, — сурово сказал я. — И Виам не трогай: она и ее родные под моей защитой теперь. Я поклялся себе вытащить их из дерьма, и я это сделаю.

— Тоже мне, рыцарь благородный нашелся... — проворчала противная брюнетка.

— А что, рыцари такие уж благородные?

— Редко.

— Очередной разрыв шаблона, — усмехнулся я. — А где ты пропадала?

— Тебя не касается.

— Ух, злюка! А сама в мои дела лезешь.

— Я тебе помогаю вообще-то. — Мист снова проехала ладонью по моему затылку.

— Прекращай руки распускать! Кстати... насчет помощи. Ты не могла бы кое-что сделать для меня?

— Все, что угодно, ваше высочество. — Нахалка издевательски поклонилась.

— Мист, я серьезно.

— Говори уже давай.

— Я очень переживаю за Эйдин. Вдруг Крог додумается до того, что кто-то предупредил Бренда об опасности? Ведь если включить мозги и все хорошенько обдумать, несложно догадаться, что Эйдин могла приложить руку ко всей этой истории. Хотя у меня, наверное, просто паранойя разыгралась...

— Я бы не сказала. Ты вполне логично рассуждаешь. Конечно, сложно в чем-то заподозрить шлюху, ведь таких, как она, за людей не считают... но если человек, особенно человек при деньгах, желает докопаться до правды, он это сделает. Ты хотел попросить меня проследить за этим Крогом или что?

— Да. Пожалуйста. Ты ведь сможешь?

— Пф, спрашиваешь, — самодовольно хмыкнула Мист. — Завтра вернусь, сообщу новости. — Чокнутый Страж Источника исчез.

— Вот всегда она так... — проворчал я недовольно.

Квиг Крог вернулся домой со званого вечера. Ох уж эти приемы у высокопоставленных лиц — скука сплошная. Всем улыбайся да раскланивайся — баронского сына блевать тянуло от такого.

— Наведаться, что ли, к Эйдин, тоску разогнать и мысли развеять... — протянул он задумчиво.

Тут в его покои постучались.

— Войдите.

Дверь открылась, и в помещение вошла служанка. «Из новеньких, что ли?» — промелькнуло в мыслях будущего барона. Девушка была одета, как и все служанки, в простое серое платье до колен, в белый передник. На ее хорошенькую голову был повязан платок, из под которого выбивались черные пряди. В руках у служанки были ведро и тряпка. Лицом девица была хороша, как свежеспевшая ягода. А уж тело... Квиг был без ума от форм, которыми обладала милашка.

— Ты новенькая? — спросил молодой мужчина.

— Да, ваше благородие. Меня наняли вместо женщины, которая была выгнана за воровство.

— Да, мать говорила что-то про пропавшее кольцо... — вспомнил Крог. — А ты, значит, не имеешь привычки руки тянуть к чужому?

— Что вы, ваше благородие! — испуганно шарахнулась бедняжка.

— Да ты не пугайся, я же шучу. — Квиг медленно подошел к служанке, взял из ее рук ведро и поставил его на пол. — Я, кстати, совсем не против, чтобы ты распускала руки в мою сторону... — Мужчина сдернул с головы девушки платок, и по ее плечам рассыпались роскошные иссиня-черные волосы. — Ах, какая же ты прелесть, оказывается. А что у нас тут, поглядим... — Его благородие сорвал с несчастной испуганной девушки передник и принялся расстегивать пуговицы на ее платье.

— Стойте, ваше благородие... — Девушка попыталась его остановить.

— Ты смеешь перечить мне? — Крог больно сжал ее пальцы.

— Что вы, ваше благородие... Я только хотела сказать вам... спросить вас... не хотите ли заняться этим... в более подходящем месте? Я знаю одно такое.

— Что ты говоришь! — восхитился баронский сын смелостью девицы. — Я готов на все, что ты готова мне предложить, милая.

— На все-на все? — с хитринкой улыбнулась служанка.

— А ведь былой скромности и испуга, как не бывало, — удивился мужчина, но тут же довольно улыбнулся и резко притянул девушку к себе: — На все, дорогая.

— Тогда закройте глаза, ваше благородие. И не подглядывайте.

Мужчина повиновался.

— Не подглядывайте...

— Твой голос звучит очень сочно, милая. Я сгораю от нетерпения.

— Вам понравится, ваше благородие, я обещаю.

Прошло некоторое время. Ощущения Крога были странноватыми, но он был слишком

возбужден, чтобы обращать на такие мелочи внимание.

— Готово, ваше благородие.

Крог в сладострастном предвкушении открыл глаза и увидел... степь. Голую степь с жуткими деревьями, с уродливыми птицами и хмурым небом. Перед баронским сыном стояла служанка, но глаза ее полыхали таким огнем, которого вовек не сыщешь ни в каких запуганных хозяевами служанках мира.

— Какого хрена происходит? — заорал баронский сын.

— Ох, не пристало так выражаться лорду, ваше благородие. — Девушка осуждающе поцокала языком.

— Не знаю, что ты натворила, проклятая ведьма, но верни меня обратно. Я тебя на гильотину отправлю, тварь поганая!

— Или я тебя — только гильотины здесь нет, не обессудь. — Она очаровательно улыбнулась. — Наслаждайся, радость моя.

— Что ты...

Договорить баронский сын не успел. Прямо перед ним возникла странная фигура, очертаниями напоминающая человеческую, но словно бы... сотканная из тумана.

— Это еще что за...

Туманная тварь снова не дала договорить мужчине. Она повалила его на землю и стала плотно опутывать собой. Крог сопротивлялся, дергался, орал, пытаясь вырваться, но вскоре затих. Туманная жуть оплела тело баронского сына своими чудовищными щупальцами, те стали проникать в плоть мужчины все глубже и глубже, пока не растерзали изнутри его тело. Из горла Крога хлынула кровь, туманные щупальца распороли ему живот, выживая на поверхность внутренности.

Красавица-служанка стояла рядом и улыбалась. В глазах ее плескалось чувство полной эйфории.

Глава 23. Градус безумия повышается

— Что значит, ты решила перестраховаться?! — заорал я на Мист, едва сдерживая в себе желание вlepить ей пощечину.

Нехорошо все-таки женщину бить, даже если женщина эта — суцая бeстия.

— Хватит на меня орать! — отчеканила она, почти коснувшись моего лица своим. — Я сделала это, чтобы защитить тощую задницу твоей драгоценной шлюшки. Баронский выbleдок уже ломал голову над тем, как мог его враг понять, что заражен темной магией. Рано или поздно он вышел бы на твою шлюшку, и тогда мертва была бы она. Ты бы предпочел такой сценарий? — ехидно усмехнулась Мист.

— Нет, не предпочел бы... — вздохнул я и сел на кровать.

Злость вся куда-то разом улетучилась, я почувствовал себя опустошенным и разбитым изнутри.

Моей названной семьи снова не было дома. Мист проследила, как они ушли, и материализовалась передо мной, с порога заявляя: «Я прикончила баронского сынка, чтобы перестраховаться». Я, конечно, схватился за голову. Не на такую помощь с ее стороны я рассчитывал.

— Тогда что ты тут цирк устроил? — спросила девушка, расхаживаясь передо мной.

— Просто... я не так себе это представлял...

— Что представлял?

— Что буду защищать тех, за кого в ответе. Я не думал, что ради этого придется проливать чью-то кровь.

— Так подумай об этом сейчас, Дан. — Мист остановилась передо мной и, наклонившись к самому уху, прошептала: — Любая большая цель достигается путем больших жертв. Тебе придется проливать кровь и шагать по трупам, если ты хочешь выползти из того дерьма, в котором барахтаешься.

Я ответил ей прямым взглядом и убежденными словами:

— Я не превращусь в убийцу. Это не мой путь.

— А каков же твой путь? До конца жизни пробарахтаться в дерьме? — презрительно скривила она свое смазливое личико. — Тут я тебе не помогу. На мою поддержку можешь рассчитывать, только если планируешь стать выше, чем ты есть. С ползающими на самом дне жизни слабаками я не вожусь.

— Так вали тогда, я тебя не держу, — холодно отозвался я.

— Ой, мой маленький нежный мальчик обиделся. — Она взяла мое лицо за подбородок и провела кончиком языка по щеке.

— Отвали, Мист, — оттолкнул я ее.

— Так... — Девушка отошла на пару шагов и сказала: — У меня к тебе предельно серьезный вопрос.

— Валяй.

— Ты — гей? — предельно серьезным тоном спросила зараза.

— Ты дура? — грубо спросил я, с прищуром глядя на нахалку.

— Тогда почему ты отталкиваешь меня? Никогда не поверю, что от этого... — Она соблазнительно провела ладонью по своим аппетитным формам. — ...можно отказаться в здравом уме.

— Тогда считай, что я ополоумел. Ты уж извини, детка, но ты не в моем вкусе.

— А ты в курсе, Дан, что ты редкостный урод?

— Ага.

— Идиот.

— Повторяешься.

Отвергнутая секс-бомба возмущенно фыркнула.

— Жертвовать своими дурацкими принципами даже ради дела ты не хочешь. Как ты тогда вообще собираешься выживать в этом мире? И чем конкретно ты планируешь заниматься? — спросила она спустя несколько минут молчания.

— О, ты снова разговариваешь со мной. Спасибо, что спросила. Как раз хотел задать вопрос... Руна в последний раз, когда мы с ней общались, пообещала мне, что найдет человека, который мне дорог, а когда я вернусь с острова, сообщит мне, где он. Но Руна пропала.

— Что за человек?

— Мальчик-подросток.

— Ты это серьезно? Ты собираешься возиться с каким-то мальчишкой? — От удивления Мист даже забыла состроить презрительную гримаску.

— Так, сразу говорю — заткнись на этот счет, — отрезал я. — Просто скажи: ты бы смогла помочь мне найти его? Я только знаю, где мы в последний раз видели его. Это случилось до острова, неподалеку от деревни, где я жил. А затем пришли сторонники короля-узурпатора и вырезали всю общину, кроме тех, кого увели в рабство. Мальчика тоже увели.

— Помочь-то я тебе смогу...

— Уверена? — заволновался я.

— Дан, — Мист посмотрела на меня, как на несмышленного младенца, — я — Бессмертная.

— А, да, конечно, извини, забыл, что ты — птица высокого полета.

— Хватит ерничать. Ты лучше скажи мне, готов ли ты заплатить достойную цену за мою помощь?

— Я готов на многое ради того, чтобы спасти мальчишку.

— Это же просто отлично, — хищно улыбнулась Мист.

Договорить мы с Мист не успели: домочадцы вернулись. Страж тут же испарился.

Виам водила семью на прогулку. После нашего с ней разговора на ее лице то расцветала улыбка, то эту улыбку затмевали тучи тревоги и страха. Я понимал, что творилось в душе женщины. Вчера только загибались от голода, а тут какой-то мутный тип отсыпает тебе десять золотых. Их я отдал Виам на продукты и для прочих необходимых трат. Им этого надолго хватит. На ближайшие несколько дней я уже закупил продуктов.

Поболтав несколько минут с Виам и покружив по комнате радостно верещавшую Нур, я отправился, как запланировал еще вчера, за покупками. Решил, что лучше мне самому этим заняться, чтобы Виам лишний раз не светила лицом где не надо.

Для начала я зашел к уже знакомому владельцу лавки, чтобы купить себе одежду поприличнее.

— Какие люди! — дружелюбно приветствовал меня торговец, расплываясь в улыбке. —

Как идут ваши дела, молодой человек? Не собираетесь снова наведаться на остров дикарей?

— Пока нет. Но вообще намереваюсь отправиться в дорогу, чтобы подыскать себе хорошую работу. Потому и пришел к вам: мне бы одежду какую, чтобы хорошая была.

— У меня все хорошее, молодой человек, — обиделся немного торговец и вытащил на прилавок всякие разные тряпки.

Я выбрал коричневую рубашу из качественной, плотной материи, с широкими рукавами, зауженными к кистям; кожаный черный жилет со шнуровкой спереди; пару просторных темных штанов.

— Вот это все упакуйте, будьте любезны. Мне бы еще пару комплектов исподнего белья.

Получив желаемое, я попросил легкую обувь. Сапоги у меня все еще были в отличной форме, но постоянно разгуливать в них было невыносимо жарко.

Торговец предоставил мне кожаные коричневые туфли с заостренными носами. Вот дерьмо! Не то, чтобы туфли были какими-то ужасными, но как же я соскучился по удобным кроссовкам!

— И шляпу, если есть.

— У меня есть все, — гордо ответил торговец и снабдил меня черной шляпой с широкими полями.

— Благодарю вас. Сколько с меня?

— Один золотой.

Я вытащил монету и расплатился.

— Все диву даюсь, молодой человек, вы вроде из деревни бежали от нищеты и голода, а тут уже в который раз ко мне приходите... — Торговец хитренько так глазки прищурил.

— Так ведь я, как лошадь пахал, чтобы вот это все купить. Хочется выглядеть прилично. К тому же, наши друзья с острова очень уж подсобили мне своими пряностями тогда. А еще вот что я вам скажу, уважаемый, — я улыбнулся, источая максимум дружелюбия, — если вы умерите свое любопытство и перестанете подозревать порядочного, честного человека непонятно в чем, я к вам еще не один раз наведаюсь за товарами.

— Да что вы такое говорите! — Замахал руками возмущенно хитрый лис. — Да я ж разве подозреваю вас в чем-то? А любопытство мое вы мне простите, молодой человек, такова уж наша стариковская природа — желать узнать как можно больше. А вы заходите ко мне почаще, я всегда рад таким покупателям.

Я поблагодарил мужчину и пожал ему руку, после чего покинул лавку.

Опасался ли я, что торговец нагадит мне из-за своих подозрений? Есть немного. Но я почти уверен, что жажда золотишка пересилит в нем тягу соваться не в свои дела. Деньги, они такие — самый лучший аргумент в любом споре. Но даже если допустить самый худший вариант, важно только одно: Виам и ее семью со мной не свяжут. Подумаешь, угол у них снимаю. Если и будут проблемы, то только у меня, но я придумаю, как выкрутиться. К тому же, я не намерен месяцами тут сидеть. Мист сказала, что поможет отыскать Агнара, а это значит, что скоро мы отправимся в путь.

Я забрел в закуток в конце улицы, в котором было безлюдно, и по-быстрому переоделся в новую одежду. Я намеревался отправиться в торговую лавку в более приличной части города, так что надо выглядеть опрятнее. А то старая моя одежда уже поистрепалась

основательно. Да и не первой свежести она. Виам предлагала мне стирать мою одежду, но я, конечно, отказался (сам стирал, но не так часто, как это делают женщины). Бедняжка и так стерла все ладони в кровь.

Дело в том, что Виам временами подрабатывала, стирая белье обеспеченных людей из касты ствола. Ну и всякую другую грязную работу такого же типа еще делала. Этим копеек несчастной хватало, чтобы кое-как концы с концами сводить, и то они все время недоедали раньше. Но теперь Виам не придется так мучиться. Я строго настрого запретил ей изматывать себя постоянным тяжелым трудом. Конечно, ей все равно придется время от времени брать работу, чтобы не вызвать подозрений, но хотя бы не до состояния изнеможения. Мы с Виам договорились, что, когда я покину их, чтобы искать Агнара (Виам знала об этом), она будет предельно осмотрительно тратить золото, и только на необходимое — налоги, лекарства и продукты.

Выйдя за пределы своей улицы, я нанял извозчика и попросил доставить меня до ближайшего культурного магазина, в котором одеваются люди из ствола. Спустя полчаса повозка остановилась, и я вышел.

Передо мной протянулось длинное, но невысокое здание, внутри которого были бесконечные торговые ряды со всем, что может захотеть купить человек. Побродив между ними, я зашел в лавку с женской одеждой.

— Могу я вам помочь, молодой человек? — обратилась ко мне полноватая женщина — продавщица.

— Да, пожалуйста. Мне бы для своей жены и дочек прикупить одежды.

За следующие полчаса я весь вспотел от напряжения. Кажется, проходить инициацию в мужчины было проще, чем выбрать платья для моих девочек. Сколько же их тут! И они ведь для среднего слоя населения, страшно представить, какой широкий ассортимент представлен для знати!

С помощью терпеливой продавщицы я в итоге выбрал по паре платьев для каждой из девочек: все хорошего качества и кроя, из нормальной ткани, но простые, скромные, без украшений. Мне очень хотелось побаловать Виам и ее дочек красивыми вещами (они же девочки, в конце концов, а девочки во всех мирах одинаково любят наряжаться!), но здравый смысл взял верх, и я ограничился покупкой лишь необходимого минимума.

Поблагодарив женщину, я ушел и продолжил прогулку по другим торговым лавкам. В одной из них купил Виам недорогие простые побрякушки (ну могут же нищие хотя бы дешевые бусы носить?!), а детишкам — несколько игрушек.

В лавке мужской одежды я купил для Укаба по паре рубаш и штанов. Еще в одной — всем по паре нормальной, качественно сшитой кожаной обуви.

Вот теперь, кажется, можно домой. Ох, нет, чуть не забыл!

Оружейной лавки тут не было. Я нанял извозчика и попросил отвезти меня туда, где продают мечи.

Вскоре я уже стоял и выбирал себе клинок. Эх, Кристера бы сюда. Уж он-то мигом выбрал бы что-то простое и качественное одновременно. В конце концов, я остановил свой выбор на небольшом мече с простой рукоятью. Клинок острый — этого мне вполне достаточно.

— Сколько с меня?

— Десять динаров.

— Сколько?! — У меня, наверное, глаза на лоб полезли от возмущенного удивления.

— Клинок этого меча сделан из очень хорошей стали. Но если вы ограничены в средствах, могу подобрать вам что-то...

— Нет, беру этот, — перебил я торговца и выложил на прилавок десять золотых.

Домой я возвращался уже поздним вечером. Полумрак опустился на город. Небо было беззвездным, луна — ущербной, лишь редкие уличные фонари слегка рассеивали темноту.

Возле дома я замер, потому что услышал странные, подозрительные звуки. Хрипы? Стоны? Я прислушался внимательнее. Да это же голос Виам! Кажется, из заднего двора. Я кинулся туда. Увидев, остановился, как вкопанный.

Виам извивалась под чьим-то массивным телом, придавившим ее к земле. Одной рукой мерзавец стиснул ей рот, поэтому женщина только мычала и стонала.

— А ну оставь ее! — крикнул я, бросая мешок с покупками на землю и делая шаг навстречу к врагу.

Тот замер на секунду, а затем вскочил и повернулся ко мне.

— Пошел прочь, если хочешь жить, — почти ласковым голосом сказал мужчина.

Было темно, поэтому я не мог разглядеть черт его лица.

— Я сказал: оставь ее, — тихо повторил я, кладя руку на рукоять своего нового меча, который уже висел у меня на поясе. Как же я вовремя купил его.

— Слушай, дружище... — Мужчина сделал шаг ко мне. — Не мешай мне развлекаться. Этой бабенке ничего не будет. Я только получу желаемое и тут же отпущу ее.

— Развлекайся в другом месте.

— Не могу. Мне уже приглянулась она. — Он с улыбкой (судя по интонации) указал на Виам, корчившуюся на земле от страха.

— Она — под моей защитой.

— Жена, что ли? Так поделись. Могу заплатить за десять минут с ней один золотой. Это очень большие деньги для таких голодранцев, как вы.

— Пошел прочь! — процедил я сквозь зубы, подавляя в себе жажду разорвать гаденыша на лоскуты.

— Да ты знаешь, с кем вообще говоришь, червь? — снисходительным тоном спросил ублюдок.

— Если ты важный человек, зачем тогда шляешься среди таких голодранцев, как мы? — с вызовом спросил я.

— Я так развлекаюсь. Неужели непонятно? У таких, как я — у тех, кто властен делать, что хочет, и богат — бывают свои прихоти. А теперь я говорю тебе в последний раз — уйди прочь.

— Нет!

— Ты сам напросился.

Ублюдок вскинул руку в мою сторону, и тут же из нее полетела толстая огненная струя. Прямо мне в грудь. Да он хренов маг!

Я не успел обдумать ничего. На автомате вытянул ладони, соткал в них ком света и кинул в огненную струю. А та... рассыпалась на землю сотнями тлеющих угольков. Вот это поворот...

— Откуда у бродяги из этой помойки дар, да еще такой мощный? — Враг настолько удивился, что на несколько секунд просто застыл, ничего не делая.

Но очнулся он быстро. Подонок вытащил меч и кинулся на меня. Я не успел среагировать достаточно быстро, поэтому ушел в сторону, выигрывая несколько секунд, чтобы вытащить собственное оружие. И началась очередная пляска смерти для меня. Ублюдок дрался куда лучше, чем я. Его выпады были точны и четки, двигался он уверенно и решительно. Единственным моим преимуществом было то, что я тощий, как палка, поэтому двигался я чуточку шустрее, чем здоровяк.

Я не успел заблокировать очередной его выпад, и меч противника царапнул меня по плечу. Ах ты ж! Больно было ужасно.

Я попытался ударить ублюдка сбоку по корпусу, но он плавно ушел от удара. Шаг в сторону, выпад, шаг назад, блок, рывок назад.

Мы танцевали смертельную пляску еще несколько минут, пока меня не спас чудесный случай. Враг споткнулся обо что-то на земле и на мгновение пошатнулся. И этого мгновения мне хватило, чтобы подрезать его ударом по коленям. Мужчина упал. Я прижал его тело к земле и выбил меч из его рук.

— Тебе это с рук не сойдет, — прохрипел поверженный враг. — Конеч тебе, червь.

— Но не так скоро, как тебе. — Я провел сталью по его горлу.

Мое лицо забрызгала его кровь.

Я услышал тихое поскуливание позади себя. Обернулся: Виам в ужасе глядела на меня и закрывала ладонями рот, сдерживая рыдания.

— Иди в дом. Быстро! — прикрикнул я.

Женщина вскочила и бросилась прочь.

— Требуется помощь? — Возле меня спустя минуту возникла Мист.

— Как догадалась?

— Я все время стояла здесь. Пришла, значит, поболтать с тобой, а тут такие страсти разгораются...

— Что мне делать с трупом, не подскажешь?

— Да я мигом избавлюсь от него. Подожди здесь.

Мист прикоснулась к телу, от которого я успел отползти в сторону. Но в последний миг я ринулся к ним и схватил Мист за руку. Она недовольно взглянула на меня, но возражать не стала. Воздух вокруг нас привычно сгустился, и вскоре мы уже находились в выжженной степи.

Уродливые птицы слетели со всех деревьев и кинулись на труп. Я в ужасе шарахнулся в сторону. Летящие чудовища облепили тело убитого мной мужчины так, что я ничего не видел, кроме сплошного темного пятна на земле. Наконец, копошение падальщиков закончилось, они разлетелись обратно на свои деревья. Я увидел на земле обглоданный дочиста скелет.

Глава 24. Круговорот магии в природе

Жуткое подозрение впилося в мое воспаленное сознание.

— Так, а теперь скажи мне, что это была лишь очередная иллюзия? — медленно повернулся я к Мист, с трудом отворачивая взгляд от того, что минуту назад было человеческим телом.

Туманная тварь словно бы растворилась в воздухе.

Меня изнутри выворачивало наизнанку: от того, что я впервые убил человека и от того, что только что увидел здесь.

— Нет, Дан, не скажу. — Она помотала головой и сделала шаг ко мне.

— Остановись! — Я, напротив, сделал шаг назад.

— Ты что, Дан? — Мист состроила самое невинное выражение лица, какое только может быть. — Это же я.

— Ты — это кто? Страж Источника? Хватит заливать!

— Ты мне не веришь?

— Какое, нахрен, доверие? — не выдержав, взорвался я. — Ты все это время лгала мне! Иллюзии типа, да?

— Ну ладно, ну солгала в одном. Не могла же я тебе сказать, что это место — реальность. Иначе ты бы ни за что на свете не согласился на тренировки, а они казались мне тогда необходимыми. Правда, многого они не дали, но это не страшно, ты и без них научился очень хорошо владеть своим даром.

— Та тварь туманная — настоящая? Что оно такое?

— Да, настоящая. Это всего лишь... один из обитателей этой реальности. Не самый опасный, кстати.

— Успокоила, блин! Что за реальность такая?

— Место обитания Бессмертных.

— То есть все Бессмертные живут здесь? Вот в этом... — Я обвел глазами жуткую степь. — ...в этой дыре, в которой хочется спиться от тоски и безнадеги?

— Да ладно тебе, не преувеличивай. — Мист наигранно улыбнулась. — Все не так уж и ужасно здесь. И не стоит думать, что весь мир Бессмертных ограничен этой степью. Ты видел лишь окраину нашей обители — пустынную и мрачноватую, да, но у нас есть величественные города, до которых простому смертному, разумеется, доступ воспрещен.

— Кто бы сомневался! А в сам мир разве не воспрещен? Как ты вообще меня сюда протащила?

— Говорю же — это окраина мира Бессмертных. Не то, чтобы здесь людей ждут с распростертыми объятиями... но я обошла один из наших законов — не связываться с людьми.

— Ага, еще скажи, что с подлинно благородными целями — помочь мне! — фыркнул я.

— Нет, Дан, цель у меня очень корыстная, тут уж я буду честной с тобой.

— Неужели? Ты мне лучше скажи: ты раньше была со мной честной хоть в чем-то? Или каждое твое слово было обманом?

— Да что с тобой такое?! — вскричала девушка возмущенно. — Почему ты так резко переменил свое отношение ко мне? Да, я тебе лгала в... некоторых вещах. Чтобы не ошеломить тебя, чтобы подготовить тебя! Да пойми ты, Дан, не могла я сразу с порога

вывалить на тебя ушат безумной правды. Ты не был готов к этой правде! Тебе стоило стать сильнее, прежде чем все узнать.

— Так, ладно, хватит с меня твоих пафосных оправданий, — отмахнулся я. — Говори давай: зачем все это затеяла? В какую игру ты со мной играешь?

— Нет никакой игры. Я предлагаю тебе сделку, Дан — честную и взаимовыгодную сделку: ты соглашаешься принять мой дар, мою магию, а я взамен помогу тебе найти и вызволить того мальчишку, о котором ты говорил.

— Зачем тебе нужно, чтобы я принял какую-то там магию? И ты до сих пор не объяснила, как это вообще возможно. Я ведь уже получил ее от Источника. Разве одному магу не полагается один дар?

— Полагается. Но бывают исключения. Ты получишь дар не от Древа-Источника, а от меня лично. Этот ритуал называется диалиси. Он позволяет Бессмертному существу влить силу в мага.

— И зачем тебе это нужно? Ни за что не поверю в твою безвозмездную щедрость, — скептически сказал я.

— Я же тебе призналась, что у меня своя корыстная цель. — Мист улыбнулась. — Я стану сильнее, Дан. Если ты согласишься принять мой дар, ты как бы... станешь источником энергии для меня.

— Что за бред?

— Понимаю, это звучит сложно и странно. Попробую объяснить. Древо — Источник, верно? Ты знал, что его корни получают магическую подпитку от энергии магов, которые получили свои способности от этого Древа? Да, как бы безумно это ни звучало, но это правда: Древо, одаривая людей магией, само же получает подпитку от их сил. То есть энергия возвращается в свой Источник, бесконечно двигаясь по кругу. В случаях, в очень редких, стоит признаться, когда источником силы выступает Бессмертный, работает тот же принцип: маг получает какую-то способность от Бессмертного, но тот в итоге получает подпитку от своей же силы, вложенной в человека, и становится могущественнее.

— По-моему, ты обкурилась чем-то, — сказал я, потирая лоб в лихорадочной попытке понять, издевается Мист надо мной или я просто брежу.

— С какой стати мне лгать? Мне нужно, чтобы ты согласился принять дар. И мне нет смысла тебя обманывать, потому что мне требуется твое добровольное и осознанное согласие.

— Вот как! — Я очень сильно сомневался, что мне стоит верить хоть единому слову Мист. — Скажи-ка мне вот что: почему ты выбрала меня?

— Потому что не всякий человек годен для диалиси. Когда ты появился в этом мире, я почувствовала, что твоя душа способна принять мой дар. То, что ты способен чувствовать присутствие Бессмертных рядом с собой, когда они в своем подлинном обличье, подтвердило это.

— Хочешь сказать, что я какой-то особенный? Пытаешься сыграть на тщеславии?

— Даже и не думала об этом. Ты не такой уж особенный, Дан. Просто бывают люди, которые предрасположены к диалиси, а бывают те, кто нет. Точно такая же ситуация, как вообще с любой магией.

— Допустим, ты не лжешь. — На самом деле я, конечно, не спешил ей верить. — Почему ты так долго тянула с этим своим предложением?

— Мне нужно было, чтобы ты научился хорошо владеть своим собственным даром,

достиг высокого уровня в этом. Наивысшей ступени владения даром ты, конечно, не достиг, но и твои результаты вполне неплохие. Чем лучше маг умеет контролировать свой дар, тем лучше он пройдет через диалиси и тем лучше будет владеть вторым даром. Следовательно, тем сильнее станет сам Бессмертный.

— Это просто абсурд какой-то... — покачал я головой. — Поделиться своей силой с кем-то — и становиться от этого сильнее? В этой концепции чувствуется бессовестное попираание всех принципов логики.

— Магия — это тебе не математика, чтобы подчиняться привычным для человеческого мышления законам. Я не собираюсь отдавать тебе свою собственную силу, а ту, которая есть чистая потенция. Перейдя в тебя, она из потенциальной превратится в действующую и будет в том числе питать меня, делая сильнее и могущественнее.

— Все запутаннее и запутаннее...

— Разберешься со временем. Ну что, Дан... — Мист медленно подошла ко мне. На этот раз я не стал отходить от нее. — Ты согласен?

— Не думаю, — я покачал головой, глядя прямо в ее холодно-красивые глаза. — Не нравится мне все это. Я не привык доверять тем, кто вытворяет... вот такое вот. — Я указал на скелет, лежавший в нескольких метрах от нас.

— Этот упырь собирался тебя прирезать! — отчеканила Мист.

— Да ты что? А ты давно записалась в мои телохранители?

— И это твоя благодарность?

— За что? — возмутился я. — Это я его убил.

— Вот именно. А монстром пытаешься выставить меня.

— Почему я его убил — понятно. А вот с какой стати ты решила труп скормить этим жутким птицам...

— Да какая тебе разница, если он уже труп? — повысила голос Мист. — Его бы нашли. Тебе проблем не хватает? Хочешь заработать себе обвинение в убийстве барона? И не мелкого, как тот, который к шлюшке твоей ходил, а очень серьезного, семья которого способна стереть тебя в порошок.

— Хватит, Мист...

— А как ты собираешься отыскать и освободить мальчонку? — пустила она в ход самый сильный свой аргумент.

Я молчал. Найти Агнара — моя главная цель сейчас. Как — представления не имею. А Мист может помочь... если снова не лжет.

— Что за магию ты хочешь мне даровать?

— Вот такую.

Мист вскинула руку вверх: над нами кружила одна из уродливых птиц. Из пальцев Мист вырвались... длинные тонкие нити черного цвета и вонзились в тушку птицы. Та, издавая скрежещущие звуки, упала нам под ноги. Еще несколько секунд она билась в агонии, а затем ее тушка как будто бы сама собой была выпотрошена, из нее вытекла какая-то темная жидкость, и птица издохла.

— Магия смерти? — спросил я.

— Скорее, деформации. Не обязательно убивать. Ты можешь просто... изменить существо.

— Изуродовать, ты хотела сказать?

— Дан, не будь занудой.

— А не то же ли самое делают туманные твари?

— Нечто подобное, да. Но они не безличная сила, в отличие от магии, которая есть во мне и будет в тебе, а разумные существа.

— То есть ты предлагаешь мне согласиться принять смертоносный дар? И зачем же он мне, по-твоему?

— Неужели ты думаешь, что у тебя не будет врагов?

— Это для меня не является основанием, чтобы соглашаться на такое.

— А мальчишка является? — раздраженно спросила Мист.

Похоже, терпение лгуни все больше истончается.

— Нет, Мист, я не соглашусь стать убийцей даже ради того, чтобы отыскать мальчика.

— Стать убийцей? — Она злобно расхохоталась. — Ты это серьезно сейчас, Дан? Ты уже им стал, очнись! Ты меньше часа назад грохнул вот этого... — Она махнула рукой в сторону скелета. — Хочешь обелить себя? Выставить жертвой ситуации? А ты, я погляжу, тот еще лицемер!

— Ты права... — Я отошел к одному из деревьев и уселся на землю, прислонившись к толстому, темному стволу. — И я совсем не рад этому.

— Дан, не будь тряпкой! — Мист уже не скрывала своей ярости. — Ты заслуженно прикончил гада, который сам хотел тебя прикончить! И нечего тут хныкать! Я предлагаю тебе не в монстра превращаться, как ты подумал, а стать сильнее. Ты получишь способность защищать себя и своих близких от врагов, а враги у тебя будут — это непременно. Ты сможешь всегда постоять за себя, сможешь воздавать по заслугам тем засранцам, что посмеют встать у тебя на пути!

— Я уже дал тебе ответ, Мист — нет. — Я поднял на нее непреклонный взгляд.

— Ты не оставляешь мне выбора, Дан...

Мист исчезла. Зато на ее месте появилась туманная тварь.

— Что, убить меня решила? — крикнул я в пустоту. — Ну так убила бы сама, чего приспешников своих подключать, это же сугубо наши с тобой дела.

Туманное нечто подплыло ко мне. Я вскочил и, подбежав к мечу, схватил его, благо он был у меня в руке, когда Мист перенесла нас сюда.

Я рассекал воздух и туманную фигуру своим прекрасным новым клинком, но это, разумеется, не давало мне ничего. Монстр от моих взмахов слегка рассеивался по воздуху, не более того.

Я выронил меч и соткал в руках сгусток света, после чего бросил его в монстра. Тот увернулся. Я повторил трюк. Попал в туманное брюхо, которое рассеялось, образовав отверстие в «теле» врага. Это не помешало ему подобраться ко мне вплотную и повалить на землю. Противник оплел меня своими щупальцами. Я ощутил, как мое тело стискивают в ледяных объятиях, как начинаю задыхаться от нехватки воздуха.

Резко все поменялось. Мое тело теперь не просто было стиснуто. Я почувствовал странное движение... внутри себя. Тварь запустила щупальца вглубь моей плоти!

Я услышал хруст, а затем вместе с дикой болью пришло понимание того, что это ломаются ребра.

— Ааааа! — Пронесся по степи мой сдавленный крик от нестерпимого страдания, причиняемого движениями щупалец где-то в области моего живота.

Тварь пыталась порвать меня на части изнутри.

Я подумал, что скоро потеряю сознание от боли. Я перестал понимать, кричу я или это мне только слышится.

— Соглашайся или умри, Дан, — услышал я голос Мист словно бы над самым ухом.

— Пошла ты... — Надеюсь, я сказал это вслух, а не просто мысленно.

Мист — мерзавка такая — хотела вырвать из меня согласие путем пыток и угрозы смерти. И этой мрази я доверял и собирался иметь с ней дела? Да за такую тупость смерть для меня — еще мягкое наказание.

— Долбаный упрямец! — услышал я яростный вопль.

А затем свет в моих глазах погас.

Глава 25. Подземелье — что, опять?!

Кажется, я в собственном сне. Или уже потерял рассудок.

Долгое время (или мне показалось, что долгое) я просто пребывал во мраке. Боли уже не было — только темная пустота.

И спустя целую бесконечность я увидел себя изнутри — причем это не метафора такая, означающая «заглянуть вглубь своей души» или что-то в этом роде... Я увидел себя изнутри буквально.

Я был полон тьмы, но она не была густой, как, к примеру, у Эйдин до восстановления с помощью моей силы. Тьма оплетала мои внутренности легкой тонкой пеленой. Я наблюдал за подрагиванием этой пелены, за тем, как она расползается по моему организму, захватывая территорию сантиметр за сантиметром.

Но неожиданно захватнические действия разрушительной тьмы прекратились. Непонятно откуда появился крохотный пучок сине-белого мерцания, этот пучок стал медленно, но непрерывно разрастаться. Там, где сине-белый свет касался моего организма, тьма сначала отступала, точно поверженный враг на поле брани, а затем и вовсе рассеивалась. Не знаю, сколько минут или часов прошло, я совершенно не понимал хода времени, но вот сине-белое мерцание захватило почти все оккупированные врагом участки моего организма. Самый сложный участок был в области сломанных ребер. Они были самым чудовищным образом искорежены. Свет бился с тьмой отчаянно и беспощадно, но враг не желал сдавать позиции. Да, я не сразу это увидел, но сейчас видел четко: в области ребер была максимальная концентрация разрушающей мое тело черноты. Но сине-белый свет в конце концов справился: враг был повержен. И вот я уже видел лишь сине-белое мерцание, которое с материнской нежностью и лаской обволакивало мою плоть, изгоняя из нее остатки тьмы, воссоздавая то, чтобы было растерзано, возвращая в мое покалеченное нутро здоровый ток жизни.

Я открыл глаза и увидел над собой вечно хмурящееся темное небо. Неужели здесь всегда так мрачно? Как же тут возможно от тоски не завять? Впрочем, Мист говорила, что это окраина. Возможно, в других территориях, где кто-то живет, весело и зелено, нормальные птицы чирикают над головами, а небо солнечное и усеянное пушистыми облаками.

Что я несу? Тронулся умом, что ли, уже... И с этого мгновения каждое слово мерзавки Мист надо подвергать сомнению.

Я, кряхтя, поднялся на ноги. Ощупал ребра. Вроде все в порядке. И чувствую себя прекрасно. Слабость только слегка ноги подкашивает. Неужто то был не сон, а я и впрямь сам себя... воссоздал? Точно, это магия не созидания, а воссоздания. Тоже мне, главный эксперт по логике, блин, термин новый для магического дара ввел.

Вокруг — все та же жуткая степь. Любопытно, чего Мист добивается? Почему бросила здесь, а не убила сразу? Или желание помучить меня взяло верх? Вдруг она садистка хренова, у которой вид меня, корчащегося на земле и захлебывающегося кровью, вызовет эмоциональный оргазм? Или же мразь лелеет надежду, запугав меня до смерти, вырвать из меня согласие на сделку? Тогда ей придется засунуть эту надежду себе в одно место.

Я подобрал меч и, не торопясь, двинулся вперед. Куда идти и стоит ли вообще —

непонятно, но стоять на месте казалось еще более нелепым решением. Да и капелька любопытства терзала мой ум.

Степь, казалось, была без конца и края. Однообразие картин вокруг утомляло жутко. Я, наверное, шел несколько часов, если в этом адском месте вообще время движется. Горло пересохло, жажда мучила нестерпимо, хотя жарой тут и не пахло. Да, здесь было холодно. Не то, чтобы мороз, но я продрог в своей рубахе. Раньше, в пылу сражений с туманными тварями, я как-то не замечал низкую температуру этого места.

Шагая в неизвестность, я прокручивал в голове события последних... часов? дней?

Мое нутро холодило от осознания того, что я стал убийцей. Мерзавец хотел изнасиловать Виам — это мысль пожирала меня изнутри пламенем ненависти. Но я не желал быть убийцей, не желал уподобляться таким, как он. Но уже уподобился. И назад пути нет. Теперь и мои руки в крови, и вовек мне не смыть ее. И как с этим жить — я понятия не имел.

Не правы те безумцы, которые говорят, что убивать — легко, что после становится все равно. Я чувствовал себя так, будто шагнул во тьму бездны, и падал, падал, падал... не зная, что же ожидает меня там, на самом дне.

Я ненавидел себя за то, что сделал, ломал мозги над вопросом — а мог ли не сделать? Мог ли найти иной выход? И не попытка ли это просто оправдать свое преступление?

Ненавидел я и барона-ублюдка за то, что вынудил меня стать убийцей.

Наконец, путь мой резко оборвался, оборвав и мрачные мысли в голове. Я едва не свалился в отверстие, оставшееся было незамеченным. Оно было небольшим, но достаточного размера, чтобы я провалился сквозь него. Вопреки тому, что едва не полетел под землю, я был рад хоть какой-то перемене.

Присев на корты, я всмотрелся в темную дыру. Да ведь там ступени! Любопытно, в обиталище какой адской твари они ведут? Так, Дан, сиди на попе ровно или, что еще лучше, рви когти отсюда, не хватало еще целенаправленно нарываться на какое-то дерьмо.

И, разумеется, Дан не внял голосу здравомыслия в своей черепушке. Видимо, совсем уже чокнулся после пережитого трэша.

Я осторожно просунул ноги в дыру и нащупал ими ступень. Так, теперь главное — не сорваться. Медленно втянулся внутрь, держась руками за края отверстия в земле. Ступени были довольно широкие, но держаться, кроме них же, было не за что. Пространство вокруг оказалось полым. Цепляясь за ступени над головой, я начал спуск. Десятки ступеней остались наверху. Когда я в очередной раз опустил ногу, уперся в каменный пол.

Обернувшись к окружавшей меня неизвестности, я соткал в ладонях крохотный пучок света — просто, чтобы осветить пространство вокруг. Ничего, лишь голые стены пещеры, из которой отходит единственный тоннель. Подземелья всякие теперь не ассоциировались у меня ни с чем хорошим, и на мгновение я даже пожалел, что спустился и подумал, а не подняться ли мне обратно? Но мысль остановила меня: а зачем? Что там, наверху — голая степь? Куда мне шагать? Я не знаю даже, реальность ли окружает меня или Мист просто пудрит мои мозги своими иллюзиями. Так что решено, продвигаюсь по пещерам. Может, что любопытное найду? Ну, или помру в лапах подземного монстра.

Неожиданно сине-белое мерцание в моих ладонях стало... гаснуть. А воздух вокруг комочка света как-то... скукожился? И еще будто бы сгустки темноты вокруг моих рук стали подрагивать. Я не успел поразмышлять над этим: свет в моих ладонях погас. Дерьмово, в такой крошечной тьме у меня нет никакого желания идти.

Внезапно меня осенило. Фосфорные спички! Ведь они же в кармане штанов у меня. Я их переложил из заплечного мешка, когда был в лавке. Уж больно много вещей накопил, а короб со спичками был не такой крохотный, как тот, что в моей бывшей реальности. Вот так чудо! Хорошо, что я каждый раз забывал выложить эти спички из мешка.

Я вытащил коробок, выудил одну спичку и, вернув коробок обратно в карман, чиркнул спичкой по стене пещеры. Отлично. Только это тебе не факел, конечно, быстро сгорит. Что ж, придется зажигать лишь время от времени, чтобы разведать обстановку вокруг. Ровно до тех пор, пока из тьмы на меня не бросится какой-нибудь монстр и не сожрет, пока я пытаюсь сориентироваться во мраке. Я нервно усмехнулся этой мысли.

Я понимал, что здравомыслящий человек вернулся бы обратно. На поверхности хотя бы визуальную ориентацию не теряешь. Но что-то упорно двигало меня вперед: врожденные тупость и любопытство, должно быть. А еще где-то на грани сознания болталась мысль, что в планы Мист вовсе не входит обрекать меня на гибель. Я ей нужен живой.

Я двинулся вперед — в тоннель. Он был довольно широк. Ничто не предвещало опасность, но я так и ожидал, что в любую секунду откуда-нибудь на меня может обрушиться очередная тварь.

Пройдя несколько сот шагов, я оказался в просторной пещере, заполненной статуями странных существ: вроде тела людские, но в остальном... они были похожи на воплощенный в камне шизофренический бред. Стоп, а камень ли это? Я подошел поближе к одной из статуй — женской, судя по выпуклым формам, подобию волос на голове и чертам... того, что было лицом.

Статуэточная дама представляла собой... сплетение каких-то хреновин. Они были белесые и отдаленно напоминали то ли кости, то ли толстые отполированные ветви дерева (чтоб их, эти деревья!). Волосы, если это были они, выглядели точно так же. Тоненькие «ветви-прожилки», вросшие в лицо «красавицы» напоминали вздувшиеся вены. Брови отсутствовали, подбородок был узким, лоб, напротив, неестественно широк в отношении других черт лица. В безжизненных глазах застыло что-то, от чего веяло жутью. В общем, дамочка выглядела довольно омерзительно.

Я замороженно разглядывал этот чудовищный образец искусства. Протянул руку и медленно провел по одной из застывших «ветвей», венчавших голову. Ах, острые какие! Пряди-убийцы, блин. Я взглянул на палец, на коже которого выступила красная капля.

Ладно, что-то я задержался тут, пойду дальше. Повернулся и направился в сторону двух тоннелей, протянувшихся вглубь подземелья. Какой же выбрать: правый или левый? — извечный вопрос...

Я резко врос в пол, когда услышал странный треск за спиной. Дрожащими руками зажег очередную спичку, со скоростью улитки обернулся и... едва не заорал от впившегося в сердце ужаса. Статуэточная дама, которую я бесцеремонно лапал менее минуты назад... ожила. Да, блин, статуя начала шевелиться, причем очень активно! Да, дамочка явно не страдала от онемения конечностей, хотя явно простояла в неподвижной позе немало времени. Когда ее тело целиком приобрело способность двигаться, дама повернула голову ко мне: я едва не нассал в штаны от той ледяной жути, что, казалось, навеки поселилась в ее глазах.

— Ты оживил меня... твоя живительная кровь... спустя сотни лет... — проскрежетала бывшая статуя голосом не менее жутким, чем ее облик.

Наконец, прядя в себя от потрясения, я кинулся к тоннелю (спичка, конечно же, очень

вовремя потухла!) — только не к тому, который вел вглубь подземелья, а к тому, который обратно выведет меня на поверхность.

— Не так быстро, мальчик... за столько лет я жутко проголодалась...

У меня не было времени оглядываться, да и какой смысл в такой темноте, но я ясно услышал за спиной быстрый топот бывшей статуи. Скоростная, зараза, даже после многолетней спячки.

Я бежал по тоннелю так быстро, как не бежал еще никогда в своей жизни. Но тварь меня настигла. Ее тонкая, но цепкая рука схватила меня за плечо и рванула назад. Моя тушка свалилась на пол. Поспешно стал вытаскивать меч из ножен, а бывшая статуя глядела на мои действия с презрительным снисхождением. Да это не я успел вытащить меч быстро, а она позволила мне это сделать!

— Давай, руби! — Жуткая дама раскинула руки в стороны, открывая для удара грудь и брюхо.

Я, не надеясь ни на что хорошее, рубанул клинком по ее ноге, но лезвие словно наткнулось на камень. Ясно, почему тварь так невозмутима. Все, теперь уж точно крышка мне.

— Безмозглый мальчонка! — прошипела тварь и наклонилась ко мне настолько близко, что я видел ее темные зрачки в жутких белых глазницах.

Она оскалилась, демонстрируя маленькие, но острые зубы, какие не могли быть у человека. И вот в этой пасти мне придется погибнуть? Да, чтоб ее — умереть, будучи сожранным статуэточной женщиной, абсурднее просто не придумаешь!

Ожившая статуя молниеносно впиалась в мое плечо, я заорал от боли. Ну нет, жуть ты монструозная, я еще поборюсь с тобой до смерти. Я соткал в руках пучок света и впечатал его в голову грызущей мою плоть твари. Та издала такой вопль, что, наверное, лавкрафтовские монстры в обморок упали бы от страха.

Энергия впопыхах получилась не очень сильной, я, пока тварь металась по тоннелю, соткал еще один сгусток и швырнул в нее — дерьмо, не попал! Тогда я соткал пучок света, просто чтобы видеть, и всмотрелся в чудовище особенным взглядом. И похолодел от ужаса. Я ожидал, что не увижу ничего, но ошибся. В твари не было сгустков тьмы, которые я видел в баронском сыне или Эйдин — она слилась с этой тьмой, стала ее живым воплощением. Все нутро бывшей статуи было растерзано, содержало в себе такую концентрированную тьму, что дальше, наверное, уже некуда. Разве со статуей можно подобное сотворить?

Я вернул обычное свое зрение — и вовремя. Бывшая статуя уже успокоилась, теперь ее глаза полыхали огнем безумной ярости. Она кинулась ко мне с вытянутыми вперед руками. Я запустил в нее своей энергией как раз в то мгновение, когда ее руки уже почти сомкнулись на моей шее. Она завизжала и схватилась за лицо, куда я поразил ее.

— Что это... боль, боль... — визжала бывшая статуя надрывно.

Я снова всмотрелся вглубь нее. Свет, проникший в голову твари, не изгонял из нее тьму: он пытался пробить ее, рассеять, но та была столь сильна и сгущена, что моя сила внутри чудовища просто угасала, не добившись ровным счетом ничего. Значит, не одолеть мне этого врага — он слишком могуч. Но сражаться я не перестану! Умереть в бою лучше, чем червем, который сдался и просто позволил себя растоптать, точнее, сожрать.

Я ткнул энергию в руки раз за разом и кидал в своего врага, но в большинстве случаев не попадал. Но вот, наконец, тварь подобралась ко мне так быстро, что я не успел ничего сделать: она схватила меня за плечи и шмякнула об стену, будто куклу. Ох и силища у нее! Я

мешком костей и мяса свалился на пол, попытался подняться, но не успел. Бывшая статуя перевернула меня на спину, оседлала и, нагнувшись, впиалась зубами в уже прокушенное один раз плечо.

— Аааааааа!

Из-за боли в растерзанном плече я даже не сразу понял, как так получилось, что бывшую статую оторвали от меня.

— Оставь меня... — шипела она. — Уйди! Прочь! Моя добыча!

Я приподнял голову и увидел, как Мист взмахом руки швырнула бывшую статую на другой конец тоннеля. Протянула руку, из нее в сторону ожившей статуи метнулись уже знакомые мне тонкие черные нити, оплели все тело статуи, та завопила истошно и оглушительно.

— Ты уже настолько искажена, что дальше просто некуда... — сказала Мист, улыбаясь, а затем сделала какое-то движение рукой, и статуя... разлетелась на десятки обломков.

Я с минуту ошарашенно глядел на груды обломков, а затем спросил у Мист дрогнувшим голосом:

— Кем она была?

— Неважно. Одно из многочисленных чудовищ, населяющих наш мир. Если бы не я, Дан... — Мерзавка приблизилась ко мне и наклонилась: — ...ты сейчас переваривался бы в ее брюхе.

— Если бы не ты, тварь, я бы сейчас был у себя дома, — процедил я сквозь зубы, глядя в ее искрящиеся от ярости глаза.

— Ошибаешься. Пошел бы на корм червям в могиле за убийство барона.

Она схватилась за мое плечо, я хотел скинуть ее руку, но уже в следующее мгновение мы оказались на поверхности — в степи под черным небом.

Тут уж я скинул ее руку со своего плеча. Плечо... Я внимательно осмотрел его — рана от укуса статуи затянулась, остался лишь красноватый рубец.

— Да, Дан, ты правильно понимаешь, твоя собственная сила лечит твои раны. Но учти, что только тогда, когда ты еще не оказался на грани смерти, — пояснила Мист.

— Что тебе нужно от меня? — устало поинтересовался я у нее. — Тебе не удастся этими подлыми методами вынудить меня сказать «да», так и знай.

— А я думаю, что удастся, — улыбнулась она. — Я буду пытаться до тех пор, пока не услышу от тебя это слово, Дан. Я буду позволять чудовищам этого мира мучить тебя настолько, чтобы это было нестерпимо больно, но не смертельно для тебя. Ты станешь весь покрыт рубцами, ты будешь изнывать от муки, будешь скитаться по этой мрачной пустоши до тех пор, пока не призовешь меня, чтобы дать свое согласие.

— Пошла нахрен, мразь! — плюнул я ей в лицо.

Мист, продолжая улыбаться, вытерла лицо и исчезла.

Глава 26. Свет и Тьма

На этот раз я, понимая, что идти куда-то бессмысленно, просто уселся на земле, прислонившись к дереву, и попытался успокоить kloкочущую внутри ярость. Меня разрывало от желания порвать Мист на куски. Но еще больше я злился на себя — за то, что однажды доверился ей и принимал ее за союзника. Глупец! Ничему жизнь не учит.

Дерьмо, как же жрать хочется, но хуже всего — жажда! Маловероятно, что в этой пустоши хотя бы тонюсенький ручеек найдется.

Конечно, я понимал, что просто отсидеться, надеясь на то, что Мист сдастся, не выйдет. Каждую секунду своего нахождения здесь я напрягался в ожидании возникновения передо мной очередного чудовища, жаждущего порвать Дана на куски пищи для ужина.

И кандидат на это дело объявился очень скоро. Из-за голых деревьев впереди показалась туша громадины на четырех лапах. Завидев ее, я едва не помер от страха. Теперь уж и не знаю, кто выглядит более жутко — ожившая статуя или этот зверь.

Да, это был зверь, но, кто бы сомневался, фантастический для меня. Размерами он серьезно превосходил алоуша, виденного мной. Цвета был грязно-серого. Большую часть туши громадины покрывали костяные наросты. Заостренные уши, торчавшие кверху, напоминали рога. Мощные толстые лапы имели длинные пальцы с не менее длинными, острыми когтями. А пасть... да любой алоуш обзавидуется такой пасти — огромная, усеянная острыми зубами и четырьмя длинными клыками-кинжалами. Глаза монстра горели красным.

Сначала я не сильно паниковал: Мист ведь ясно дала понять, что не позволит мне погибнуть в этой дыре. Но затем в голове у меня мелькнуло: а ведь она еще упоминала про страдания, которым я буду подвергаться... Ох, как, должно быть, мучительно, когда тебя рвут когти и зубы этой громадины...

Так, спокойно, Дан! Нет ничего на свете, что заставило бы меня согласиться на сделку с Мист. Сука не дождется, что я сдамся и паду к ее ногам с мольбами о пощаде!

Пока я прокручивал в сознании эти мысли, зверь с утробным рычанием продвигался ко мне. Красные глаза горели плотоядным огнем и словно бы говорили: конец тебе, мой будущий ужин, попрощайся с миром.

Я поднялся и вытащил меч. Зверь не торопился бежать и бросаться на меня. Знает, тварь, что мне некуда деваться. Но, наконец, он преодолел то расстояние, что отделяло его от меня, и сделал грациозный прыжок в мою сторону. Я отбежал вправо. С изяществом балерины (вот без шуток: вопреки размерам зверь двигался очень быстро и ловко!) враг развернулся ко мне и раскрыл пасть в леденящем душу реве. Да чтоб тебя алоуш сожрал, гад ты эдакий! Да только никакой алоуш не справится с этим чудовищем!

Зверь снова бросился на меня. Я повторно ушел от ловушки его лап, сделав рывок в сторону. Попытался вонзить меч в глаз чудовища, но он был куда ловчее. Враг зарычал еще свирепее и стремительно прыгнул на меня. Тут уж я не успел куда-либо отскочить. Клыкастая тварь мощно ударила меня лапой, отчего я, как подкошенный, распластался на земле, выронив меч. Зверь провел когтями по моему телу, и я взвыл от боли в исполосованном животе. Да от такого у меня все кишки должны были выпасть, точно помру...

Зверь зарычал — мне показалось, или я увидел в его жутких глазах чувство

удовлетворения?! — и, раскрыв пасть, приготовился порвать мне горло, но тут...

— Оставь его! — услышал я властное повеление Мист.

Зверь в бешенстве зарычал и... нехотя отступил? Этот колоссальных размеров монстр повинуется этой сучке? Мир сошел с ума.

Я закрыл глаза, пытаюсь не потерять сознание от боли. Когда снова открыл их, надо мной нависала улыбающаяся Мист. Как бесит эта ее улыбка!

А затем я все-таки потерял сознание.

Я снова видел, как свет блуждает внутри моего тела, изгоняя тьму. Кажется, это длилось годами... Все снова стало хорошо, я был чист, только вот... о, нет! Обратив внутренний взор в голову, я увидел, что она подернута темной пеленой. Давай, давай, сила внутри меня, мерцай же ярче, изгони эти последние остатки тьмы из меня! Но свет погас, а тьма осталась в моей голове.

Я открыл глаза и увидел вечно хмурящееся небо над собой. Но было что-то еще. Что-то, чего не должно здесь быть.

— Ты очнулся! Я так рада! — воскликнула Ли, сидящая на земле рядом со мной и держащая меня за руку.

— Ли? — Я удивленно поднялся. — Ты как здесь... оказалась?

— Я ждала твоего пробуждения, милый мой!

— Но ты же... умерла.

— Ты прав... — Девушка грустно опустила голову, но уже через секунду радостно вскричала: — Так пойдем же со мной, Дан! — Она протянула ко мне... щупальца.

Я отшатнулся и увидел, как прекрасная Ли обратилась туманной тварью, тянущей ко мне свои смертоносные щупальца. А затем она растаяла в воздухе. Но в то же мгновение другая туманная тварь появилась сбоку от меня, а потом еще, и еще, и еще... Их были десятки. Я был окружен небольшой армией туманных монстров. Я был обречен. Бежать не было сил, но я все же побежал. Что это? Почему я стою на месте? Знаете, как во сне — бежишь, но в то же время никуда не двигаешься.

Щупальца обхватили меня сзади, и я упал. Они стали оплетать меня и проникать в мою плоть. Одна из тварей запустила щупальца мне прямо в глазницы, и я ослеп. Я видел лишь темноту. Почувствовал блуждание щупалец у себя в кишках и в то же время услышал душераздирающий крик — будто кого-то режут на куски. Да ведь это я кричу... и это мою плоть рвут на куски. Щупальца проникли мне в голову и, кажется, опутали мой мозг. Другие проникли в грудь и стиснули сердце, заставляя его остановиться... вот и все. Это значит, что смерть пришла за мной.

— Дан, послушай меня!

Я недовольно пробормотал что-то, сам не понимая, что. Зачем меня вырвали из блаженного небытия?! Мне так хорошо было быть ничем в пустоте!

— Дан!

— Ну что? Кто говорит? — Я открыл глаза, но не увидел ничего, кроме беспросветного

мрака.

— Это я, Мист. Ты был сильно ранен Вырывающим жизнь.

— Что? Это та зверюга громадная так называется? — Я вспомнил последние события своей жизни.

— Да, он. Из-за серьезности раны и из-за того, что до этого ты успел потратить прилично магической энергии, у тебя не хватило сил полностью восстановиться после ранения, поэтому ты сейчас валяешься в отключке.

— И ты мне типа снишься, что ли?

— Нет, — Мист усмехнулась, — я ворвалась в твоё сознание, чтобы поговорить с тобой.

— Что? Ты чужие черепушки не только буквально, но ещё и метафорически вскрывать умеешь?

— Не совсем. Но ты сейчас очень уязвим. К тому же, мы просто болтаем, ни о каком захвате твоего сознания речи не идет. К сожалению... Так вот, твоя магия восстановится, и регенерация твоего тела полностью завершится. Тогда ты придешь в себя, и тебе придется сделать выбор — хочешь ты того или нет.

— Я уже сделал его, отвали от меня, — махнул я рукой, словно отгоняя навязчивую муху.

— Нет, Дан, ты сделал неправильный выбор, придется поменять своё решение.

— Вот ещё!

— Придется, — твердо повторила мерзавка. — И я очень не советую тебе злить меня.

— Я лучше подохну в пасти этого твоего Вырывающего чего-то там... чем дамся тебе, овца тупорылая, — улыбаясь, заявил я.

Отчего-то ненависти к Мист больше не было. Только досада.

— Ну-ну, пьеса ещё не до конца сыграна, милый мой мальчик...

Сквозь плотную завесу дурмана и забытья в моё сознание вторгались пока ещё не распознанные мной человеческие звуки: то ли рыдания, то ли стоны и хрипы... Мне казалось, я целую вечность продирался сквозь что-то густое и вязкое, в котором утонуло моё сознание. Мне пришлось выплывать на поверхность путем невероятных усилий. И вот, наконец, я сумел разлепить словно налившиеся свинцом веки. И, наверное, в тысячный раз увидел над собой неизменно нахмуренное небо. Шум продолжал вторгаться в уши. Кажется, я знаю эти голоса... не могу вспомнить. Голова до сих пор будто затуманена чем-то.

Я с трудом поднялся вначале на четвереньки, затем и во весь рост. Уставился перед собой. Несколько секунд мне понадобилось, чтобы сфокусироваться, ещё несколько, чтобы осознать, что я действительно вижу перед собой Мист, Эйдин, Виам и её дочерей. Эйдин стояла неподвижно и молча, но видно было, что девушка скована смертельным страхом. По её красивому лицу непрестанно текли слезы. Виам и её девочки сидели на земле, дети прижались к матери, та вцепилась в каждую из них так сильно, словно все чудовища мира вознамерились отобрать малышей у матери. Виам сотрясалась в рыданиях, её спутавшиеся пряди прилипли к мокрым от слез щекам. Вали сидела тихо, но была напугана не меньше остальных. Нур несколько секунд назад заходила оглушительным плачем, но сейчас успокоилась немного и лишь жалобно всхлипывала.

— Дан, умоляю, помоги... — Виам протянула ко мне одну руку, из её груди вырвался тяжелый вздох.

— Что здесь происходит? — громко спросил я у Мист, прожигая ее самодовольно ухмыляющееся лицо ненавидящим взглядом.

— Ох, Дан... — Она приблизилась ко мне и фальшиво-ласковым движением провела по моей щеке. — Знал бы ты, сколько мне пришлось приложить усилий на пути к своей цели... Я даже соблазнить тебя пыталась, влюбить тебя в себя думала! Но либо ты чокнулся настолько, что сам не понимаешь, от чего отказываешься, либо уровень твоего либидо возмутительно низок. Я так старалась заслужить твое доверие, твое расположение к себе, так старалась стать твоим другом! Я помогала тебе, вытаскивала тебя из всякого дерьма, давала советы по поводу овладения даром... И ты действительно проникся дружеской симпатией ко мне. Но этого оказалось недостаточно! Я ошиблась в тебе, я заблуждалась, полагая, что ты — легкая добыча. Ты оказался упрямым ослом, который глупые и бессмысленные моральные принципы ставит выше силы и власти. Безумец! Как ты до сих пор еще не понял, что в этом мире лишь сильный может возвыситься? Остальные обречены ползать в грязи и дерьме до конца своих дней. Ты ведь был в касте червей, Дан, ты так хотел вылезти из низов! Я до сих пор не могу понять это противоречие в тебе, милый мой мальчик, твое поведение до абсурда парадоксально!

Мист оборвала свою речь, чтобы выдохнуть.

— Не можешь понять, потому что сама лишена этих моральных принципов, — сказал я.

— Ох, милый мой... — Она с выражением досады на лице махнула рукой. — Что ты понимаешь в этом? Ты — младенец в сравнении со мной. Ты хоть знаешь, сколько мне лет и сколько таких, как ты, я повидала на своем веку? Бессмертные выше людских законов и людской морали! Мы находимся за гранью добра и зла, для нас нет света и тьмы, ибо все это — плод воображения слабых и трусливых человечков, которые пытаются втиснуть все мироздание в рамки своих узких представлений! Беспокоится ли солнце о том, что своим жаром может иссушить землю? Волнуется ли океан, что своими волнами может смыть песчинки на берегу? Так же и мы, Бессмертные: наши стремления куда глобальнее, чем мелкие людские страхи и желания.

— Твоя попытка оправдать то, что ты злобная тварь, с треском провалилась, — перебил я разошедшуюся брюнетку.

— Дан, ты так наивен. — Мист улыбнулась и снова коснулась моего лица.

Я со злостью оттолкнул ее руку.

— Зачем здесь они? — спросил я, указав на пленниц.

— Мне просто ужасно надоело ждать твоего ответа, Дан.

— Я уже дал ответ.

— Но не тот, что мне нужен. Я думала, ты образумишься, если позволить тебе столкнуться лицом к лицу с теми ужасами, что обитают здесь. Но ты оказался слишком уперт. Или глуп. В любом случае, я поняла, что угрозой смерти и страданий тебя не сломить. Твоя воля крепка — за это я тебя даже зауважала. Впрочем, никакая воля не поможет безумному глупцу, куда важнее обладать хорошо работающими мозгами, а с этим у тебя оказалась проблемка. Но ничего, я тебе помогу сделать выбор. Мое терпение на исходе, поэтому я решила прибегнуть к решительным мерам. У таких, как ты, моралистов, бывает одна очень серьезная слабость — их доброта и сострадательность. — Мист повернулась к пленницам. — Дорогие, милые мои... вам стоит благодарить вот этого принципиального упертого молодого человека за то, что вы сейчас стоите здесь. — Мразь снова обернулась ко мне. — Дан, мне в какой-то момент показалось, что ты неровно дышишь к этой шлюшке. —

Она подошла к Эйдин и, убрав ее волосы назад, нежно провела пальцем по ее шее. — Вот я и подумала, если это так, то это должно помочь тебе сделать правильный выбор.

— Эйдин совершенно не имеет отношения к нашим с тобой делам, как и все остальные, — охрипшим голосом начал я. — Мист, прошу,пусти их всех!

— Скажи-ка мне, малышка, — Мист наклонилась к лицу Эйдин, — как ты думаешь: Дан влюблен в тебя?

Та отчаянно помотала головой.

— Не слышу.

— Нет, — выдавила Эйдин вне себя от ужаса. — Мы виделись всего дважды.

— Хм... Этого было бы достаточно, чтобы влюбиться, но, похоже, Дан действительно к тебе равнодушен, не вижу в его глазах какого-то особенного страдания из-за страха за тебя. Что ж... — Мист непонятно откуда взявшимся кинжалом молниеносно провела по горлу Эйдин.

— Нет!!! — заорал я и кинулся было к ней, но Мист угрожающе направила клинок в сторону Виам.

Виам закричала, Нур снова зашлась в плаче, Вали беззвучно затряслась от страха.

— Стой на месте, милый мой мальчик, — чеканя каждое слово, медленно проговорила Мист. — Не то ты потеряешь еще одну из них.

— Зачем? — заорал я на нее, впиваясь ногтями в ладони. — Зачем ты сделала это, сука злобная???

— Я? — изобразила на лице удивление мразь. — Нет, Дан, *ты* сделал это. — Она указала на труп Эйдин. — А ведь я предупреждала тебя. Ты своим ослиным упрямством убил невинную перед тобой девчонку.

— Остановись, умоляю тебя... — Я упал на колени. — Прошу, Мист,пусти их. Они же невинные дети...

— Конечно, Дан, конечно. — Мист подошла ко мне и погладила по голове, словно испуганного ребенка. — Ты только дай мне свое согласие принять мой дар.

— Темный дар, верно? Дар разрушения?

— Называй, как хочешь, Дан. Это огромная сила, которая позволит тебе возвыситься.

— Но ведь во мне уже есть сила воссоздания, как же она уживется в моей душе с противоположной силой? — всячески тянул я время, лихорадочно пытаюсь придумать, как остановить это чудовище и спасти Виам с детьми.

— Дан, много вопросов. Просто доверься мне, и все будет хорошо, я обещаю. Поверь мне, мальчик мой, с такой силой тебе никакие враги не будут страшны, ты их просто раздавишь, уничтожишь! Разве не мечтал ты найти того мальчишку, вырваться из своих проблем? Так вот же — тебе дается шанс, только протяни руку и возьми его. Дан, ты станешь могущественным с этим даром, ты получишь такую власть, какая тебе и не снилась!

— Я стану злодеем... как ты... — прошептал я, стараясь незаметно положить ладонь на рукоять меча у себя на поясе.

— Ты станешь тем, кем сам захочешь. Мой дар вовсе не обяжет тебя становиться каким-то монстром. Это просто твои надуманные фантазии.

Я резко вскочил, вытаскивая меч, и сделал выпад в сторону Мист. Она, видимо, либо заметила мое движение, либо слишком ловко и быстро среагировала, потому что я не даже не царапнул ее.

— Дан, ты очень разочаровываешь меня, — покачала головой тварь и... вскинула руку в

сторону девочек.

Все, что произошло дальше, случилось одновременно.

Черные тонкие нити, вырвавшиеся из руки мерзавки, оплели Вали, выхватили из рук матери. Девочка, стянутая враждебными нитями, повисла в воздухе. Ребенок закричал от боли и страха. Виам с обезумевшими глазами кинулась к Мист, но та легко отшвырнула ее назад движением второй руки.

— Дан! Дан, спаси ее!! — закричала Виам, захлебываясь в слезах.

Но я и так кинулся к Мист сразу, как только она схватила Вали. Я попытался снова проткнуть ее мечом, но она тем же легким движением руки вырвала меч и выкинула его в сторону. Тогда я упал перед чудовищем на колени и завопил:

— Стой! Я согласен! Согласен на все! Отпусти ребенка!!!

Мист, опуская на меня взгляд, улыбнулась и медленно опустила Вали на землю. Черные нити ослабли, девочка почти была свободна, а затем... нити впились в тело девочки с удесятенной силой, и ее тело обмякло.

— Нееет!!!! — Я кинулся к Вали.

Девочка была мертва.

Мои уши словно заложило. Глаза помутнели. Я приглушенно слышал страдальческий вой, который издавала Виам, истерические рыдания Нур, видел, как Виам трясет тело Вали. Когда я перевел взгляд на Мист и увидел на ее лице улыбку, пелена с моих глаз спала, слух мой вновь обрел предельную четкость, и я бросился на тварь, которая не заслуживала жить.

— Зачем ты убил ее??? Зачем, сука?! Чтобы тебя разорвало на части, мразь поганая!!! — Я, крича все это, налетел на Мист и повалил ее на землю.

— Тихо, тихо, Дан... — выдавила она, прижатая мной к земле. — Ты ведь не хочешь, чтобы та же участь постигла и вторую девочку. — Она попыталась вытянуть свою прижатую мной руку в сторону Нур, которая лежала под деревом и продолжала плакать.

— Я удавлю тебя, тварь! — Я сомкнул руки на ее шее.

— Не... поможет... — сказала она. — Думаешь... я не смогу... без помощи рук сотворить магию...?

В ту же секунду я увидел, как черные нити вырвались из нее в сторону Нур.

Я мгновенно разжал пальцы и отпустил ее.

— Остановись! Я согласен!

Черные нити пропали. Мист поднялась, потирая горло.

— Если бы не твое упрямство, Дан, сейчас здесь не было бы ни единого трупа.

— Ненавижу тебя! — тихо сказал я, раздавленный горем и ненавистью.

— Довольно болтовни. Я устала ждать. — Мист вскинула руки в мою сторону. — Будет больно, Дан, но ты не бойся — это не причинит тебе вреда. То, что иных убивает, для тебя станет даром могущества и власти.

Из нее вырвались ненавистные мне черные тонкие нити и оплели мое тело. Я упал. Нити оплетали меня, сдавливали мое горло, переплетались на моих руках и ногах, сжимали тело и голову. Их давление становилось все сильнее и сильнее, в какой-то момент мне показалось, что они разорвут меня на куски, но потом нити начали вращаться в мою плоть. Я заорал от нестерпимой боли. Нити жгли невыносимым холодом. Да, чтоб их, они тысячами ледяными жгутами впивались в мое тело, изгоняя из него все тепло!

Холод сковал мои конечности, но вместо вожделенного онемения я продолжал чувствовать адскую боль. Холод проник в мою грудь и почти остановил биение сердца.

Холод почти заморозил мой мозг. Холод заставил стечь кровь в моих жилах. Так мне казалось. Так я чувствовал. Но я не знал, жив ли я до сих пор, не знал, не провалился ли я в бредовый сон.

Я попытался взглянуть на себе внутренним взором, сначала не смог из-за боли, а потом получилось... я был ошеломлен, потрясен увиденным, ужас сковал все мое существо, страх и отчаяние впились в меня куда острее, чем все клинки мира. Я не просто наполнился тьмой. Я почти стал ею. Я смотрел на себя и не видел ни одного участка в своем естестве, в котором не было бы тьмы. Мист разрушала меня. И разрушалось не мое тело, не плоть, как у тех, кого я «лечил» с помощью своего светлого дара. Разрушалась моя душа. Моя душа становиласьместилищем такой тьмы, которая не подпустит к себе никакого света, такой тьмы, которую не сможет вынести ни один человек, не потеряв при этом рассудка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net